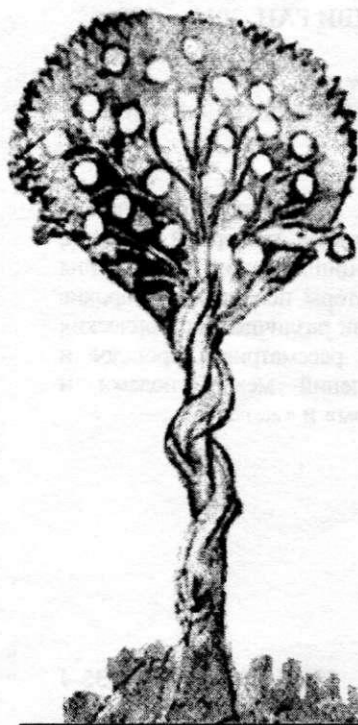

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АЛЬМАНАХ
ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

АДАМ & ЕВА

ADAM & EVE

GENDER HISTORY
YEARBOOK

2011

Москва

№19

ББК 63.3
А 281

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда «Триумф»*

Главный редактор
Л.П.РЕПИНА

А 281 АДАМ И ЕВА. Альманах гендерной истории.
Под ред. Л.П.Репиной. – № 19. Москва: ИВИ РАН, 2011. – 320 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.
Editor: Lorina Repina. – № 19. Moscow: IGH RAS, 2011. – 320 p.

Альманах «Адам и Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ISBN 978-5-94067-335-4

© Коллектив авторов, 2011
© Институт всеобщей истории РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

История маскулинностей: Нормы и девиации		History of masculinities: norms and deviations	
<i>Л. Л. Селиванова</i>	7	<i>L. L. Selivanova</i>	
Самооскопление во славу Богини		Self-castration in glory of the goddess	
<i>А. Г. Суприянович</i>	37	<i>A. G. Souprianovich</i>	
Уильям и вервольф: репрезентация домини- антных маскулинно- стей в средневековом романе		William and the werewolf: representation of dominant masculinities in medieval romance	
<i>А. М. Ермаков</i>	63	<i>A. M. Ermakov</i>	
Йозеф Геббельс и конструирование нацистской модели маскулинности		Joseph Goebbels and the Construction of Nazi Model of Manhood	
Гендерные репрезентации		Gender representations	
<i>Н. Ю. Бикеева</i>	98	<i>N. Yu. Bikeeva</i>	
Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких		Private life of a saint woman of the Merovingian epoch: Radegund and her circle	
<i>А. Ю. Серегина</i>	119	<i>A. Yu. Seregina</i>	
Историописание в жен- ских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.)		Nuns and history writing: the Chronicle of the Convent of St Monica, 17 th c.	

- О. И. Тогова** 148 **O. I. Togoeva**
Жанна д'Арк между
католиками и протес-
тантами во Франции
XVII в.
Jeanne D'Arc in the
17th-century France:
between Catholics and
Protestants
- И. И. Лисович** 171 **I. I. Lisovich**
Репрезентация теории
магнетизма в
английской культуре
XVII века: У. Гилберт
«О магните» и
Б. Джонсон
«Магнетическая Леди»
Representation of the
theory of magnetism in
the seventeenth-century
English culture: 'De
magnete' by W. Gilbert
and 'The Magnetic
Lady' by Ben Jonson
- А. В. Стогова** 199 **A. V. Stogova**
История одного
непонимания: Кэтрин
Филипс и Джереми
Тейлор
The history of a
misunderstanding:
Catherine Philips and
Jeremy Taylor
- История семьи и
эмансипации** **History of family and
emancipation**
- В. Ю. Иващенко** 223 **V. Yu. Ivashchenko**
Проблемы европеиза-
ции частного быта:
семейные отношения
и домохозяйство
в профессорской среде
Харькова в начале
XIX в.
Challenges of
Europeanization in
Private Life: Family
and Household in
Professorial Circles of
Kharkov in the early
19th century.

ИСТОРИЯ МАСКУЛИННОСТЕЙ: НОРМЫ И ДЕВИАЦИИ

Л.Л. Селиванова

Самооскопление во славу богини

По морям промчался Аттис на летучем, лёгком челне,
Поспешил проворным бегом в ту ли глушь фригийских лесов,
В те ли дебри рош дремучих, ко святым богини местам.
Подстрекаем буйной страстью, накотившей яростью пьян,
Оскопил он острым камнем молодое тело своё.
И себя почуял лёгким, ощутив безмужную плоть,
Окропляя тёплой кровью кремнистый выжженный луг.
Он взмахнул в руке девичьей полнозвучный гулкий тимпан.
Это твой тимпан, Кибела, твой святой, о мать, тимпан!

Катулл. Пер. А.И. Пиотровского

Культ великого женского божества уходит корнями в глубокие тысячелетия. Великая Богиня почиталась всеми народами древности в разных ипостасях: Мать, Дева, Возлюбленная. У неё были паредры: спутники, возлюбленные, супруги, нередко являющиеся её сыновьями. У греков она приняла образы Афины, Афродиты, Артемиды и Геры¹ (предшественницей всех греческих богинь была минойская Владычица дикой природы Πότνια θηρών). Довольно рано греки заимствовали и восточный, малоазийский культ Матери богов Кибелы и её возлюбленного Аттиса, оскопленного умирающего и воскресающего бога². Свиту этой богини составляли евнухи, гер-

---

¹ *Harrison J.E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge, 1908. P. 321.*

² Особенно легко воспринимали чужеземные культы афиняне, за что и осмеивались в комедиях. Греческий оратор и политический деятель Демосфен (384-322 гг. до н.э.) даже упрекал своего «коллегу

они наносили себе ножом кровавые раны, а новопосвящённые совершали акт самооскопления в память об Аттисе. Традиционно и сам культ, и этот суровый обряд рассматриваются в контексте идеи плодородия. Обычай кастрации объяснялся необходимостью поддержать силы земли для увеличения урожая, плодovitости животных и людей. Очевидно, однако, что для его понимания одного такого подхода недостаточно. Проблема, по меньшей мере, имеет и две другие стороны: психологическую и гендерную, которые историками античности редко принимаются во внимание. Попробуем с этих позиций рассмотреть непреходящий мотив культа Кибелы – самооскопление её жрецов.

Великое женское божество Малой Азии имело множество имён: Великая Мать (Μήτηρ Μεγάλη), Мать богов, Общая Мать (Πασιῶτων), Πότνια Θηρών, Кибела, Кибеба, Кубаба⁷, Ма, Амма, Нанна, Диндимена, Сипилена, Пессинунтида⁸. Её отождествляли с Адрастеей, Гиптой, сирийской Атаргатис, фригийской Идеической Матерью, троянской Афродитой, критской Реей, Артемидой, персидской Анахитой и семитской Астартой. На Боспоре она носила имя Афродиты Урании и Афродиты Апатуры⁹. У её паредра – вечно юного бога – тоже

⁷ И.М. Дьяконов полагает, что богиня-мать Кубаба, почитавшаяся в эпоху античности под именем Кибелы, Кубебы, фригийской Матар Кубиле, или Ма, относится к очень древнему, дошумерскому пласту мифологии (Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 146-147). По мнению В. Буркерта, культ Великой Матери, которую греки знали под фригийским именем Matar Kubileya, восходит к эпохе энеолита. См.: Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. Пер. с нем. СПб., 2004. С. 309; Burkert W. Antike Mysterien. Funktionen und Gehalt. München, 1990. S. 13.

⁸ Schwenn. Kybele // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa. (Далее – R.E.) Stuttgart, 1922. Bd. XI. 22 Hbd. Sp. 2250-2254.

⁹ Ростовцев М.И. Иранизм и ионизм на юге России // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. Петербургский археологический вестник. № 5. СПб., 1993. С. 20; Голубцова Е.С., Ко-

было много имён: Аттис, Комбаб, Эшмун и др.¹⁰ Почитание Великой Матери пришло в Грецию и Северное Причерноморье в VI – V вв. до н.э.¹¹, а культ Аттиса, восходящий ещё к XII в. до н.э., широко распространился в эпоху эллинизма, когда бог изображался на восточный манер: безбородым, с длинными вьющимися волосами, в остроконечной шапочке, в штанах, короткой рубаше и с флейтой в руках (тип пастуха)¹². Первоначально это было местное фригийское полубожество. Об Аттисе известно мало, поскольку многое о нём было окутано божественной тайной. Сведения античных авторов сильно расходятся. Существуют местные варианты легенды, следы позднего слияния с культом Адониса (Socr. Hist. eccl. III. 23; Plut. Sert. 1) и позднейшие философские осмысления

шеленко Г.А. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье // XV Международный конгресс исторических наук. М., 1980. С. 4.

¹⁰ *Fauth W.* Kybele // *Der kleine Pauly. Lexikon der Antike.* (Далее – КИР.) Stuttgart, 1969. Bd. III. Sp. 383-389; *Guthrie W.K.C.* The Greeks and their Gods. London, 1968. P. 103, 156.

¹¹ Фригийская Мать богов занимала важное место в пантеоне почти всех понтийских полисов. Её изображения находили в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора с архаики до первых веков нашей эры включительно. Это было самое популярное малоазийское божество, в Ольвии вытеснявшее даже богиню земледелия Деметру. См.: *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 5; *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 79, 108; *Она же.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святые места. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 442; *Кративина В.В.* Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и Средневековья. Памяти Н.П.Сорокиной. Труды ГИМ. Вып. 159. М., 2006. С. 197.

¹² *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств. С. 14, рис. 15, 16; *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии. С. 79, 108; *Зинько В.Н.* Сельские святилища Нимфейского полиса // Боспорские исследования. Далее – БИ. 2008. Вып. XIX. С. 6.

(Diod. III. 58, 59; Hippolyt. Philos. V. 1). Большинство авторов сходятся в том, что Аттис был возлюбленным и/или сыном Кибелы (о сыне: Schol. ad Luc. Jupit. Trag. 8). Согласно поэту Гермесинакту из Колофона (III в. до н. э.), Аттис – фригиец, не способный к деторождению, который учредил в Лидии оргии¹³ в честь Матери богов. Его так почитали, что разгневанный Зевс наслал на поля лидийцев кабана, и тот убил многих людей, в том числе и Аттиса¹⁴. Павсаний (VII. 17. 10-12) передаёт местное предание¹⁵ о том, что Зевс во сне уронил семя на землю, и от этого родилось двуполое божество Агдистис. Ужаснувшиеся боги отрезали у него мужские органы, из которых выросло миндальное дерево. Дочь реки Сангария¹⁶ сорвала его плод и положила себе в платье на грудь. Плод тот-

¹³ Первоначально слово *ὄργια* – «оргия» (одного корня с *ἔργον* – дело, деяние) означало всего лишь священнодействие, но впоследствии стало обозначать ритуалы, в которых участники приходили в состояние возбуждения или экстаза.

¹⁴ Это древнейший миф, в основе которого лежит, по мнению М.П. Нильссона, сообщение Геродота о смерти Атиса, сыне Креза (I. 34-45): юноше было предсказано умереть от копья, а погиб он на охоте, когда дротик, целивший в вепря, попал в человека. См.: Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. II. München, 1988. S. 643.

¹⁵ Х. Хелдинг считает первое сказание лидийским, второе – фригийским: *Hepding H. Attis, seine Mythen und sein Kult. Gessen, 1903. S. 98 ff.*

¹⁶ Главная река Малой Азии (совр. Сакарья), истоки которой находились вблизи селения Сангия в 150 стадиях от Пессинунта (Strabo. XII. 3. 7). Сангарий – полноводная, извилистая река с многочисленными притоками и трудными переправами. Изобиловала рыбой. См.: *Ruge W. Sangarios // RE. Stuttgart, 1920. 2. Reiche. 2. Hbd. Bd. 1. Sp. 2269-2270.* Упоминается уже у Гомера (II. III.187; XVI. 719). Бог этой реки – сын Океана и Тефии (Theog. 344), отец Наны, матери Аттиса, по Тимофею (ар. Athob. Adv. nat. V. 6). Сангарий был возлюбленным Кибелы, родившей от него нимфу Nikeю. См.: *Nawrath. Sangarios // RE. Stuttgart, 1920. 2. Reiche. 2. Hbd. Bd. 1. Sp. 2271.*

час исчез, а девушка забеременела¹⁷. Родившийся мальчик был оставлен, и его вскормила коза. Когда он погрел и превратился в юношу божественной красоты, в него влюбилась Агдистис. Однако он посватался к царевне из Пессинунта¹⁸. На брачном пиру вдруг предстала Агдистис, и Аттис, приведённый в безумие, отсек себе половые органы, и так же изувечил себя отец невесты. Раскаившись, Агдистис умолила Зевса сохранить тело юноши нетленным. В позднем мифе Аттис после смерти воскресает (Firm. Mat. De err. pr. relig. 3).

---

¹⁷ Миф иллюстрирует идею перетекания жизни. Хотя вода и растения символизировали Жизнь, Землю, Богиню-Мать (известна ассоциация между Великой Богиней и Древом Жизни), но семантика их двойственна, поскольку символизм плодородия един. Так, в шумерском языке «а» означало не только «вода», но и «сперма», «зачатие, порождение» (*Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения*. М., 1999. С. 184). Вода несёт семена (скрытое, неявное начало жизни) в широком смысле, семена оплодотворяют женское начало, превращаясь в явность – дерево, из которого прямо или посредством женщины рождается ребёнок, мифический предок. Умирая, он покидает земную оболочку, возвращаясь к своим растительным истокам. Поэтому Аттис предаёт себя смерти под вечнозелёным деревом (сосной), из его крови вырастают фиалки, а сам он превращается в сосну (Ovid. Met. X. 104). Характерно, что в качестве материала для изображений художники выбирали дерево, посвящённое конкретному божеству. Так, виноградная лоза использовалась и для статуи Кибелы, и для статуи Диониса (*Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности*. СПб., 1997. С. 41). Это указывает не только на общие черты обоих культов, о чём писали уже древние авторы (Apollod. III. 5; Strabo X. 3.12 sqq. etc.), но и на сходство Аттиса и Диониса.

¹⁸ Верхняя Фригия, место почитания Матери богов, называемой также Агдистис. Священный участок был отстроен Атталидами. Большую славу святилище приобрело благодаря римлянам, которые по велению Сивилинных оракулов перевезли из Пессинунта древнее изображение богини. См.: Strabo. XII. 5. 3. Павсаний называет гору вблизи Пессинунта, на которой был погребён Аттис, Агдистис (Paus. I. 4.5).

Празднества в его честь проходили в Риме с 15 по 27 марта и сопровождались неистовыми оргиями. 22 марта священное дерево Аттиса сосну¹⁹, обмотанную шерстяными повязками, увенчанную фиалковым венком наподобие мёртвого тела²⁰, с прикреплённой в середине фигуркой божества²¹ дендрофоры торжественно несли в храм Победы на Палатинском холме. Это был день траура и скорби, когда соблюдались целомудрие, аскетизм, а также отказ от плодов земли²² в память о том, что так же

---

¹⁹ С точки зрения аналитической психологии, дерево как древо жизни есть материнский символ, указывающий на слияние. Многочисленные мифы говорят о происхождении людей от деревьев, в образе которых почитались женские божества. Тот факт, «что Аттис оскопляет себя под сосной – это явное указание на то, что он делает это ради матери». См.: Юнг К.Г. *Либи́до, его метаморфозы и символы*, СПб., 1994. С. 223. Однако есть и другие варианты мифа, по которым Аттис стал жертвой насилия. Так Сервий (ар. Aen. Virg. IX. 115) сообщает, что Аттис был найден под сосной, но рана, лишившая его пола и жизни, не была нанесена ему самим собой.

²⁰ Поскольку Мать пыталась остановить кровотечение у Аттиса с помощью бинтов, а затем осыпала его тело цветами. Порфирий соотносит Аттиса с весенними цветами, не дающими плодов (ар. Euseb. Praep. Evang. III. 11, 13). Сосна же (как говорили) олицетворяла нимфу, соблазнившую Аттиса (Ovid. Fast. IV. 223 sqq.), и потому должна была быть срублена (убита), дабы смягчить гнев Богини. См.: Burkert W. *Antike Mysterien*. S. 66. С другой стороны, нельзя не заметить явного сходства этой сосны с так называемым майским деревом, которое украшали венками и лентами во время праздника весны у европейских народов. См.: Nilsson M.P. *Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluß der attischen*. Leipzig, 1906. S. 61.

²¹ Это изображение, воплощающее древесный дух Аттиса, хранилось в течение года, а затем сжигалось (Firn. Mat. De egr. pr. rel. 27). См.: Фрезер И.Г. *Фригийский культ Аттиса и христианство*. М., 1924. С. 37.

²² Аттис, как дух растительности, властвовал и над плодами земли. Один из его эпитетов – «Сжатый зелёный (жёлтый) колос», а историю божественных страданий, смерти и воскресенья понимали как нанесение серпом ран растению, хранение зерна в закромах,

поступила Кибела после смерти Аттиса. 24-го, в День крови (*dies sanguinis*) жрецы богини под влиянием экстатических музыки и плясок наносили себе раны, окропляя кровью алтарь Кибелы и священное дерево, а новопосвящённые²³, войдя в состояние транса, совершали акт самооскопления²⁴. Позже обряд был смягчён: верховный жрец вскрывал себе вены на руке²⁵. 25 мар-

---

последующий сев и новое рождение в виде колоса. Оскопление Урана Кроном также соотносилось со срезанием колоса: *Kρόμος ἄμνητος* – «Жатва Крона» (*Mesomedes. Hymn. 5; Nonn. XVIII. 228*). Когда иерофант показывал в телестерии колос, это символизировало самокастрацию Аттиса. См.: *Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1983. С. 332; Burkert W. Antike Mysterien. S. 72.*

²³ По свидетельству ритора IV в. н. э. Фирмика Матерна, их воспринимали как обречённых на смерть (*De err. pr. relig. 18*). Возможно, во время мистерий посвящаемого символически хоронили в могиле, вслед за чем должно было наступить новое рождение. См.: *Hepding H. Attis, seine Mythen und sein Kult. Gessen, 1903. S. 196*. Саллюстий сообщает, что новопосвящённых поили молоком, как новорождённых (*De diis et mundo. 4*).

²⁴ Как полагает Дж. Фрэзер, жрецы бросали отрезанные части тела в статую жестокой богини. Затем отсечённые детородные органы завёртывали и погребали в земле или в подземных покоях богини, где их наряду с принесённой в жертву кровью использовали для того, чтобы вызвать к жизни Аттиса и ускорить воскресение природы: прежде, чем передать всему миру жизненную энергию, богиня-де сама нуждалась в оплодотворении. См.: *Фрэзер Д.Д. Указ. соч. С. 329*. Ср. другое мнение: «...ампутация яичек препятствовала семяизвержению. ... Тем самым первоначальной целью религиозного самооскопления нужно считать не передачу божеству сосудов с семенем, как полагает, например, Фрэзер, и не уничтожение своего пола, но сохранение внутри семени, вещества жизни и души, с которым практически отождествлялась *психе*» (*Онианс Р. На коленях богов. М., 1999. С. 134*). В мистериях Аттиса, в обряде тавроболия важную роль играли кровь быка и его яички. См.: *Фрэзер И.Г. Указ. соч. С. 35-37*.

²⁵ Возможно, это поздняя инсценировка убийства жреца-заместителя Аттиса, которое имело место в глубокой древности во Фригии. См.: *Фрэзер Д.Д. Указ. соч. С. 333*.

та (этот день считался днём весеннего равноденствия), когда под соснами расцветали фиалки²⁶, Аттис воскресал, и верующие предавались безудержному веселью²⁷. Сосна и прорастающие весенние цветы – постоянный атрибут праздника, центральным мотивом которого стало самооскопление. Ритуал иллюстрировал этиологический миф²⁸.

Аттис был популярен и в причерноморских колониях греков, где культ его засвидетельствован археологически по крайней мере с IV в. до н.э. Однако новые находки на территории Северного Причерноморья позволяют углубить эту датировку. В 2001 г. при раскопках сельскохозяйственного поселения у с. Заветное-V в Юго-Восточном Крыму были найдены глиняные статуэтки. Среди них – уникальная фигурка с мечом²⁹, которая и привлекла наше внимание. По археологическому контексту – фрагментам гераклейских, синопских и пухлогорлых хиосских амфор (в основном, развитого типа³⁰), чернолакового скифоса и светильника –

²⁶ Как замечает Дж. Уайли, «Аттис и связанная с ним тема самокастрации как результат безумной любви к гермафродичной матери-любовнице имеют скрытое значение, заслуживающее своего развития в отношении к некоторым формам современного гомосексуализма с его завроженностью фаллическими образами... Именно цвет фиалок имеет длительную и устойчивую ассоциацию с гомосексуальной направленностью». См.: Уайли Дж. В поисках фаллоса: Приап и инфляция мужского. Пер. с англ. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 1996. С. 104.

²⁷ Cumont F. Attis // RE. Stuttgart, 1896. Bd. IV. Sp. 2249-2250; Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. II. S. 644-645.

²⁸ Ibid. S. 643.

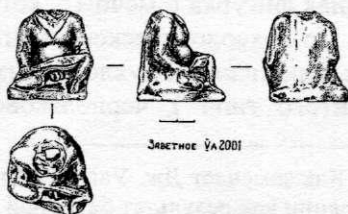
²⁹ Шенко Л.Г. Терракоты поселения Заветное в Юго-Восточном Крыму // Донецкий археологический сборник. (Далее – ДАС.) 2006. № 12. С. 121-128.

³⁰ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. С. 16-17, 235, табл. 5.

находка датируется V – нач. IV в. до н.э. Определить место её производства сложно, хотя ясно, что работа неместная. Изделие внутри полое, открытое снизу, высота 5,3 см, основание 4,5 x 5 x 0,6 см. Терракота представляет собой объёмное изображение полного мужчины без головы (она была отбита еще в древности). В правой руке он сжимает меч, левая лежит на левом колене. Одет в длинную, облегающую рубаху типа хитона с треугольным вырезом и широкими рукавами до локтя. Подол приподнят, обнажая гениталии, над которыми занесён широкий односторонний изогнутый меч с навершием в виде головки птицы или грифона. Простота и сдержанность изображения характерны для строгого стиля.

Аналогов рассматриваемой статуэтке нет, хотя параллели в терракоте, скульптуре, вазописи, на геммах и монетах имеются³¹. Это так называемый «пухлый демон», сидящий с

подогнутой ногой и известный в коропластике с архаики. Так изображали Гермеса, негров, сатиров, мальчиков, Аттиса, юного Диониса. Фигурки сидящих обнажённых мальчиков находили в святилищах Аполлона, Деметры,

Диониса, Кибелы и Кабириов, в погребениях. Больше всего их на Родосе, а также в Аттике, Беотии, на Крите, Сицилии, в Эолии. Боспорские относятся в основном к V в. до н. э. Иногда их считают изображениями Гермеса, храмового мальчика³², детей – умерших и отданных на попечение Деметре³³ или

³¹ Обзор см.: Шенко Л.Г. Из терракотовой пластики сельского Боспора // ДАС. 2009-2010. № 13/14. С. 126-128.

³² Денисова Н.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 26; Журавлев Д.В., Ильина Т.А. Кипрские терракотовые статуэтки из собрания А.С. Уварова в ГИМе // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. С. 276, 278, №№ 69, 70; рис. 7, 3, 6.

даже принесённых в жертву во время оно в каком-то страшном ритуале³⁴. Но чаще видят в них кабиров³⁵ и связывают с культом Диониса, Деметры, Плутоса, Кибелы, Кабилов, с участием детей в религиозной жизни общины³⁶. При этом ни в одном артефакте не присутствует меч.

Акцент на мече и гениталиях не позволяет трактовать сюжет как жанровую сцену (отдыхающий воин)³⁷. Это и возраст изображённого исключает и понимание его как неокора, а также как сатира, Плутоса, Диониса, кабира³⁸. Утверждение о широком распространении культа Кабилов в Северном Причерноморье давно стало общим местом в литературе, од-

---

³³ *Hadzisteliou-Price Th.* The Type of the Crouching Child and the "Temple Boys" // *Annual of British School at Athens.* 1969. Vol. 64. P. 110-111.

³⁴ *Ходза Е.Н.* Терракотовые статуэтки мальчиков из собрания Эрмитажа // *ΣΥΣΣΕΙΤΙΑ.* Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 129.

³⁵ *Передольская А.А.* Следы культа кабилов на Березани // *Сообщения Государственного Эрмитажа.* (Далее – СГЭ.) 1960. Вып. XIX. С. 24-27; *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикалея и Фанагории. М., 1961. С. 38, 49-50, табл. III, 2-3; VI. 1, 2; *Силантьева Л.Ф.* Терракоты Пантикалея // *Терракоты Северного Причерноморья.* Свод археологических источников. (Далее – САИ.) Вып. Г1 -11. Ч. 3. М., 1974. С. 6, 15, табл. 1, 6; *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии. С. 100. Рис. 45, 3; 47; *Сорокина Н.П.* Религия и короластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ) // *Труды ГИМ.* Вып. 91. М., 1997. С. 57. Табл. VII. 1, 2.

³⁶ *Ходза Е.Н.* Указ. соч. С. 129-130, 131; *Скуднова В.М.* Архаический некрополь в Ольвии. Публикация одной коллекции. Л., 1988. С. 29; *Древний город Нимфей.* Каталог выставки. СПб., 1999. С. 70-71, кат. 164; *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии. С. 95-100. Рис. 45, 3; 47.

³⁷ *Шенко Л.Г.* Из терракотовой пластики сельского Боспора. С. 133.

³⁸ Там же; *Шенко Л.Г.* Терракотовая фигура с мечом из Заветного // *Проблемы истории и археологии Украины.* Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения акад. В.П. Бузескула. Харьков, 2008. С. 46-47.

нако в каждом конкретном случае это требует весомых аргументов. Кабиры – существа загадочные, плохо вписывающиеся в греческий пантеон. Они пришли в Грецию из Малой Азии в VIII-VII вв. до н.э. В каждой местности их количество, состав и функции рознились. На Самофракии то ли шестеро, то ли четверо кабиров, называемых Θεοὶ Μεγάλοι (Великие Боги), почитались прежде всего как спасители от опасностей, главным образом на море³⁹. На Лемносе три Кабира и три нимфы Кабериды были связаны с главным божеством острова, Гефестом. В Фивах их было два, и, как хтонические божества, они имели отношение к Дионису или к Гермесу и Пану. Кабиры были столь непонятны греческому религиозному сознанию (да, и римскому тоже), что их уже в древности путали с Анактами, Антеноридами⁴⁰, Корибантами, Куретами, Дактилиями, Диоскурами (Paus. X. 38)⁴¹. Страбон в своей «Географии» специально уделяет этому вопросу значительное место (Strabo. VII. 7, frg. 50, X. 3. 19-22). Определённой иконографии они не имели (что характерно для спутников всех великих богинь) и приобретали черты тех богов, с которыми связывались в конкретной местности⁴². Мнасей в схолиях к Аполлонию Родосскому (I. 917) упоминает четырёх самофра-

---

³⁹ Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 126, 166; Буркерт В. Греческая религия. С. 486.

⁴⁰ Антенориды – сыновья троянского вождя Антенора, супруга жрицы богини Афины Теано. Единственный выступил за примирение с ахейцами и возврат им Елены. Семеро из одиннадцати его сыновей погибли в Троянской войне. См.: von Geisau H. Antenor // KIP. Stuttgart, 1964. Bd. I. Sp. 369.

⁴¹ Совсем уж экзотически выглядит объяснение Гесихия (s. v.): на Лемносе этих богов называли каркинами (раками) и утверждали, что они были сыновьями Гефеста.

⁴² Новосадский Н.И. Елевсинские мистерии. Варшава, 1887. С. 43; Он же. Культ кабиров в древней Греции. Варшава, 1891. С. 43; Schachter A. Evolutions of a mystery cult: the Theban Kabiroi // Greek Mysteries. The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults. Ed. by Michael B. Cosmopoulos. N.Y., 2005. P. 122-123.

кийских Кабиров и среди них некоего Касмил[л]а (или Кадмила, Камилла – Macrobi. Sat. III. 8, 6), отождествляемого с Гермесом. По Варрону (De l. lat. VII. 3), так называли мальчика, участвующего в обряде бракосочетания (или прислуживающего жрецу Юпитера, по Плутарху – Numa. 7)⁴³. В Фивах ему, возможно, соответствовал кабир Παῖς (Мальчик)⁴⁴. Аркусилай Аргосский считал Кадмила сыном Кабиры⁴⁵ и Гефеста, отцом трёх Кабиров и дедом трёх Каберид (Strabo. X. 3. 21). Было бы заманчиво видеть его в нашем герое, если бы не кривой меч в его руке, а кабиры – божества мирные, хотя и могут наводить ужас на нечестивцев⁴⁶.

Древние греки предпочитали прямой обоюдоострый меч с прямым перекрестием и прямоугольным навершием – ксифос (ξίφος). С VI в. до н.э. в употребление входит изогнутый односторонний меч – копис (κόπις), точнее копида. В классический период за ним закрепилось название μάχαρα, означающее также «ножо», «короткий меч», «кинжал». На терри-

⁴³ Это, а также объяснение имён трёх других кабиров (Аксиокерса, Аксиокера, Аксиокерс) словами ἕρος и κέρσος («брак», по Гесихию) побудило некоторых учёных увидеть здесь идею брака и плодородия. См.: Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 212. Стр. 3.

⁴⁴ Kern O. Kadmilos // RE. Stuttgart, 1919. Bd. X. 20 Hbd. Sp. 1459; Idem. Kabeiros und Kabeiroi // Ibid. Sp. 1424, 1426-1427.

⁴⁵ Совсем не случайно его дедом по матери оказывается Протей (Steph. Byz. s.v. Καβερία) – неуловимый, изменчивый морской бог, живущий во Фракии. Он как бы передал внуку свою способность принимать любой облик и умение предсказывать будущее. Возможно, это попытка позднейшего, рационалистического толкования кабиров, которые уже в древности ускользали от понимания.

⁴⁶ Так, персидские солдаты, оставленные с Мардонием в Беотии, войдя в храм кабиров в надежде поживиться, сошли с ума и погибли, бросившись, кто в море, кто с вершины утесов. Так же после сожжения Фив те воины Александра, что, возомнив себя хозяевами на вражеской земле, вошли в святилище кабиров, были на месте убиты громом и молнией (Paus. IX. 25. 9-10).

тории Боспорского царства он встречался редко⁴⁷. Однако в нашем случае рассматриваемый предмет оружием не является. У греков большой кривой нож использовался как инструмент для жертвоприношений. Так, с помощью махайры дельфийские жрецы приносили жертвы богам. Согласно Еврипиду (Andr. 53), сын Ахилла Неоптолем прибыл в Дельфы требовать у Аполлона компенсации за смерть отца, грозя поджечь храм (Paus. X. 7. 1). Увидев, что жрецы расхищают жертвенное мясо, он попытался их остановить и был убит жрецом Махереем (его имя происходит от слова μάχαρα), который зарыл тело под порогом храма (Schol. Eurip. Orest. 1654). Такой нож представлен на керамической вазе VI в. до н.э. в сцене жертвоприношения⁴⁸. Кривым мечом (по Аполлодору. I. 1-4) или серпом (по Гесиоду. Theog. 186)⁴⁹ Крон кастрировал отца Урана. И серп, и кривой нож – не оружие, а сельскохозяйственные инструменты, которые в обрядовых действиях становятся сакральными.

Жест юноши красноречив и недвусмыслен. Занесённый над гениталиями нож заставляет вспомнить миф об Аттисе и Матери Богов Кибеле. Нашим главным источником по этому обряду является трактат Лукиана «О сирийской богине» (II в. н.э.). Насмешник и безбожник, критикующий всех и вся, Лукиан, тем не менее, очень хорошо был осведомлён в вопросах истории, философии, религии, этики, быта, к тому же сам происходил из Малой Азии. О празднике богини (которую он не называет), проходящем также, в начале весны, он сообщает следующее.

---

⁴⁷ *Виноградов Ю.А.* Обломок махайры из Мирмекия // *Археология и история Боспора.* 1999. Том III. С. 153-160.

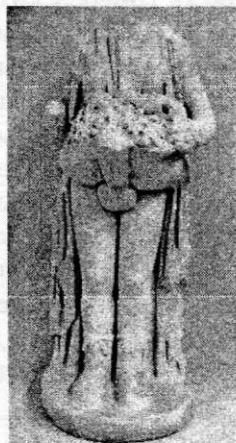
⁴⁸ *Сорокина Н.П.* Указ. соч. С. 38-39. Рис. 2.

⁴⁹ Гесиод переработал и переосмыслил восточные мифы в соответствии с греческими представлениями. Отсюда и серп вместо кривого меча. Способ расправы также негреческий: так, например, поступали египтяне с пленными ливийцами. В вавилонском космогоническом мифе бог Эа таким же способом лишает мужества чудовищного Мумму.

«В установленные дни толпа собирается в святилище, чтобы присутствовать при оргиях: множество галлов и священнослужителей, которых я уже назвал, справляют оргии, причём режут себе руки и бьют друг друга по спинам. Находящиеся тут же многочисленные музыканты играют на флейтах, бьют в тимпаны и поют боговдохновенные священные песни. Все это происходит вне храма, и никто из участников оргий в него не вступает.

В эти дни многие становятся галлами. В то время, как одни играют на флейтах и справляют оргии, на многих уже находит безумие, и, хотя пришли они сюда только как на зрелище, начинают делать следующее, расскажу и о том, что они делают: юноша, которому надлежит совершить это, с громким криком сбрасывает свои одежды, выходит на середину и выхватывает меч⁵⁰; мечи эти постоянно находятся там, как я думаю, для этих целей. Оскопив себя мечом, юноша носится по всему городу, держа в руках то, что он отсёк. И в какой бы дом он ни забросил это, оттуда он получает женские одежды и украшения. Вот всё, что совершается во время оскопления». (Luc. De dea syg. 50-51. Пер. С.С. Лукьянова).

По моему мнению, фигурка иллюстрировала этот ритуал и была либо амулетом, либо приношением во исполнение обета, исцеления и проч. Она могла указывать на связь с мистериями кого-нибудь из членов семьи, рода, общины (в качестве неофита, миста или готовящегося к посвящению). Целесообразно сопоставить нашу статуэтку с типичными изображе-

⁵⁰ Обращает на себя внимание то, что в этом сообщении кастрация совершается с помощью того самого меча-ксифоса, который по внешнему виду неотличим от махайры: [51] ἐν ταύτησι τῆσι ἡμέρησι καὶ Γάλλοι γίνονται. ἔπειν γὰρ οἱ ἄλλοι αὐλέωσι τε καὶ ὄργια ποιέωνται, ἐς πολλοὺς ἤδη ἢ μανίη ἀπικνέεται, καὶ πολλοὶ ἐς θένν ἀπικόμενοι μετὰδὲ τοιάδε ἔπρηξαν. καταλέξω, δὲ καὶ τὰ ποιέουσιν. ὁ νεηνίης ὅτω τάδε ἀποκέαται ῥίνας τὰεῖματα μεγάλης βοῆ ἐς μέσον ἔρχεται καὶ ξίφος ἀναίρεται: τὸ δὲ πολλὰ ἔτη, ἐμοὶ δοκέει, καὶ τοῦτο ἔστηκε.

ниями двух других божков плодородия – Баубо и Приапа, культ которых также происходит из Малой Азии.

Приап – воплощение буйных, оргиастических сил природы. У него была эпиклеса Трифалл («С тремя фаллосами»), так как его изображали с двумя фаллосами (он таким родился) и фаллообразной головой⁵¹. Здесь всё ясно: одна роскошь поддерживает другую. Рядом – одна из многочисленных фигурок, найденных в конце позапрошлого века в святилище Деметры и Коры в малоазийской Приене⁵². Баубо (в гомеровских гимнах Ямба) – элевсинская старушка, которая вместе с мужем Дисавлом радушно приняла у себя тоскующую по дочери Деметру, угостила её напитком кикеевом и развеселила непристойными шутками и жестами. Богиня тогда впервые улыбнулась и сделала Баубо своей служанкой. Ритуальное сквернословие (*αἰσχρολογία*), насмешки (*τῶπασμός*), непристойности (*αἰσχροπυρία*), эксгибиционизм (*ἀνάστυμα*), целью которых было стимулирование плодородия почвы и отвращение зла, характерны для всех земледельческих народов. Известны они в культе Исиды в Бубастисе (Hdt. II. 60), а также Деметры и Коры. Изображение гротескно: задранное платье (ср. с таким же жестом заголения у При-

⁵¹ С точки зрения аналитической психологии, когда маскулинная сексуальность в данной конкретной культуре развивается в сторону юности, зрелый фаллос приобретает самостоятельную идентичность. Так рождается Приап. Античность, сознательно культивировавшая юношеский образ, «рассматривала инфляцию как нечто опасное, так как она делает человека уязвимым перед приапическим радикальным уменьшением. Именно поэтому люди приносили жертвы богу Приапу». См.: Уайли Дж. Указ. соч. С. 79, 83.

⁵² Wiegand T., Schrader H. Priene: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895-1898. Berlin, 1904. S. 161 ff.; Nixon L. The cults of Demeter and Kore // Women in Antiquity: New Assessments. Ed. by R. Hawley and B. Levick. L., N.Y., 2004. P. 84.

апа и Атгиса), большой живот и общий обценный облик в виде гастрокефального существа – женского тела без головы с лицом на животе. Это тип θεὰ ἀναστυρομένη (обнажающейся богини)⁵¹.

Как Приап является персонификацией фаллоса, так Баубо – персонификацией вульвы, символов производящей мощи и потенции (βαυβώ – грубое слово, выражающее негативную и позитивную стороны женской силы⁵², её мужское дополнение – βαυβών, то есть ὄλισβος⁵³). Семантика та же, что и в индийском тантризме с его культом лингама и йони. Однако у всех этих божеств имеет место ущербность. Приап, который, по словам Лукиана (Разговоры богов. 23), «до такой степени мужчина, что даже неприлично», бесплоден. О его потомстве ничего не известно. Остаётся ему со своим роскошеством

⁵¹ Баубо – одна из ипостасей Богини. Традиция изображать великое женское божество, олицетворяющее производящие силы природы, обнажённой зрелой женщиной с подчёркнутыми признаками пола и большим животом восходит к эпохе палеолита. Это так называемые верхнепалеолитические венеры. См.: Григорьев Г.П. Женские статуэтки эпохи палеолита как художественное явление // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. С. 33-44.

⁵² Fauth W. Baubo // KIP. Stuttgart, 1964. Bd. I. Sp. 725-726.

⁵³ Баубон, или олисбос – фаллоимитатор из дерева и кожи. Эти орудия самоудовлетворения изготавливали главным образом в богатом торговом городе Милете на западном побережье Малой Азии, откуда они экспортировались в различные страны. Традиционно этим ремеслом занимались башмачники. Иногда такими предметами пользовались индивидуально, иногда сообща. См.: Körte A. Olisbos // RE. Stuttgart, 1937. Bd. XVII. Sp. 2482. В позднейшую эпоху из-за слова «баубон» сама Баубо стала символом бесстыдства: у Гёте в «Фаусте», в сцене Вальпургиевой ночи она изображается нагой, скачущей на свинье.

стоять в садах и огородах, пугая ворон и девиц⁵⁴. Р. Грейвс называет его «садовником, не расстающимся с садовым ножом»⁵⁵, в «Приапеях»⁵⁶ обыгрывается сравнение божественного достоинства с серпом⁵⁷ – неявный символ кастрации. Та-

⁵⁴ Статуи Приапа, гермы, вначале деревянные и украшенные соответствующими символами, с серпом в руке и с большим ярко-красным фаллосом, ставились на полях, в садах и огородах в качестве пугала.

⁵⁵ Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. М., 1992. С. 48.

⁵⁶ Приапеи – небольшие, непристойные, но остроумные и задиристые эпиграммы, посвящённые Приапу. Появились в эллинистическую эпоху вместе с распространением этого культа в Греции. Одни писал александрийский грамматик и поэт Евфроний, другие – содержатся в Палатинской антологии. Первые литературные приапеи в Риме создали неотерики, культивировавшие малые литературные формы (самые известные представители этой школы – Публий Валерий Катон и Гай Валерий Катулл). До нас дошло около 100 латинских приапей, собранных в *Corpus* (или *Libellus*) *Priapeorum*, известный также как Приапические песни (*Carmina priapea*) и до последнего времени считавшийся безымянным, составленным из произведений разных авторов. Скорее всего, он написан неизвестным поэтом, жившим после Марциала, то есть после 100 г. н. э. В приапеях использовались различные метры, чаще всего элегический дистих, гендекасиллаб («одиннадцатисложник») и холиямб.

⁵⁷ Как, например, в следующих стихах (перевод наш по изданию: *Petronii Arbitri Satyricon ex recensione Petri Burmanni. Lipsiae, 1781. – Л.С.*):

V

Quod sum ligneus, ut uides, Priapus,
Et falx lignea, ligneusque penis:
Prendam te tamen, et tenebo prensam:
Totamque haec sine fraude, quantacunque est,
Tormento, citharaque tensiorem,
Ad costam tibi septimam recondam.

Деревянный Приап я. Что за диво?
Ведь из дерева серп и член такой же.
Как поймаю тебя, так серп готов мой:
Весь его без обмана, как ни есть он,
А он туже струны, каната крепче,
До седьмого ребра тебе всажу я.

ким образом, Приап несёт в себе собственную компенсацию – нож, которым срезают дерево, чтобы придать ему здоровую форму. На изъяз его «соседки» обратили внимание Ш. Арденер, М. Олендер и Л. Никсон⁵⁸: у статуэтки отсутствуют детопитающие сосцы⁵⁹, что вкупе с преклонным возрастом перечёркивает идею плодородия⁶⁰. На это же намекает и аксессуар

XI

Ne prendare, cave. Prenso nec fuste nocebo,

Saeva nec incurva vulnera falce dabo:

Traiectus conto sic extendere pedali,

Ut culum rugam non habuisse putes.

Не попадайся. смотри. Попадёшься – не палкой ударю,

И не ужасным, кривым раню тебя серпом.

Футовой пикой проткну, растяну тебя так – станешь думать,

Будто морщин никогда не было возле дыры.

⁵⁸ *Ardener S. A Note on Gender Iconography: the Vagina // The Cultural Construction of Sexuality / Ed. by P. Caplan. London, 1987. P. 113-142; Nixon L. Op. cit. P. 94, Not. 12; Olender M. "Aspects of Baubo": Ancient Texts and Contexts // Before Sexuality: The Construction of Erotic Experience in the Ancient Greek World / Eds. D.M. Halperin, J.J. Winkler and F. Zeitlin. Princeton, N.Y., 1990. P. 83-113.*

⁵⁹ При этом лицо на животе явно молодое. В других изображениях (аттического, а также причерноморского производства), где грудь учтена, акцент делается на нефертильном возрасте. Терракоты, найденные в Ольвии, Николии, на Березанском и Надлиманском поселении представляют Баубо толстой обнажённой старухой, поддерживающей отвисшую грудь. В аттическом варианте она приподнимает край одежды, оголяя низ живота. См.: *Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // Труды Государственного Эрмитажа. 1962. Т. 7. С. 46-92; Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI-I вв. до н.э.). Киев, 1982. С. 113, 104, рис. 40, 2.*

⁶⁰ В этой связи представляет интерес изображение Владычицы на гематитовой цилиндрической печати, найденной к востоку от Кносса (вторая половина XV века). В нарушение всех минойских канонов богиня изображена раздетой, при этом исчезла её великолепная грудь, хорошо различимая на других печатях того времени. Здесь

в правой руке Баубо – баубон, олисбос – чудовищный колдовской жезл бесплодной любви, как выразился Лукиан (Апог. 28). Вдвойне бесплоден Аттис, ибо родился таким, а повзрослев, лишил себя мужества... Полнота пустоты, блеск тьмы, нищета изобилия. Этот оксюморон зачастую выносятся за скобки. Мы механически повторяем: «культы плодородия, культы плодородия», подразумевая земные дары. Но хтонические боги вовсе не добренькие. Это слепая стихия, не подвластная человеку, которая требует постоянной готовности к самопожертвованию. Для архаического сознания, которое А.Ф. Лосев называл «нерасчленённо-синтетическим мышлением»⁶¹, тут нет никакого противоречия. Вечный круговорот: рождение – жизнь – смерть – возрождение через смерть – превращение в божество⁶². При этом одни и те же боги отвечают за разные полюсы бытия.

В мистериях Великой матери тоже акцентируется, как правило, одна сторона – радость возрождения и буйство производительных сил природы⁶³. Между тем Владычица всего

Великая Богиня выступает не подательницей жизни, а царицей мёртвых, властительницей загробного мира. См.: *Андреев Ю.В.* Минойские божества смерти на цилиндрической печати из Астракуса // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. С. 436-445.

⁶¹ *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 294.

⁶² Смысл всех мистерий в посвящении, которое позволяет мисту выйти за рамки человеческого и подняться на уровень бога, что возможно только через смерть. Обряды воспроизводили миф о страданиях, смерти и воскресении божества. См.: *Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Киев-Москва, 2002. С. 285-286; *Burkert W.* Antike Mysterien. S. 64.

⁶³ М.П. Нильссон замечает, что, несмотря на своё имя, Великая Мать была не богиней-матерью в собственном смысле (ибо у неё не было потомства, за исключением Аттиса, который одновременно был и её возлюбленным), а богиней стихийных сил природы, ничем не ограниченной свободой Бытия. См.: *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1992. S. 498, также *Guthrie W.K.C.* Op. cit. P. 61.

живого была и богиней смерти⁶⁴, она дарила, и она отнимала. В её культе оргиазм плодородия переплетался с аскетическим самоограничением. Оттого избыток мужской силы, демонстрируемый на неистовых праздниках богини, неизбежно разрешался половым бессилием и асексуальностью, возведёнными в ритуал, который был актом преодоления различий между мужчиной и женщиной путём самооскопления.

«Божества космического плодородия, – замечает М. Элиаде, – по большей части либо гермафродиты, либо же бывают погодно то мужского, то женского пола... Большинство божеств растительности (таких как Аттис, Адонис, Дионис) бисексуальны, равно как и Великие Матери (например, Кибела)»⁶⁵.

Аттис – сын двуполого божества Агдитис, плоть от плоти мужской, отсечённой. Когда он вырастает, Агдитис (в своей женской ипостаси, Великой Матери) в него влюбляется. Она же насылает на него безумие, и он себя оскопляет. Плодородие и бесплодие – две стороны одной медали⁶⁶. Выделять, а тем более абсолютизировать одну сторону культа в ущерб другой неправомерно.

Аттис, до того, как приобрёл самостоятельное значение, был второстепенным, дополняющим божеством⁶⁷, возлюбленным Великой Матери⁶⁸. В этой роли он мог почитаться как

⁶⁴ Молева Н.В. Об иконографии Деметры и Великой Матери (Кибелы) в боспорской пластике // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 211.

⁶⁵ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 383.

⁶⁶ Парадоксальным образом это выражено в грубо-профанных словах Лукиана: «Рея – ... уже старуха отцветшая, и, столь многих богов мать, она ещё становится любовницей юноши и ещё ревнует и катает на львах Аттиса, который уже ни на что не способен» (О жертвоприношениях. 7. Пер. Р.В. Шмидт).

⁶⁷ Schwenn. Op. cit. Sp. 2258; Guthrie W.K.C. Op. cit. P. 60.

⁶⁸ Служитель Кибелы именовался «кибевос», как мужская ипостась богини, а её верховный жрец в Пессинунте считался Аттисом (Polyb. XXI. 20). Аттис было обычным именем этого жреца (Polyb.

заступник, предстатель просителя перед Богиней⁶⁹: мастер не случайно выбрал самый драматический момент в жизни её любимца. Причины обращения к ней были разные. Кибела покровительствовала земному плодородию⁷⁰, плодovitости людей и животных, семейно-брачным отношениям. Поскольку в мистериях всегда присутствует тайна пола⁷¹, раскры-

---

XXI. 37). В развалинах Пессинунта была найдена обширная переписка пергамских Атталидов с одним из таких Аттисов. См.: *Cumont F. Attis* // RE. Stuttgart, 1896. Bd. IV. Sp. 2252.

⁶⁹ В Малой Азии Аттис исконно почитался как покровитель и защитник крестьянина. Кибела так же, как и в Малой Азии, была в Северном Причерноморье «сельскохозяйственным божеством». См.: *Голубцова Е.С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III вв. М., 1977. С. 204; *Она же.* Человек труда в сельском хозяйстве и ремесле Малой Азии I-III веков // Человек и общество в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович. М., 1998. С. 154.

⁷⁰ Так, летом того года, когда в Рим было перевезено изображение Матери богов, урожая собрали больше, чем за предыдущие 10 лет (Plin. NH. XVIII. 16). Это был первый восточный культ, введённый в Риме. См. след. сноску.

⁷¹ При переносе главного святилища Кибелы из Пессинунта в Рим в 204 г. до н.э. был доставлен культовый символ богини – священный чёрный камень (метеорит) в виде фаллоса. Этим актом римляне хотели предотвратить поражение во Второй Пунической войне. Было объявлено, что богиню должен принять самый чистый из римлян. По преданию, судно, перевозившее камень, в устье Тибра село на мель, и никаким усилиями нельзя было сдвинуть его с места. Жрецы Кибелы заявили, что корабль может сдвинуть только девственница. Ею оказалась Клавдия Квинта, которая с помощью маленького каната (или даже собственного пояса) легко потащила корабль по реке (Plin. NH. VII. 120). Овидий говорит (Fast. IV. 305-328), что эта достойнейшая дева, чей прекрасный облик был под стать её знатному происхождению, слыла порочной: «оскорбляли / Сплетни её и во всех мнимых винули грехах, / Ей и наряд, и причёска, какую она всё меняла, / Были вредны, и язык вечных придиры – стариков». Распустив волосы и пав на колени, она зачерпнула воды из реки и трижды окропила голову, взмолясь богине:

вающаяся посвящённым через откровение священного брака и рождения, не исключено, что подобного рода вотивы подкрепляли мольбы о продолжении рода. Фигурка Аттиса, в соответствии с принципом гомеопатической магии, могла рассматриваться как средство от мужского бессилия, ведь сам Аттис был от рождения бесплоден, а затем и оскопил себя. Та же магия лежала в основе своеобразного ритуала, возвращающего мужчине способность к деторождению. С помощью ножа для холощения скота знаменитый прорицатель Мелампод вылечил от бесплодия Ификла, сына Филака (Apoll. I. 9. 12, II. 2. 2). Он выяснил, что некогда Филак холостил баранов и положил рядом с маленьким сыном окровавленный нож. Ребёнок испугался и убежал. Отец воткнул в священное дерево нож, который тотчас покрылся корой. Целитель разыскал нож, соскоблил с него ржавчину и, разбавив водой, давал в виде питья Ификлу в течение 10 дней, в результате родился сын Подарк (Apollod. I. 9. 12, II. 2.2). Жертвовать вотивные терракоты, изображавшие больные, а затем выздоровевшие органы или части тела в благодарность за исцеление было обычной практикой во всех святилищах бога врачевания Асклепия (в Эпидавре, Афинах, на Косе и проч.)⁷².

«Но коль невинна я, будь мне порукою в том предо всеми:

Чистая, следуй за мной, чистой покорна руке».

Так говоря, за канат она только слегка потянула

(Чудо! Но память о нём даже театр сохранил):

Двинулась Матерь Богов, отвечая движеньем моленью, –

Громкий и радостный крик к звёздам небесным летит.

⁷² *Pietschmann R.* Asklepios // RE. Stuttgart, 1896. Bd. II. 4 Hbd. Sp. 1642-1697; *Kerényi K.* Der göttliche Arzt. Studien über Asklepios und seine Kultstätte Basel, 1948; *Bailey J.E.* Asklepios: Ancient Hero of Medical Caring // Annals of international medicine. January 15. 1996. 124. P. 257-263; *Hart G.H., Forrest M.St.J.* Asclepius: The God of Medicine. London, 2000. P. 91-109; *Nayernouri T.* Asclepius, Caduceus, and Simurgh as Medical Symbols. Part I // Archives of Iranian Medicine. January. 2010. Vol. 13. № 1. P. 61. Обычай этот в виде пережитка перешёл в христианство и известен в обрядах русских, украинцев,

Человек изображён с круглым животом и грудью. Так называемых «тучных демонов», пухлых путти, пузатых карликов и силенов⁷³ обычно объясняют в связи с идеей изобилия в культах плодородия. Однако в данном случае напрашивается иная интерпретация: подчёркнутая полнота – отличительный признак евнухов Богини – галлов⁷⁴, повторивших действия бога во время экстатических оргий. По одному из вариантов мифа, когда Рея оскопила Аттиса, «он перестал быть мужчиной, стал похож на женщину, одевался в женскую одежду и, скитаясь по всей земле, справлял оргии, рассказы-

---

болгар, греков, армян, но в особенности крымских греков, у которых он прослеживается, по крайней мере, до 30-х гг. XX века. Традиция подвешивать к православным иконам миниатюрные фигурки, изображающие человека или органы его тела, сохранилась в современной Греции, а также у фракийских греков. См.: *Лыганова Л.А.* Вотивные подношения в традиции мариупольских греков // *Медицина в художественных образах: Статьи / Сост. и гл. ред. Заблочкая К.В. Донецк, 2011. Вып. 8-9. С. 122-129.*

⁷³ Рисунки на вазах, относящиеся главным образом ко второй половине V в. до н. э., представляют собой карикатуры на мифологические и бытовые темы: фигурки напоминают пигмеев, негров – гримасничающих, со вспученными животами и болтающимися гениталиями. См.: *Буркерт В.* Указ. соч. С. 483. В мистерияльных культах такие изображения (как, например, на чернофигурных сосудах из святилища кабиров в Фивах) имели особое значение. См.: *Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 152.

⁷⁴ Называемых также *κὺβητοι* и *μητρόληπτοι* – «охваченные Матерью». См.: *Schwenn.* Op. cit. Sp. 2268. Скопцы назывались галлами не от Галлии, далёкой от Фригии, а от реки Галла, возле которой родился и вырос Аттис. Она протекала между Келенским хребтом и горой Кибелой. Говорили, что воды этой реки сводят людей с ума. «Бесится каждый, кто пьёт эту воду: бегите, кто хочет / В здравом остаться уме, – бесится каждый, кто пьёт». (Овидий. *Фасты*. IV. 365-366. Пер. Ф. Петровского). Из-за игры слов (*gallus* – и «галл», и «петух») петух был избран эмблемой жрецов. В эллинистическое и римское время Аттиса нередко изображали верхом на петухе.

вая о постигшей его участи и воспевая Рею» (Лукиан. О Сирийской богине. 15, 50-53. Пер. С.С. Лукьянова)⁷⁵. Бронзовая статуя другого паредра богини Комбаба (с такой же судьбой), работы Гермокла Родосского, представляла жреца с телом как бы женщины, но в мужской одежде (Luc. De dea syr. 26). Приведем стихотворение поэта Симонида (556-468 гг. до н. э.) в переводе М.Л. Гаспарова:

Зимней студёной порой, спасаясь от сильного снега,
Жрец Кибелы нашёл в дальней пещере приют.
Кудри свои распустив, он стяхивал снежную влагу –
Вдруг в пещеру за ним лютый бросается лев.
Жрец, взмахнувши рукой, ударяет в свой бубен священный –
Катится грома раскат, гулом наполнился свод.
Зверь, обитатель лесов, святого не выдержал звука --
В страхе он бросился прочь, в дебри лесистые гор.
Женоподобный меж тем посвящает служитель богини
Ей за спасенье своё платье и пряди волос.

Именно в телесной аморфности кроется причина столь разных толкований: одни видят в изображённом взрослого, другие – ребёнка, а некоторые затрудняются даже с определением пола⁷⁶. Между тем всё разъясняют слова Лукиана:

---

⁷⁵ О причинах возникновения этого обряда см.: *Diakonoff I. M. On Cybele and Attis in Phrygia and Lydia // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1977. XXV. P. 1-4.*

⁷⁶ По мнению первооткрывательницы артефакта, фигурка изображает взрослого, мужчину (*Шенко Л.Г. Терракотовая фигура с мечом из Заветного. С. 47*). При обсуждении нашего доклада на XII Боспорских чтениях (*Селиванова Л.Л. Кабир или Аттис? (об одной находке из Юго-Восточного Крыма) // XII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур», посвящённые 185-летию Керченского музея. Керчь, 2011. С. 336-341*) Н.В. Молева с уверенностью высказалась, что это Аттис-ребёнок. Статуэтки маленького Аттиса (а также играющих детей), действительно, встречались часто, обычно в детских погребениях. См., например: *Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки. С. 17. Детская тема в контексте жизни и смерти вообще играла очень важную роль: смерть маленького че-*

«двусмысленная загадка двойственной природы, они не остались тем, кем родились, и не приобрели качеств того пола, в который перешли... Они считаются детьми – и одновременно успели стать стариками, даже недолгое время не побыв мужчинами» (Две любви⁷⁷. 21. Пер. С. Ошерова).

Мифы рисуют Аттиса прекрасным юношей, пастухом (Theocr. XX. 40; Luc. Amor. 49; Arnob. IV. 35; Tertull. Ad nat. I. 10), возлюбленным Кибелы, которая просила его навсегда остаться отроком. Согласно фригийской, а, может, и пессинунтской легенде, которую передаёт Овидий⁷⁸ (Fast. IV. 223 sqq.), Аттис дал слово богине, но не сдержал его, увлѣкшись

ловека, его «недовведение» в земном мире, прерывала процесс социализации, отсюда особый социальный статус умершего. Поэтому такие погребения требовали более значительной маркировки «переходными» знаками. Как справедливо замечает А.А. Завойкин, изображения детей надо интерпретировать как образ бога в переходном состоянии (от смерти к жизни). См.: Завойкин А.А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. С. 160-161. В нашем же случае определённые анатомические признаки не позволяют усматривать в изображённом ребёнка.

⁷⁷ Диалог «Amoribus» (в русском переводе «Две любви») включён И.М. Наховым в корпус сочинений Лукиана (Лукиан из Самосаты. Избранная проза / Пер. с древнегр. Сост., вступ. статья и комм. И. Нахова. М., 1991. С. 435-461). Однако в западноевропейской науке считается, что автором был анонимный подражатель Лукиана (Псевдо-Лукиан). Мак-Леод в предисловии к лѣбовскому изданию датирует сочинение IV в. н. э., Бюффьер – II в. н.э. (Buffier F. Eros adolescent. La pederatie dans la Grece antique. Paris, 1970. P. 481). Мишель Фуко ограничивается замечанием: «текст определѣнно позднего происхождения». См.: Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы; под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев, 1998. С. 226. О диалоге: Bloch R. De Psreudo-Luciani Amoribus. Argentorati, 1907.

⁷⁸ Cumont F. Attis. Sp. 2249.

нимфой Сагаритидой⁷⁹. В гневе богиня губит нимфу, а Аттис сходит с ума и себя оскопляет:

«Острый он камень схватил⁸⁰ и тело терзает и мучит,
Длинные пряди волос в грязной влачатся пыли.
Он голосит: “Поделом! Испуаю вину моей кровью!
Пусть погибают мои члены: они мне враги!
Пусть погибают!” Вскричал и от бремени пах облегчает,
И не осталось вдруг знаков мужских у него.
Это безумство вошло в обычай. И дряблые слуги,
Пряди волос растрепав, тело калечат себе».

Овидий. Фасты. IV. 237-244. Пер. Ф. Петровского

Ужасом и отчаяньем непреодолимой зависимости от мрачного, иррационального могущества Великой Богини проникнуто также известное стихотворение Катуллы «Аттис»⁸¹, в котором вначале говорится об Аттисе как о муже, а

---

⁷⁹ Та же связь воды и растительности с плодородием, жизнью и смертью. Дочь реки Сангария здесь уже возлюбленная, а не мать Аттиса, дриада, которая погибла, как только было срублено дерево, в котором заключалась её жизнь.

⁸⁰ Только у римских авторов появляется информация, что галлы совершали этот ритуал при помощи острого камня (*silex*'a – возможно, кремня) или самосского черепка (*samia terra*), якобы, позволяющего избежать смерти. «Чего не придумает жизнь, используя даже битую черепицу», – восклицает Плиний Старший (Plin. NH. XXXV. 165). Лишь Лактанций говорит о железе (Lact. Inst. divin. V. 9). Самосская бытовая керамика представляла собой простую, легко бьющуюся посуду для бедняков. См.: Таронян Г.А. Примечания // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и прим. Г.А. Тароняна. М., 1994. С. 617, прим. 3. Древнейшее свидетельство такого рода применения камня относится к концу V в. до н.э. (Plut. Nic. 13), хотя и не в связи с культами Кибелы и Аттиса, поскольку произошло всё на алтаре двенадцати богов. Речь шла о дурных предзнаменованиях накануне Сицилийского похода афинян (415-413 гг. до н. э.).

⁸¹ Название условно: стихотворение, как это было принято в античной лирике, не озаглавлено. Написано оно редким и трудным размером – галлиямбом, связанным с экзотическими песнями гал-

после оскпления – как о женщине. Это ужас мужчины, когда он приходит в себя после совершенного в состоянии богохваченной одержимости.

«Горе, горе! Вечно плакать – вот отныне участь моя.
 Кем я был и кем я не был? Сколько я обличей сменил!
 Нынче дева, был я мужем, был юнцом и мальчиком был.
 Был я цветом всех гимнастов и красою был я борцов.
 У меня в дверях толпились, ступить порог мой не успевал,
 По утрам цветов венками был украшен празднично дом,
 В час, когда с восходом солнца полагалось с ложа вставать.
 Мне ли быть богам служанкой? Мне ли быть Кибеле рабой?
 Я ли буду оскплённый жить менадой, частью себя?
 [...] Что же, что ж я натворила! Как ужасно ныне казнюсь!»

Катулл. Стихотворения. LXIII. 61-73. Пер. С.В. Шервинского

Жалобные стоны прерывает посланный Кибелой лев. «Дева телом, бледный Аттис» вновь впадает в безумие и уносится в лес, чтобы служить богине⁸².

Статуетка интересна своей идейной ёмкостью, ибо показывает не только диалектическое единство противоположностей, но и то, как тонка, эфемерна грань между ними: между богом и человеком, мужчиной и женщиной, между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью, благополучием и бедой, богатством и бедностью, сытостью и голодом, фертильностью и бесплодием, сверхсилой, понимаемой как гиперсексуальность, и бессилием перед Природой, которая всегда останется для человека дикой. И лишь Великая Богиня, если её усердно молить, может даровать хрупкое равновесие, но взамен потребует человеческую жертву. Весь этот комплекс идей передаётся простым, ясным и не лишённым изящества приёмом. Человек показан в кульминационный момент своей жизни, в

лов, которых поэт называет девами, а самого Аттиса – новоявленной женой.

⁸² По мнению Х. Хепдинга, с которым согласен и Дж. Фрэнгер, герой стихотворения – не Аттис, а один из его жрецов, носивший то же имя и подражавший богу. См.: *Hepding H.* Op. cit. S. 140; *Frænzer И.Г.* Указ. соч. С. 30.

переходном состоянии. Он ещё здесь, в этом статусе, но занесён уже нож, и скоро всё изменится... Если нож обрушится. Non finito (sui generis).

С психологической точки зрения, отказ от фаллоса означает, с одной стороны, что «очарование анимой для юношеской мужественности ... закончилось», закончилась зависимость от матери и начинается ощущение себя мужчиной, способным самостоятельно вершить свою судьбу. Но это же и приводят к инфляции, порождая иллюзию мужской подлинности и страх стать импотентом, женоподобным или даже женщиной. Отказ же от фаллического поиска даёт человеку возможность быть самим собой, не ощущая травмирующего действия повседневности окружающего его мира⁸³. С религиозической точки зрения, это своего рода стремление к единству, возврату к первобытной всеобщности, потребность в которой периодически ощущается человеком.

Дикие, на первый взгляд, обряды в честь Великой Матери являются проявлением мифа о божественной андрогинии, в соответствии с которым, Первобог двуедин, он несёт в себе признаки обоих полов. Андрогиния достигается не только в хирургических операциях, но и в ритуальных оргиях, и в переодевании.

«Мужчина, одетый в женское платье, вовсе не пытается превратиться в женщину, как может показаться на первый взгляд, нет, он на мгновение реализует единство полов и тем самым облегчает себе целостное понимание Космоса»⁸⁴.

Мифологически это выразилось в идее моногении, или аутогении – божество извлекает своё существование из самого себя, сливаясь с собой. Этим же объясняются многочисленные мифы о божественном инцесте. Аттис есть, по сути, оскопленное Агдистис, которое путем различных трансформаций соединилось с собой же (неудачная влюбленность в

---

⁸³ Уайли Дж. Указ. соч. С. 86, 91.

⁸⁴ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. С. 386.

собственное порождение – позднейшая обработка мифа) и породило себя же. Таким образом, Атгис – мужская, а Кибела – женская составляющая одного целого. И лишь много позже, когда божество разделяется на два пола и появляются соответствующие им функции, возникает Великая богиня как Мать всего сущего, которая превращается вместе со своей половиной в богов плодородия.

А.Г. Суприянович

Уильям и вервольф: репрезентация доминантных маскулинностей в средневековом романе¹

Среди многочисленных функций средневековых романов не последнее место занимала дидактическая. Развлекая, романы учили морали и этике, и в том числе гендерному поведению. По большей части, они были ориентированы на мужчин из привилегированных сословий. На примерах доблестных героев, они объясняли молодому человеку, что значит быть мужчиной, и как именно им следует быть. Это делает романы удобным источником для реконструкции средневековых моделей доминантных маскулинностей².

---

¹ Статья выполнена по проекту «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций».

² В данной статье используются предложенные теоретиками маскулинностей понятия «гегемонной маскулинности», под которой имеется в виду гендерный порядок, легитимирующий патриархат, и «доминантная маскулинность», означающая не только доминирующую, но также нормативную, востребованную и воспроизводимую элитами модель «гегемонной маскулинности». Методология исследования маскулинностей, как различных исторически изменчивых конфигураций гендерной практики, была разработана Р. Коннелом (*Connell R. Masculinities. Sydney, 1995*). В дальнейшем теория множественности маскулинностей была развита им совместно с Дж. Мессершмидтом в работе *Connell R., Messerschmidt J. Hegemonic masculinity. Rethinking the Concept // Gender & Society, V. 19. N. 6. Dec. 2005. P. 829-859*. Для нас принципиально важны

Не ставя сейчас амбициозной задачи создания сколько-нибудь полномасштабной картины средневековой маскулинности, требующей привлечения значительного объема материала, мне хотелось бы осветить ту панораму маскулинностей, которую можно установить посредством анализа одного из рыцарских романов – «Романа об Уильяме из Палермо», также известного как «Роман об Уильяме и вервольфе».

Рассматриваемый роман был создан в середине XIV века неким Уильямом по поручению Хамфри Боуна, графа Херефорда³ и являлся английским переводом одноименного⁴

такие предложенные ими характеристики маскулинности, как иерархичность, множественность и различие и др. Подробнее о работах Р. Коннела, продолжателях и дискуссиях вокруг данных понятий см. статью *Елены Стяжкиной* «Маскулинность как историческая проблема» (Диалог со временем. № 31. Специальный выпуск: «Нормы и девиации в гендерной истории и историографии». М., 2010. С. 338-372.

³ Точнее его датируют периодом между 1335 и 1361 гг. Хамфри Боун (Бун, Богун, Бозн и др.), 6-й граф Херефорд, 5-й граф Эссекс (1309/11-1361) приходился внуком по женской линии английскому королю Эдуарду I, и хотя не был широко известен как меценат и покровитель литературы, видимо, был к ней небезразличен. Как полагают, текст романа был привезен им из Франции около 1349 г. Поскольку граф, как и другие представители его круга, очевидно, владел французским, за заявлением переводчика, что труд его был предпринят на благо англичан, не владеющих французским языком, несмотря на литературное клише, не случайно видят заботу о распространении романа в низших сословиях. (См. *The romance of William of Palerne: (otherwise known as The romance of "William and the Werwolf") translated from the French at the command of sir Humphrey de Bohun, about A.D. 1350 / Ed. W.W. Skeat. L., 1867 (Early English text society. Extra series, 1. Ll. 167-169, 5521-5533. Все ссылки на строфы здесь и далее приведены по этому изданию.)* О причинах такой доброты можно только догадываться. Возможно, роман был привлекателен заложной в нем идеей реставрации империи, все-таки он был привезен в Англию в разгар столетней войны, или идеей о подтверждении прав на наследство военной силой. А может

французского романа, написанного около 1200 г. Хотя Уильям и заимствовал сюжетную канву, как это часто бывало в подобных случаях, он наполнил свой пересказ новыми деталями, которые заинтересовали бы английскую аудиторию. К тому же перевод был выполнен аллитерационным стихом, в результате чего появилось одно из ранних английских произведений, возрождающих эту манеру⁵. Так что, несмотря на традиционную скромность автора, можно говорить если не о новом литературном произведении, то, как минимум, об ори-

бить, просто понравился графу, тем более, что обстоятельства тому способствовали: с одной стороны эпоха правления Эдуарда III с культом рыцарственности благоприятствовала развитию этого жанра в Англии, а с другой – к этому времени английский язык завоевывает в своей стране все более прочные позиции, постепенно вытесняя французский, в том числе и в литературе.

⁴ Французская версия романа «Гийом из Палермо», как полагают, в свою очередь могла быть сделана с утерянного латинского прототипа. Исследователи текста не исключают, что историю могли распространить в Европе итальянские норманны, обосновавшиеся в Сицилии и Аппулии, поскольку действие романа разворачивается в значительной степени на юге Италии. (Подробнее см. Предисловие к изданию: *The romance of William of Palerne...*).

Этот роман, особенно в его французской версии по-разному интерпретируется исследователями средневековой литературы, вплоть до признания его пародией. (О дискуссии по этому поводу см. *Ferlampin-Acher, Christine. Guillaume de Palerne: une parodie? // Cahiers de recherches médiévales. №15, 2008. P. 59-72*). Как кажется, этот классический роман о воспитании рыцаря не потерял своей актуальности по прямому назначению, не только во время его написания, но и перевода. Хотя первые листы английской версии утрачены, и их обычно воспроизводят по французской версии, как явствует сам текст, заявление первых же строф о том, что цель его – дать знания и научить добру (L. 9-10), не изменилась.

⁵ Забытый после нормандского завоевания аллитерационный стиль ненадолго возрождается в Англии во второй половине XIV века. В этой манере выполнены такие известные произведения, как «Видение о Петре Пахаре» и «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь».

гинальной специфически английской версии романа⁶. В последующем роман не потерял своей популярности, в XV в. в прозаической французской версии он был адаптирован под запросы современной аудитории, выдержал несколько изданий и опять же был переведен на другие языки, в том числе английский.

Сюжет романа богат и наполнен хитросплетениями. Вкратце он таков:

У могущественного и благородного короля Апулии Эмбронна, женатого на прекрасной дочери греческого императора⁷ Фелис был не только сын Уильям, но и брат, мечтавший занять королевский трон. Воплощая мечты в жизнь, он подговорил двух доверенных дам королевы, которым было поручено присматривать за ребенком, убить его. Также планирова-

---

⁶ Подробнее об этом см. введение и комментарий к указанному выше изданию *The romance of William of Palerne...* Соответственно, в статье рассматривается именно английская версия, несколько отличающаяся от французского варианта. Впрочем, мнение исследователей в оценке оригинальности этого текста неоднозначно. См. напр., *Tibbals, Kate Watkins. Elements of Magic in the Romance of William of Palerne // Modern Philology. V. 1. № 3. (Jan. 1904). P. 355-371.* Признавая литературные достоинства текста, автор статьи подчеркивает, что переводчик не опустил ничего важного и не добавил существенного (*Ibid.* 355). Учитывая, что из текста был исключен рассказ о становлении вервольфа, это заявление исследовательницы, полагающей, что главным героем является именно он, выглядит не очень убедительно. Гораздо более интересной является сравнительный анализ версий, предложенный в работах: *Chicoyne, Ruth Ann. "Selcouf signes": Magic, Reason and Social Order in William of Palerne. Montréal, McGillan Univ., 1999; Loughman, Thomas Patrick. William of Palerne: A critical analysis of its structure, theme and composition... Auburn Univ., 1982 (thesis Ph. D.)* и др.

⁷ В современном тексте его, скорее всего, назвали бы не греческим, а византийским императором, но, учитывая многочисленные переработки романа и практически утерю исторической составляющей этой легенды, представляется правильным сохранить написанное, приводимое в тексте.

лось отравить и короля. Однако коварному замыслу помешал вервольф, схвативший малыша во время игры и утащивший его с такой скоростью, что пустившиеся на лошадях в погоню рыцари во главе с королем не смогли его догнать. К тому же, хитрый вервольф с малышом в зубах умудрился пересечь Мессинский пролив, остановивший преследователей. Все решили, что вервольф с ребенком утонули. Вервольф бежал день и ночь, пока не принес его из Палермо в лес в окрестностях Рима, где нежно о нем заботился, кормил, грел ночью, обнимая лапами, так что малыш не испытывал малейшего дискомфорта. Но однажды, во время отлучки вервольфа за провиантом, собака местного пастуха обнаружила дитя, и керл, пришедший на лай, забрал ребенка. В отличие от современного, средневекового читателя вряд ли бы удивил факт, что бедный бездетный пастух решил усыновить найденыша в золотых одеждах. Так что следуем за сюжетом далее. Вервольф страшно расстроился, не обнаружив малыша по возвращении, он так «опечалился, что ни один человек на земле ни в состоянии передать его горе. Он выл так жалобно и разодрал все свою шкуру... и упал в обморок, так печалась, что нельзя вообразить» (Ll. 84-88). Однако взяв след, он дошел до дома пастуха и, обнаружив нежную заботу, которой окружила ребенка пожилая семейная пара, решил, что все к лучшему.

Конечно же, королевский сын не должен был стать пастухом, и ему был послан (опять же не без помощи вервольфа⁸) заблудившийся на охоте римский император, который увез понравившегося мальчика в Рим и сделал пажом своей дочери Мелиор. Естественно молодым людям было суждено полюбить друг друга, тем более, что паж стал рыцарем и тут же проявил чудеса героизма, победив вторгнувшегося в Италию саксонского герцога, и, конечно, должны были появиться обстоятельства, угрожавшие их счастью. Мелиор просватала

---

⁸ Заблудившийся император вдруг увидел волка, преследовавшего крупного оленя, и последовал за ними. Эту пару он из вида потерял, зато наткнулся на удивительного мальчика (Ll. 212-231).

за Партенедона, сына греческого императора, приходившегося Уильяму родственником по матери. Гостям пришлось немало удивляться обычаям хозяев: один из них чуть не умер от страха, наткнувшись в королевском саду на разгуливающих там двух белых медведей. Но радость прошла, когда в соборе св. Петра, где должна была пройти церемония бракосочетания, отсутствовали невеста и ее бывший паж.

Бжавшие влюбленные чуть было не умерли от голода, питаясь дарами леса, но, как и ранее, в критический момент появился вервольф, ограбивший для их спасения пару путников и раздобывший мяса и вина. Он не упускал Уильяма из внимания и всегда был готов прийти ему на помощь. Разгуливавшие в медвежьих мехах Уильям и Мелиор чуть не были пойманы, и в очередной раз спасший их вервольф нарядил их в новые шкуры, на этот раз оленьи. Через Беневенто и Реджио он привел их в Палермо, где после смерти мужа правила королева Фелис. И естественно, они появились в тот момент, когда она остро нуждалась в помощи. Король Испании, получив отказ в руке принцессы Флоренс (сестры Уильяма) для своего сына Брондиниса, вознамерился решить вопрос силой и вторгся в Апулию. Ситуация сложилась критическая, но сердце матери не дремало, точнее наоборот, как раз очень удачно дремало. Повинуясь видению, сулившему доброе предзнаменование и помощь от пары оленей, она также нарядилась в оленью шкуру, отправилась навстречу прославленному рыцарю, бежавшему с высокородной возлюбленной, и попросила о помощи. Уильям на коне своего отца с нарисованным на щите волком возглавил отпор врагам. Испанцы, понятное дело, были разгромлены, а их король с сыном пленены.

И тут опять всех удивил вервольф. То он появлялся перед окнами с молитвенно сложенными лапами и кланялся, словно просил о помощи (Ll. 3482-3486, 3714-3718). Когда же был пленен король Испании, поцеловал его ноги, после чего, поприветствовав остальных, удалился (Ll. 4012-4021). Видя это необычное поведение верного друга и задумчивость пленника, Уильям, уже давно подозревавший, что имеет дело

не с обычным зверем, угрожая узнику вечным пленом, потребовал объяснений. И тут выяснилось, что старший сын короля Альфонс по слухам был заколдован мачехой в вервольфа. По ее заверению, его считали утонувшим, но необычное поведение мохнатого друга Уильяма заставило короля усомниться в словах любимой жены. Уильям тут же велел отправить к ней послов, обещая навечно оставить ее мужа и сына в заключении, а ее сжечь, если она не явится в Палермо сама и не снимет наложенные на пасынка чары.

Затем последовала развязка со счастливым финалом. Испуганная королева Бронда(ина), некогда превратившая Альфонса в вервольфа, дабы ее сын Брондинис занял трон, сняла чары и принесла свои извинения за содеянное. Вервольф-Альфонс, вернув человеческое обличье, поведал историю и происхождение Уильяма, а также причины своего поступка. Последний известил отца Мелиор, который простил влюбленных, радуясь, что дочь жива, а жених оказался высокородным рыцарем. Партенедону, хотя и с тяжелым сердцем, пришлось смириться с потерей невесты, тем более, что он оказался родным дядей жениха. А для Брондиниса нашлась другая невеста – хитроумная и слегка сведущая в магии Александрина, дочь герцога Ломбардского, близкая подруга Мелиор, с самого начала помогавшая влюбленным, в том числе нарядившая их медведями. Три свадьбы были сыграны в один день. Затем Уильям стал править в Апулии, Сицилии, Палермо и Калабрии⁹, а Альфонс, поскольку его отец уже был весьма стар, стал королем Испании. Некоторое время спустя умер

---

⁹ Имя Уильям (Вильгельм) носило несколько королей Сицилии. Существует мнение, что посвященный Иоланде роман отсылает к приключениям ее мужа, и что в нем отразилась история Вильгельма Доброго (1153 – 1189), (см. *Petit McKeehan, Irene. Guillaume de Palerne: a medieval "best seller" // Publications of Modern Language Association of America. V. 41. № 4. (Dec. 1926). P. 785-908.*) Впрочем, по имеющимся сведениям судить об этом трудно, и поиск прототипов кажется занятием малопродуктивным.

римский император, на его место был избран Уильям, на коронации которого в Риме присутствовал бывший вервольф с женой и родней. Итак, сбылось предзнаменование королевы Фелис, видевшей свою правую руку простертой над Римом, а левую – над Испанией¹⁰. В общей радости никто не был забыт: добрый пастух был вознагражден графством и забыл о заботах (Ll. 5381-5394). После этого все жили счастливо и мудро правили своими землями.

Не считая драматической завязки, это очень добрая история, совмещающая героическую авантюру и любовную историю, наполненная чудесами и разного рода маскарадными превращениями, к тому же изложенная с большим юмором и талантом.

Главный герой Уильям – очень удобная фигура для анализа, поскольку представлен в разные периоды жизни и действует как представитель разных социальных групп, что позволяет проследить влияние на гендерный статус и социальных, и возрастных факторов.

Сначала, в возрасте четырех лет, он описывается как нежное прекрасное дитя, требующее заботы и опеки, без которой он легко мог стать добычей врагов. Нежный рот, цвета розы, чистый лоб и золотистые волосы, светлое лицо и ясный взгляд вспоминает несчастная мать. Ей трудно поверить, что его белые руки и другие прелестные части тела, подробно перечисляемые в двух десятках строф, могут быть растерзаны волком (Ll. 129-150). Ни о какой маскулинности здесь речь не идет. Дитя практически бесполо.

Следующая встреча с Уильямом происходит уже в одиннадцать лет¹¹. Несмотря на воспитание в семье пастуха¹², за

---

¹⁰ Композиционно этот пассаж выглядит как кульминационный, что позволяет предположить, что в основе романа изначально могла лежать генеалогическая легенда, потерявшая со временем свое значение и оставшаяся в тексте в виде этого «следа».

¹¹ «Семь зим» он провел у пастуха (L. 296). Число семь было весьма любимо теоретиками воспитания в древности и средневеко-

семь прошедших лет он превращается в прекрасного, умного, удивительно воспитанного и привлекательного мальчика, обладающего способностью не только заводить друзей среди сверстников, но и очаровать императора. К тому же он уже успевает зарекомендовать себя хорошим охотником и метким стрелком. Мальчик прекрасен телом и душой, причем его внутреннему благородству уделяется даже больше внимания, чем внешней привлекательности. А красив он настолько, что император подумал было, что ребенок рожден феями (Лl. 224-231). Он добр и щедр, заботится о других и делится добычей с товарищами, которых очевидно превосходит на охоте (Лl. 190-193), как и в других делах. При встрече с императором в лесу он проявляет редкую для ребенка разумность, не торопясь звать «отца» по просьбе взрослого, поскольку не знает намерений незнакомца. Покидая «родных» и друзей, он не забывает передать им прощальные слова, поименно перечисляя последних и поблагодарить приемных родителей за заботу и любовь (Лl. 351-366). Ему свойственны порядочность и чувство долга, открытость и забота о людях, и он не боится высказывать свои чувства и эмоции. Узнав, что его воспитывала неродная семья, Уильям расстраивается, что ему нечем отплатить за доброту и заботу (Лl. 320-231). Оставаясь принцем в облике пастуха, Уильям получает должное от рождения не только благодаря «счастливой случайности», но главным образом – собственным качествам (кровь, естественно, дает себя знать). Одиннадцатилетний Уильям предстает перед читателем лидером в своей возрастной группе, товарищи счастливы угодить ему, и хотя приемный отец, как положено в таких ситуациях, напоследок дает ему наставления, мальчик

вье. Апелляция к этому числу вполне может быть демонстрацией знакомства с образовательными теориями. Как уже было замечено исследователями текста, роман изобилует отсылками к популярной тогда литературе. (См., напр., *Tibbals, Kate Watkins*. Op. cit. и др.)

¹² Впрочем, имевшего некоторое представление о придворных обычаях (Лl. 341-342).

не выглядит менее разумным или дееспособным, чем взрослые низшего социального статуса, не говоря уже о детях. Благодаря прирожденному таланту охотника он фактически кормил свою приемную семью дичью (Ll. 177-185). Своего рода опеку можно увидеть в его попытке защитить «отца» от неожиданностей со стороны гостя. Прежде чем привести к нему по его просьбе пастуха, мальчик получает заверение в безопасности приемного отца, причем если пастух боится встречаться с вооруженным незнакомцем, то мальчик общается с ним со всем положенным в таких случаях политесом (Ll. 232-272). Все время подчеркивается, не ускользнувшее от императора¹³, его отличие от окружающих, под которым очевидно имеется в виду явное превосходство¹⁴.

Преобразившийся в более подходящем ему платье, Уильям становится красавцем, равного которому не видывали (Ll. 12-19). За несколько лет при дворе он легко наверстывает упущенные годы, не только быстро обучаясь и совершенствуя манеры, но и превращаясь в настоящего рыцаря, вызывавшего любовь и восхищение мужчин и женщин, императора и народа. Внутреннее благородство легко перерастает во внешнее достоинство: и ломбардцы, и римляне рядом с ним кажутся плебеями. Он превращается в сильного и красивого юношу, лучшего на охоте, а уж верхом на лошади, с копьем в руках и щитом на шее кажущегося совершенством. При этом Уильям по-прежнему отличается приветливостью, вниманием к людям и скромностью¹⁵, никто не слышал от него глупого или

---

¹³ Поведение и манеры ребенка заставили императора думать, что он благородного происхождения, о чем он позже и сказал своей дочери, поручая ей Уильяма (Ll. 430-432). Тем более, что перед тем он спросил пастуха о том, откуда мальчик взялся (Ll. 285-296).

¹⁴ Современная наука объяснила бы это габитусом.

¹⁵ Примечательно, что гордыня в этом романе – серьезный недостаток, которым наделяют врага – саксонского герцога, вторгнувшегося на земли римского императора, и в итоге скончавшегося, поскольку он не вынес позора поражения. Собственно, спесь его и губит.

грубого слова, что неизменно привлекает к нему людей¹⁶. Император любит его как сына и везде возит удивительного юношу с собой, что, конечно же, отражается на отношении к нему окружающих (более ста строф посвящено его восхвалению – особенно Ll. 39-123).

Однако самым главным для превращения подростка в полноценного мужчину, естественно, является продвижение на военном поприще. Кстати оказывается вторжение саксонского герцога. Уильям, произведенный в рыцари, сразу проявляет себя «львом». Он демонстрирует силу и храбрость, сражая лучших из врагов, а также пробует свои силы в качестве военачальника таких же недавно посвященных рыцарей. Как и положено лидеру, он обращается к ним с речью перед битвой. Воинские достоинства тут же превращают молодого рыцаря в персонального врага саксонского герцога, которого Уильям лично берет в плен и приносит победу своему патрону (Ll. 1067-1268). Совершив героические подвиги и покрыв себя громкой славой, он благополучно переходит в следующую группу в иерархии маскулинностей. И хотя он становится практически полноценным рыцарем, носителем доминантной маскулинности, и даже защитником императора¹⁷, в силу неопределенного происхождения и возраста его место в рыцарской иерархии невысоко. В первую очередь ущербность его положения проявляется в зависимости не только от вышестоящих мужчин, но и женщин, в том числе молодых.

О роли дамы в воспитании полноценного рыцаря написано довольно много¹⁸, поэтому сейчас ограничимся лишь

---

¹⁶ Очевидно, он придерживается одного из прощальных наставлений разумного пастуха – не болтать лишнего (Ll. 333-334).

¹⁷ Видя многочисленность врагов и бедственность ситуации, император обращается за помощью к Богу. Уильям, слыша его жалобы, исполняется отваги и рвется в бой (Ll. 1168-1192).

¹⁸ В том числе и нашими авторитетами исследования жанра романа, такими как *А.Д. Михайлов* (Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1966) и *Е.М. Мелетинский*. (Средневековый роман. М., 1983).

одной стороной вопроса, а именно взаимосвязью между двумя иерархиями – социальной и гендерной. Молодой человек, будучи самым привлекательным юношей в обозримой округе, не смеет и мечтать о королевской дочери, так что влюбленной в него Мелиор приходится самой сделать первый шаг¹⁹. Уильям демонстрирует почтение и подчинение в отношении своей госпожи не только до начала их тайных отношений, но и после того, как у них завязывается продолжительный роман. Право принятия решений он всегда оставляет за дамой, которая ничуть не старше его самого. Конечно, им движет в первую очередь чувство любви – он готов умереть, чтобы не доставлять возлюбленной проблем, если она того пожелает. Узнав о помолвке Мелиор, он заболевает и собирается умереть, но сам не инициирует никаких действий, направленных на разрешение ситуации. За свою любовь он не борется, и женщинам приходится искать выход. Он как обычно покорно принимает их решение. Наряду с дамой сердца, чей социальный статус даст ей право командовать возлюбленным, он также охотно слушается ее подругу и родственницу Александрина. (Впрочем, ее советами не пренебрегает и Мелиор. Помимо того, что эта девушка отличается высоким происхождением, она кое-что смыслит в магии, что выводит ее за границы обычных гендерных иерархий²⁰.)

Ситуация меняется, когда влюбленные пускаются в бег. Уильям по-прежнему внимательно прислушивается к пожеланиям возлюбленной²¹, но начинает проявлять гораздо

---

¹⁹ Немного помучившись по поводу низкого статуса избранника, принцесса решает довериться сердцу. Верная подруга и кузина Александрина сводит их (Ll. 124-1014).

²⁰ О женщинах и магии в рыцарских романах см., напр., *Суприянович А.Г. Проклятые Мелюзины: гендер, преступление и наказание // Адам и Ева, № 18, М., 2010. С. 30-60.*

²¹ Беглецы вынуждены питаться ягодами и другими дарами леса. Уильям предлагает добыть пропитания у людей, но осторожная Мелиор не хочет привлекать к вниманию. Будучи на грани голодной смерти, Уильям действует согласно ее пожеланию (Ll. 1805-1832).

больше активности. Герои находятся в лесу, где не действуют социальные и культурные нормы, к тому же и они сами, находясь в ином, нечеловеческом пространстве «перевоплощаются» в животных (сначала медведей, потом оленей), спят, едят и даже ходят как они²². Теперь Мелиор, имевшая гораздо меньший опыт общения с природой, чем выросший «на воздухе» Уильям, зависима от него, от его мужской силы и выносливости. И уже Уильям проявляет инициативу, опекает и заботится о ней²³. Иной раз он даже позволяет себе проигнорировать ее мнение²⁴. Однако в начале этой авантюры (традиционно являющейся неотъемлемым компонентом становления рыцаря в романах) Уильям так же рискует погибнуть, как и женщина рядом с ним. Их спасителем оказывается куда более адаптированный к природному миру вервольф, хотя и ему, чтобы накормить беглецов, приходится выходить за границы природного пространства и отнимать человеческую пищу у людей.

К концу приключения на главную мужскую роль в романе, как и место лидера в их маленьком коллективе, выдвигается уже Уильям, а вервольф в свою очередь превращается в зависимый от него персонаж. Связана эта рокировка с возвращением в социальный мир, где вервольфу нет места, и востребованы воинские качества Уильяма. В первую очередь его возможность и способность владения оружием, которое рассматривается как важный мужской атрибут и даже условие мужской полноправности. Каждый этап его «мужского роста»

---

²² Исследователями романа было сделано любопытное наблюдение о том, что трансформация в животных связана с нарушением героями феодального порядка (*Chicoyne, Ruth Ann*. Op. cit. P. 12 etc.). При всей привлекательности этой идеи, как кажется, она мало работает на материале «Уильяма и вервольфа», хотя может быть весьма плодотворной для интерпретации других рыцарских романов, где происходит «одичание» героев.

²³ Так, без его помощи она, очевидно, не смогла бы выбраться с корабля, на который они забрались, пересекая пролив (Ll. 2771-2781) и др.

²⁴ Ее предчувствие беды он объявляет фантазией (Ll. 2314-2315).

связан с обладанием более совершенными средствами защиты и нападения. Уже мальчиком он проявляет себя неординарным стрелком из лука. Затем получает коня и оружие и становится рыцарем, подтверждая статус убийствами достойных противников высокого ранга. Собственно вооруженность как состояние и отличает рыцаря от женщины, как и других социально зависимых групп и является важным признаком доминантной маскулинности. Если до производства в рыцари он оставался в статусе ребенка, то теперь его именуют сэр Уильям (ср. Ll. 1091 и 1139). Отсутствие оружия во время побега лишает его возможности защитить себя и невесту и фактически уравнивает их. Герой, сразивший в битвах не одного неприятеля, в отсутствие коня и оружия даже не надеется на благоприятный исход и полагает, что они погибнут. Хотя Уильям ведет себя в этой ситуации «по-мужски» и готов принять все на себя, лишь бы защитить любимую²⁵, спасти их опять приходится вервольфу.

Поскольку воинская слава Уильяма раньше него самого успела дойти до Палермо, при появлении там ему была предложена роль лидера в организации сопротивления испанцам, что он блестяще выполнил. В этой кампании он проявляет себя и как воин безусловной личной храбрости и мощи, сразивший сильнейших из врагов, и как талантливый руководитель и стратег, способный организовать и повести за собой людей. Востребованы и его ораторские таланты, позволяющие вдохновить горстку людей на победу над очевидно превосходящими силами противника. Таким образом, Уильям совершает следующий шаг в мужской иерархии, превращаясь из обычного воина в военачальника, его личная сила²⁶ и влия-

---

²⁵ Он предлагает ей снять личину, чтобы ее не убили. Сам же собирается защищаться, как придется. Однако Мелиор не собирается бросать Уильяма, поскольку не видит смысла в жизни без него (Ll. 2330-2364).

²⁶ Так, он способен свалить всадника вместе с конем (Ll. 3604-3607).

ние растут пропорционально его воинским возможностям. Королева одаривает его прекрасным оружием, а символом его нового статуса становится королевский конь, никого не подпускавший к себе после кончины его владельца. Признание со стороны коня и готовность норовистого животного беспрекословно и с удовольствием повиноваться²⁷ рассматривается как важное свидетельство мужских достоинств Уильяма. Для окружающих появление неизвестного рыцаря во главе войска опять же легитимизируется через коня (Ll. 3280-3301 и др.).

Маскулинизация образа выражается и в том, что теперь Мелиор оказывается в роли девушки при нем, ей, вместе с другими женщинами, остается наблюдать за его подвигами и радоваться, что ей «достался» такой мужчина. Формально более высокое место в социальной иерархии занимает мать Уильяма, королева Апулии. Однако и она всячески подчеркивает свою зависимость от пока неизвестного ей воина и выражает ему свое почтение²⁸.

Когда же выясняется, что это ее сын, и Уильям становится королем, обладающим властью над людьми и землями, он добирается до верхних ступеней в иерархии доминантных маскулинностей. Вервольф называет его самым достойным из ныне живущих рыцарей (Ll. 4464-4472). Теперь он почти безгранично хозяйничает не только в стране, которую защищает,

---

²⁷ Конь дал понять, что ему пора покинуть конюшню, разорвав цепи и издавая удивительное ржание, а при попытке Уильяма его оседлать даже преклонил колени (Ll. 3325-3284).

²⁸ Даже пытается преклонить перед ним колени, чего он, естественно, не допускает (Ll. 3945-3952).

Вообще язык жестов активно используется в этом произведении для выражения отношений, а не только чувств и эмоций. Многочисленные объятия и поцелуи, особенно между мужчинами, демонстрируют читателю как привязанность и благодарность, так и их статус. Социальную иерархию также фиксируют употребляемые героями по отношению друг к другу обращения. Об обращениях см. подробнее *The romance of William of Palerne...* P. xli-xliii.

но и в семье²⁹. Он, не спрашивая ни Флоренс, ни матери (как некогда отец Мелиор), распоряжается рукой вновь приобретенной сестры, обещая ее вернувшему человеческое обличье вервольфу. Между мужчинами разворачивается даже благородное препирательство по этому поводу: Уильям, видимо, полагая, что одной невесты в награду недостаточно, настаивает на том, чтобы Альфонс взял в приданое часть королевства, раз уж хочет жениться «так низко», а бывший вервольф отказывается, желая получить только девушку. Оба остаются довольны, что побратались, как и все присутствовавшие во дворце. Овеществленность женщин подчеркивается допущенной Уильямом оговоркой: он предлагает Альфонсу в награду все, что тот пожелает, кроме Мелиор (Ll. 4734-4736)³⁰. Женщинам на их место также указывают старшие представители семьи, веля им в прощальных наставлениях слушаться мужей. «Будь приветлива ко всем, мягка и милостива к слугам и верна своему господину...» – наставляет император дочь (Ll. 5114-5120). Похожие советы дает мать Флоренс (Ll. 5204-5208, 5437-5442). Таким образом, брак, повышая «уровень маскулинности», а значит, и статус мужчин, для женщин на первый взгляд оборачивается некоторым снижением социального статуса, во всяком случае, в отношении мужа³¹.

²⁹ Правда, читателю не забывают сообщить, о том, что Уильям вовсе не растерял своих замечательных качеств и правил справедливо. Дурные законы им были отменены и установлены новые хорошие, так что он пользовался любовью людей (Ll. 5238-5244). То есть, как уже отмечалось в историографии, по законам жанра был восстановлен нарушенный в начале истории правильный ход вещей: герои заняли полагающееся им место и мир вернулся к нормальному состоянию (см., напр., *Loughman, Thomas Patrick*. Op. cit. P. 27-30.)

³⁰ Подчеркивается зависимость женщин и через определение их статуса через мужчин (Фелис – дочь императора, Мелиор – «его [Уильяма] королева») (Ll. 5485, 5507) и др.

³¹ С другой стороны, приобретя «господина», женщины могли получить немало «бонусов» за счет его статуса и собственного замужнего положения. А в случае появления наследников их статус

Неравноправие женщин в первую очередь связано с их «невооруженностью», не принадлежностью к миру оружия. Даже располагающая войском королева Фелис должна ждать того, кто способен с ним лично управляться³². Уильям побеждает с ее же оружием и ее собственными людьми, терпевшими до того одни поражения. По этой же причине он не воюет с испанской королевой, он просто обещает ее сжечь в случае непослушания, и легко прощает после демонстрации покорности и списывания вины на женские слабости³³. Так же прощаются покаявшиеся заговорщицы, которым разрешено окончить дни в молитвах и уединении (Лl. 4766-4804).

Уильям окончательно самореализуется в качестве мужчины, обретая семью и сыновей, которые продолжают его род (не случайно читателю о них сообщается). Они еще расширяют объем его власти, теперь уже в качестве отца и главы рода. Женщины не сходят со сцены совсем, но окончательно превращаются в «приложение» к своим мужчинам, которые собственно и рассматриваются как главная ценность и награда для женщин. Так, верную помощницу и советчицу влюбленных – опять же не особо интересуясь ее личными симпатиями – вознаграждают мужем, о согласии которого, в отличие от девушек, спрашивают (Лl. 4990-4997). Видная невеста Мелиор «до смерти боится», что у нее отнимут ее прекрасного возлюбленного (Лl. 3307-3308).

Фактически право на личный выбор в этом романе имеют лишь два человека³⁴, совершившие в конце романа восхо-

---

матерей приносил немалые социальные бонусы и привилегии. Так, мужчины в романе оказывают всяческое уважение матери Уильяма, послушания в ее отношении требуют и от ее молодой невестки, дочери императора, Мелиор.

³² Показательно, что король Испании проигнорировал просьбы королевы Апулии о перемирии, не считая нужным иметь дело с женщиной, а разговаривать с ним на языке оружия было некому.

³³ Любовь к сыну, ради которой она так поступила с пасынком, оказалась достаточно извинительной причиной.

³⁴ С одной стороны, для окружающих персонажей этим выбором они нарушают принятый социальный и гендерный порядок, с дру-

ждение к самому верху социальной лестницы после их коронования императором и императрицей в Риме. И если Мелиор занимает место, причитающееся ей по рождению, то социальное продвижение Уильяма представляется как результат его личных усилий и заслуг (пусть и сформировавшихся на базе врожденных качеств), а также выдающихся человеческих качеств, причем не общечеловеческих, а именно мужских.

Помимо репрезентации образцовой и совершенной маскулинности, в романе присутствует и сверхмаскулинный персонаж. Образ волка как воплощения маскулинности давно замечен интерпретаторами «красной шапочки» и не только. Он имеет долгую историю, но мы ограничимся романом.

Вервольф в данном романе – гибридное существо, совмещающее лучшие качества человека и зверя, и хотя он не в состоянии сам сбросить звериное обличье и вынужден носить его, пока заклятье не будет снято, он наделен некоторыми сверхъестественными способностями³⁵. Сохраняя челове-

---

гой – для читателя, информированного в начале истории об истинном положении Уильяма, – восстанавливают правильный ход вещей, нарушенный в начале истории.

³⁵ Рассказы об оборотнях имели широкое хождение в средневековой Европе. Наиболее известным примером является Бисклаврет Марии Французской; о волках-оборотнях пишет известный Гервасий Тилберийский, чьи сюжеты и образы стали источником для последующих авторов. Однако следы истории значительно древнее. Уже Овидий в «Метаморфозах» и Петроний в «Сатириконе», очевидно не первыми, используют образ волка-оборотня. В том или ином виде он присутствовал в культурах многих народов. Подробнее об этом см. *Ward, R.M. Cultural Contexts and Cultural Change: The werewolf in Classical, Medieval, and Modern Texts*. Edmonton, Alberta, 2009 (PhD thesis) и др.

Довольно часто в этом романе видят в первую очередь историю вервольфа. (См., напр., *Tibbals, Kate Watkins*. Op. cit. и др.) Однако роман об Уильяме (Гийоме) не сводится исключительно к истории вервольфа, который хотя и является одним из центральных, но не единственным главным персонажем. История о нем искусно вплета-

ские волю и ум, он не только приобретает огромные физические способности, но и оказывается причастным к миру трансцендентного – он обретает знание вещей, недоступное обычным людям³⁶. Он появляется в первую очередь в тех ситуациях, когда требуется сверхъестественное вмешательство в действия людей. Он чудесным образом знает об их намерениях (например, о заговоре против Уильяма и его отца³⁷), происходящих событиях, потребностях тех, кого опекает, что позволяет ему появляться в нужное время в нужном месте. Он действует как посланец и орудие Бога, о чем читателю неоднократно напоминает³⁸. Он – вершитель справедливости, так что судьба в его лице имеет специфическое выражение.

Вместе с тем, вервольф, будучи заколдованным человеком, не полностью принадлежит миру чудесного. Как настоящий зверь, он лишен возможности разговаривать и вынужден объясняться жестами³⁹. Показательно, что встретив королеву под видом «говорящего оленя», Мелиор пугается, а Уильям решает, что имеет дело с духом или «нечистым». Вервольф не вызывает такого подозрения, даже когда героям оче-

---

ется в канву любовного приключения. Превращения вервольфа-Альфонса – существенная, но не главная часть этого романа.

³⁶ И другие животные наделяются здесь знаниями, недоступными человеку. Так, Уильяма признает в качестве хозяина отцовский конь (Ll. 3225-3241).

³⁷ Хотя во французской версии романа этому факту нашлось рациональное объяснение: вервольф подслушивает заговорщиков (см. р. 222). Английский переводчик счел эту подробность излишней.

³⁸ Что, собственно, абсолютно соответствует средневековым представлениям о мире. (Об отношении к чудесному см. *Yunus C.W. Wonder // The American Historical Review. Vol. 102. N. 1. (Febr., 1997). P.1-26.*)

³⁹ В поздних переработках романа он приобретает способность говорить, что еще больше укореняет его в мир чудесного. О средневековом понимании различий между человеком и животным см.: *Yamamoto D. The boundaries of the human in the medieval English literature. Oxford, 2000.*

видно, что это не обычный волк. В нем подозревают в первую очередь человека. Причинами, очевидно, являются отношение к людям, человеческий ум и поведение. Ментально он – часть человеческого мира⁴⁰, и автор не жалеет для него «человеческих» эпитетов: чаще всего он определяется как «умный, мудрый» («witty(i)»), но также он «достойный» («worthy»), «благословенный» («blessed»), «милый дорогой зверь» («swete dere best» – Ll. 4359) и «милый дорогой друг» («lef swete frende» – Ll. 4372).

Тем не менее, в качестве огромного зверя он обладает сверхчеловеческими физическими возможностями. С ребенком в зубах он способен оторваться от конной погони, переплыть пролив, после чего в состоянии бежать день и ночь, пока не достигнет цели (например, от Палермо до Рима см. Ll. 166-171). Он совершенно неутомим: в то время, как беглецы периодически сваливаются от усталости⁴¹, вервольф бодрствует, охраняя их сон и еще успевает добывать еду. Он силен и быстр как буря (Ll. 87), но хотя очень силен, не принимает личного участия в сражениях, лишь символическое. Так, его изображение на щите Уильяма подчеркивает особые, сверхчеловеческие качества воина, которому покровительствует вервольф.

Вообще, ассоциации воинов с хищными животными довольно активно используются в романе⁴². Прево Беневенто с его людьми представляются Мелиор медведями, обезьянами,

---

⁴⁰ Гуманность вервольфа заставляет некоторых исследователей полагать, что он не более трансформирован в животное, чем ряженые Уильям и Мелиор (*Tibbals, Kate Watkins*. Op. cit. P. 360).

⁴¹ Впрочем, передвижение на четырех конечностях и правда должно было быть очень утомительно. А наши герои, маскируясь под животных, днем передвигались именно так и только ночью разгибали спины.

⁴² О роли образов животных в средневековой литературе уже неоднократно писали. См., напр., специальное обращение к этой теме: *Gill, Frances Margaret*. *Animal and dream functions in William of Palerne with introduction to Medieval animal imagery and history of dream interpretation*. Montreal, 1971.

быками, ведомыми львом (Ll.2296-2302); матери Уильяма снится сон, где напавшие испанцы представлены медведями⁴³ и леопардами (Ll. 2867-2876), Уильям неоднократно в битвах сравнивается со львом (напр. L. 3861-3862 и др.), да и воинские качества вервольфа не подвергаются сомнению, несмотря на его неучастие в сражениях. Словно он сознательно не использует свою силу во вред людям, понимая несоизмеримость возможностей. Он оставляет абсолютно невредимым, без единой царапины, сынишку прево Беневенто, которого вынужден похитить для спасения «медведей» (Ll. 2453-2462). После того, как он намеренно обнаружил себя и получил сильный удар от члена команды корабля, на котором они с «оленьями» «зайцами» переправлялись через пролив, преследуемый командой, он предпочитает не нападать и убраться подальше, никому не навредив, и дать возможностям выбраться на берег «оленьям» (Ll. 2753-2766).

Собственно то, что вервольф вовсе не свиреп, дается понять читателю уже в начале истории. В сцене похищения несчастная мать, причитая по поводу украденного ребенка, говорит, что не может поверить, чтобы дикое животное осмелилось нанести какой-либо вред ее чудесному малышу, Бог не должен допустить этого, такой жестокости не может быть (Ll. 153-158). А стенания безутешного вервольфа после пропажи малыша обнажают читателю (изначально скорее слушателю) его тонкую душу (Ll. 84-88). Он лишь дважды проявляет агрессию по отношению к человеку: в момент превращения и при следующей встрече с заколдовавшей его мачехой (Ll. 4332-4344). Но и она в данном случае находится за гранью человеческих возможностей, обладая сильной магией. Так что в данном случае агрессия направлена на достаточно сильного противника, к тому же рассматривается как попытка справедливого возмездия.

---

⁴³ Если жители Беневенто и испанцы в качестве медведей представлены нападающими хищниками, то в отличие от них Уильям и Мелиор описываются как прекрасные белые медведи, хотя и устрашающего вида, во всяком случае, они на это надеются.

Собственно вервольф с самого начала романа являет собой пример абсолютной рыцарственности. Если Уильям большую часть действия находится в процессе становления мужчиной⁴⁴, то вервольф, несмотря на свое обличье, предстает перед читателем уже совершенным рыцарем⁴⁵. Он благороден и милосерден – узнав о заговоре, спасает королевское дитя из жалости и сострадания (Ll. 4652-4655) – отважен и готов на самопожертвование, практически весь роман занимается тем, что защищает других, не считаясь с опасностью для себя (например, сначала уводит погоню от «белых медведей», очевидно рискуя (Ll. 2182-2400), а затем моряков от «оленей»). В любых обстоятельствах он сохраняет присутствие духа и знает, что делать (что не всегда можно сказать об Уильяме).

При этом вервольф не ограничен социально-культурными нормами, он может действовать как животное, например, ограбив путников, и его действия не вызовут осуждения, тем более, что продиктованы благородными мотивами. Но даже грабеж в его случае символический, люди сами от страха бросают пищу и уносят ноги (Ll. 1844-1900).

---

⁴⁴ В историографии высказывалось мнение, что вервольф обучает Уильяма быть рыцарем (*Ward R.M.* Op. cit. P. 204), что представляется мало доказуемым, все-таки Уильям пускается в бега, будучи в значительной мере состоявшимся рыцарем; а вот его роль примера маскулинности для читателей – очевидна.

⁴⁵ Английский переводчик опустил незначимые для него детали того, как вервольф рос и набирал силу в лесу в Апулии (Цит по: *The romance of William of Palerne...* P. 222). Именно благородное рыцарское поведение вервольфа, как кажется, заставляет некоторых исследователей утверждать, что это «не настоящий» вервольф. В нем нет агрессии и угрозы по отношению к человеку, характерных для образов большинства волков-оборотней. Однако как уже было замечено выше, такой образ издавна равноправно существовал в литературе. Он был вытеснен на литературную периферию уже в Новое время, когда стала доминировать церковная традиция, нарядившая оборотней в дьявольские одежды.

В итоге «инаковость» вервольфа, выражающаяся в основном в его физических возможностях, оборачивается на деле предельной маскулинизацией его образа.

Показательно, что при обратном превращении вервольфа в человека исчезает и его особая сила и способности. Уильям, одержав победу над единственным человеком, который может нанести вред вервольфу – его мачехой – меняется местами со своим покровителем. Альфонс из опекуна превращается в друга и вассала Уильяма, то есть спускается на ступеньку ниже в иерархии и социальной, и маскулинной. Это специально подчеркивается при его характеристике, например, через описание внешности: Альфонс невероятно прекрасен, но уступает в красоте Уильяму (и только ему). Перемена мест подчеркивается и символической передачей платья⁴⁶.

Вернув человеческое обличье, мудрый и верный вервольф по прежнему остается образцом вассальной преданности, готовым всегда прийти на помощь и поддержать, но теперь за ним нужно посылать, всеведение утеряно вместе с волчьей шкурой. Он, как и ранее, благороден и отказывается от земель, которые предлагаются в награду щедрым Уильямом. Зато его очеловечивание имеет результатом приобретение человеческих чувств и эмоций, он тут же влюбляется в сестру Уильяма, чьей красоты до того, видимо, не замечал. Образцовая рыцарственность немислима без женщины рядом.

Фактически роман посвящен тому, что сейчас определяется как конструирование маскулинности⁴⁷. В романе представлены два ракурса доминантной маскулинности: универсальный образ идеального рыцаря, находящегося вне возраста и социума (вервольф), и процесс его конструирования в условно реальном пространстве рыцарского романа (Уильям)⁴⁸.

---

⁴⁶ После снятия чар вервольф нуждался в одежде, и на вопрос о том, от кого он хотел бы получить платье, он назвал Уильяма (Ll. 4458-4479).

⁴⁷ С той разницей, что в средневековых романах это конструирование происходило как бы само собой, в силу врожденных качеств.

⁴⁸ Возможно, по этой причине некоторым исследователям текста представляется, что более совершенный герой должен быть главным.

Мы видим, как Уильям шаг за шагом становится полноценным мужчиной: сначала возвращается в группу носителей доминантной маскулинности, затем заявляет о себе как воин, обзаводится достойной подругой, доказывает свою мужскую состоятельность в ходе опасного приключения, способность защищать и руководить теми, кто рядом, и наконец, достигает максимального объема власти за счет расширения ее географии. Очевидно, что это история обретения и расширения полномочий, это история о власти.

Очевидно, что модели поведения даже при принадлежности к одной группе доминантной маскулинности и даже для одного героя существенно различаются. Юноша, например, должен быть скромнен и не проявлять излишней активности, действует в заданных ему рамках. Не случайно в качестве позитивного примера подчеркивается именно быстрое освоение Уильямом принятых правил и норм, так что никому не приходится его корректировать. А вот вервольф, в отличие от Уильяма, абсолютно не ограничен социальными нормами, хотя и сознательно их придерживается. Оба они проявляют такие нормативные мужские качества как сила, смелость, выносливость, ум, ответственность, а также необходимое для руководителя умение строить отношения с людьми и др., но Уильям долгое время ограничен в их проявлении в соответствии с его возрастом и социальным положением. Объем его прав и возможностей четко регламентирован этими двумя факторами. Совершеннолетие является принципиально важным, но не единственно существенным моментом в преодолении бесправия. Признание мужчины взрослым означает и наделение его совершенно конкретным объемом прав и власти (в том числе гендерной), четко соответствующих его месту в социальной иерархии. Именно это место, как и возраст, диктуют поведенческие практики, которых ему следует придерживаться в различных ситуациях. Например, в битве молодой рыцарь демонстрирует агрессию и неистовость, но место проявления этих качеств четко ограничено полем сражения, в «домашних условиях» он мягок и кроток. Тем не менее,

основным пространством в жизни мужчины, на котором решается вопрос о возможной социальной мобильности, является война, именно поэтому Уильям был счастливейшим человеком на земле, узнав о вторжении неприятеля (Ll. 1091-1092)⁴⁹. Не случайно на страницах рассматриваемого романа, как и многих других, ей уделяется значительное внимание.

Переход из одной группы в иерархии маскулинностей в другую происходит отнюдь не автоматически, как это нередко представляется интерпретаторами рыцарских романов: на каждом этапе герой должен доказывать соответствие своих качеств и возможностей претензиям. В том числе – и право на женщину соответствующего статуса⁵⁰. Показательна в этом отношении история сводного брата Альфонса Брондиниса, претендовавшего на руку сестры Уильяма Флоренс и на корону Испании. Он не получает ни того, ни другого, поскольку претендует на чужое место, однако «ним» вознаграждают Александрину, как вполне достойной партией. Называя вещи своими именами, скажем, что «завоевание» женщины – составная часть маскулинизации. Хотя в отличие от войны и подчинения мужчин-врагов, это победа бескровная, добровольная, происходящая за счет признания женщиной достоинств и преимуществ мужчины (как и признание со стороны боевого коня). Проиграв войну за Флоренс, король Испании замечает, что бесполезно желать непокорную женщину (Ll. 3984-3985), о том же ему говорит вновь обретенный сын (Ll. 4596-4597). Тем не менее, претензия на обладание той или

---

⁴⁹ Эта сфера мужской жизни специфична во многих отношениях, в том числе и в выражении чувств и эмоций. Если агрессия и гнев неприемлемы или неприличны в мирной жизни, где рыцарю следует проявлять ум и уравновешенность, то на войне эти качества рассматриваются как необходимые и восхваляемые.

⁵⁰ О взаимосвязи женщины и власти в средневековых романах уже неоднократно писали, в том числе и у нас. См. напр., *Черкашина А.И.* Власть как женщина: концепты женственности и власти в английской позднесредневековой культуре // *Адам и Ева.* М., 2010. № 18. С. 101-118.

иной женщиной обосновывается на ратном поле, а не между полами⁵¹. Любовь женщины – и приз, и признание. Призывая рыцарей к битве, Уильям требует от мужчин проявления мужественности и рекомендует думать об их возлюбленных (Ll. 3337, 3370).

Итак, иерархизация внутри рыцарства как социальной и гендерной группы происходит не за счет наличия или отсутствия определенных качеств, а за счет возможности их проявления. Жанр романа наилучшим образом подчеркивает перформативность гендера. Маскулинность разыгрывается, причем, по жестко установленным правилам, все мужские роли и их поведенческие характеристики четко определены. При этом объем полагающейся им власти выражен пространственно и имеет вполне четкие географические границы. Как кажется, эта жесткая иерархизированная взаимосвязь власти и места является специфически средневековой особенностью репрезентации маскулинностей⁵². То есть, герой настолько «маскулинен», насколько позволяет его социальное положение в его пространственном выражении.

---

⁵¹ Опоздавший к битве и явившийся к свадьбе отвергнутый жених Мелиор Партенедон все же сожалеет, что с ним нет армии, иначе он попытался бы захватить своенравную невесту, несмотря на родственные связи с женихом. Отсутствие силы, а не выбор девушки останавливает его (Ll. 4980-4987).

⁵² Как кажется, в Новое время привязка статуса к земле не такая жесткая. Разбор романа с точки зрения социального устройства описываемого мира уже предпринимался ранее. См., напр. *Chicoyne, Ruth Ann*. Op. cit. P. 9-11. Исследовательница проанализировала преломление в романе аристотелианских и августианинских идей о мироустройстве и социальной гармонии, а именно представлений об иерархизированности всего сущего (и человеческого общества в том числе) по степени совершенства. Прочтение романа как восстановления нарушенного «порядка, мира и закона» см. также: *Loughman, Thomas Patrick*. Op. cit. P. 27-20. Однако гендерный аспект проблемы ими во внимание не принимался.

Йозеф Геббельс и конструирование нацистской модели маскулинности

Гитлеровскому режиму в короткий срок удалось навязать немецкому обществу собственную гендерную идеологию с ее трактовкой маскулинности и гендерных ролей мужчины. Важную роль в идеологической обработке населения Третьего рейха играл именно Йозеф Геббельс, с 1926 г. - гауляйтер Берлина, с 1930 г. – рейхсляйтер НСДАП по пропаганде, с 1933 г. – имперский министр народного просвещения и пропаганды, президент имперской палаты культуры. В качестве министра Геббельс отвечал за «духовное влияние на нацию, агитацию за государство, культуру и экономику, информирование о них общественности внутри страны и за границей». Под контролем Геббельса оказались пресса, радио, художественное и документальное кино, музыка, театр, литература. Он был уполномочен бороться «с халтурой и грязью» во всех этих сферах¹. Руководимое им министерство заранее мыслилось как учреждение, которое должно «подвести духовный фундамент» под власть национал-социалистов, завоевать на их сторону весь немецкий народ².

Как показывает исследование Эльке Фрёлех, Геббельс считал себя рупором и инструментом Гитлера³. При этом в последние годы Третьего рейха, наполненные военными неудачами, министр пропаганды ввиду растущей изоляции Гитлера, все реже и реже выступавшего перед населением, по-

---

¹ Reichsgesetzblatt, 1933. Teil I. S. 104, 449.

² *Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. Eine historische Darstellung in Tagebuchblättern.* 4. Aufl. München, 1934. S. 28.

³ *Fröhlich E. Joseph Goebbels und sein Tagebuch // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte,* 1987. Heft 4. S. 493.

степенно «приобретал роль его представителя. При этом само собой получалось, что он приобретал большую свободу и больше возможностей для собственной инициативы. Из функционера, который выполняет указания, он превращался в инициатора, иногда – в “благожелательного” корректировщика, но никогда – в резкого критика или бунтаря»⁴. Порой трудно установить, насколько официальная идеология, которую тиражировал и популяризировал Геббельс, совпадала с его собственными взглядами. Он не раз менял свои убеждения, руководствуясь личной выгодой или политическими соображениями. Вступив во взрослую жизнь левым интеллигентом, он стал сторонником классовой борьбы, когда примкнул к «левому крылу» НСДАП, а затем, переметнувшись от «левых» нацистов к Гитлеру, превратился в сторонника классового мира и непримиримого антисемита⁵.

Несомненно, на представления Геббельса о маскулинности и гендерных ролях мужчины оказывали влияние его личностные качества. Среди них отечественный историк и публицист Е. В. Ржевская выделяет комплекс неполноценности и ущербности, честолюбие, жажду раствориться в подчинении вождю, тягу к насилию, «садистические ухватки»⁶. Немецкий историк Иоахим Фест обнаружил у министра пропаганды Третьего рейха черты, которые, согласно традиционным гендерным представлениям, характерны скорее для женщин, нежели для мужчин: отсутствие твердого характера, неуверенность и связанное с ней приспособленчество⁷. Геббельса, внешне весьма отличавшегося от официального расового идеала арийца, злые на язык высокопоставленные партайге-

⁴ Moltmann G. Goebbels' Rede zum totalen Krieg am 18. Februar 1943 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1964. Heft I. S. 25.

⁵ См.: Черная Л. Б. Коричневые диктаторы. Ростов н/Д., 1999. С. 277-284.

⁶ Ржевская Е. В. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004. С. 74.

⁷ Fest J. Joseph Goebbels. Eine Porträtskizze // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1995. Heft 4. S. 570.

носсен - товарищи по партии - прозвали «питомцем иезуитов», «полуфранцузом», «раввином» и «сморчком-германцем». Человек с подобным имиджем вряд ли мог стать своим в НСДАП, которую американская исследовательница Клаудия Кунц назвала «вызывающе маскулинным политическим движением»⁸. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить в собственной мужественности сначала самого себя, а потом и окружающих.

Доказательствами вирильного характера низкорослого, черноволосого и хромающего доктора Геббельса служили якобы присущие ему смелость, хладнокровие, презрение к опасности, то есть именно те характеристики поведения, которые определяли нацистскую модель маскулинности. Его дневники, как неопубликованные, так и обнародованные в нацистском Рейхе, содержат немало указаний на «мужское» поведение их автора. В дневниковой записи от 11 февраля 1926 г. говорится:

«Выступил перед 2000. Меня грозили убить. А потом бурно аплодировали... во всех городах льется кровь за нашу идею... Я хочу быть апостолом и проповедником»⁹.

30 сентября 1929 г. Геббельс поместил в газете берлинских нацистов «Ангрифф» статью с рассказом о том, как в столичном районе Шарлоттенбург на него и четверых его сопровождающих, располагавшим одним-единственным пугачом, напали 200 или даже 250 коммунистов, вооруженных свинцовыми трубами, дубинками, камнями и пистолетами. Его, гауляйтера Берлина, ударили по плечу, в него стреляли, его машину осыпали градом камней, но он сохранил самообладание и вывел машину в безопасное место¹⁰. Другой пример «мужского» поведения Геббельса в период борьбы нацистов за власть - поездка 12 июля 1932 г. в Дюссельдорф и Эберфельд, о которой рассказано в опублико-

---

⁸ Кунц К. Совесть нацистов. М., 2007. С. 68.

⁹ Цит. по: Ржевская Е. В. Указ. соч. С. 50.

¹⁰ Goebbels J. Der Angriff. Aufsätze aus der Kampfzeit. München, 1935. S. 49-50.

ванных дневниках «От «Кайзергофа» до имперской канцелярии». Берлинский гауляйтер и его окружение попадают в толпу противников нацистов.

«Мы пробиваемся через эту шайку. В руках у каждого из нас пистолет, и каждый полон решимости как можно дороже продать свою жизнь, если дело примет серьезный оборот. Но и здесь побеждает дерзость. Те, кто громче всех кричит, бросаются враспыльную, как только на них насзжает автомобиль. А потом скорость растет с каждой следующей улицей»¹¹.

В действительности Геббельс не отличался ни большой физической силой, ни отвагой. Однако как гауляйтер Берлина он располагал преданными штурмовиками и ээсовцами и не гнушался пользоваться их услугами не только в политической борьбе, но и для сведения личных счетов, если для этого требовались наглость, самоуверенность и грубая сила¹².

Конструируя собственную гендерную идентичность, Геббельс отождествлял себя с другими мужчинами-нацистами. 2 января 1926 г., имея в виду трудности политической борьбы в Германии, он заносит в дневник: «Мы станем старыми и закоснелыми... Судьба делает из нас мужчин». А 7 октября 1929 г. оценивает ситуацию в Веймарской республике так: «Мужчины обабались. Мы, немногие мужчины, можем поэтому принести немало пользы»¹³.

Так Геббельс создавал собственный образ - образ человека, который не боится превосходящего по силам противника, презирает боль и угрозу смерти, сохраняет хладнокровие в минуту опасности. Он - один из немногих настоящих мужчин, поскольку стоит в одном ряду с другими национал-социалистами, бросающими вызов судьбе. Вещественными атрибутами мужественности, мужского поведения для главного пропагандиста Третьего рейха были орудия насилия и смерти: ножи и пистолеты, свинцовые трубы и дубинки, камни и хлысты.

¹¹ *Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei.* S. 126.

¹² *Ibid.* S. 178.

¹³ Цит. по: *Ржевская Е. В.* Указ. соч. С. 49, 101.

* * *

О дерзости, и физической силе, решимости, угрозах, боли и крови, связанных с демонстрацией «мужского» поведения и «мужских» качеств Геббельс заводит речь почти всегда, когда ему необходимо создать маскулинный образ. Для него мужественность воплощалась в Гитлере и реже – в некоторых других нацистских иерархах, отдельных исторических личностях, погибших «мучениках» национал-социалистического движения.

По мнению Иоахима Феста, Геббельс, вступив в нацистскую партию, «обрел в лице Гитлера – персоны, которая удивляла почти гомозротическим маразмом, такую личность, в которую он верил... Поэтому с самого начала и до самого конца Геббельс, сознательно смешивая светскую и религиозную сферы, приписывал Гитлеру богоподобные черты и распространял вокруг него ауру мессии»¹⁴. 4 июля 1924 г., незадолго до вступления в НСДАП, Геббельс записывает:

«Нам в Германии не хватает сильной руки... Германия тоскует об Одном, о Мужчине, как земля летом тоскует о дожде... Спасет лишь чудо. Господь, яви Германии чудо! Чудо!! Мужа!!! Бисмарк, восстань!»¹⁵

Место «железного канцлера» как идеала мужественности вскоре занял нацистский вождь, и в дневнике появляется новая запись:

«Вот какой он: милый, добрый как ребенок, умеющий сострадать. И как кошка – хитрый, умный, изворотливый, и как лев – громко рыкающий, огромный; он гигант. Настоящий парень, мужчина»¹⁶.

Исследователи установили, что Геббельс со временем сам поверил в созданный не без его активного участия миф о фюрере. В дневниковых записях 1928 - 1930 гг., когда в нацистской партии уже насаждался культ вождя, берлинский гау-

---

¹⁴ Fest J. Op. cit. S. 570.

¹⁵ Цит. по: Ржевская Е. В. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ Цит. по: Черная Л. Б. Указ. соч. С. 282.

ляйтер еще делал критические по отношению к Гитлеру высказывания, но затем всякая критика исчезает, а после прихода национал-социалистов к власти в дневнике больше не обнаруживается и фамильярное «шеф». Теперь он называет нацистского вождя либо по фамилии - Гитлер, либо по партийной должности - «фюрер». 30 января 1933 г., в день назначения Гитлера канцлером Геббельс записывает, что «фюрер прост в своем величии» и «велик в своей простоте»¹⁷. 15 февраля 1933 г. он восторгается тем, как Гитлер «переносит все физические и духовные нагрузки. Создается впечатление, что это его вообще не задевает. Он не курит и не пьет, ест только вегетарианскую пищу и живет просто, как любой человек из народа. У него нет другого удовольствия и другого отдыха кроме его работы и его задачи»¹⁸. В день рождения нацистского вождя 20 апреля 1933 г. Геббельс публично расхваливал его «величие» и «гениальность», назвал его «исторической личностью», обладающей «таинственными чарами»¹⁹.

Даже тогда, когда для многих стало очевидным, что Гитлер ведет немецкий народ к катастрофе, Геббельс выдавал абсурдные высказывания и фантастические надежды фюрера за путеводные планы, представлял его как «активную и решительную личность, в которой нельзя заметить ни малейшего следа депрессии или душевного потрясения». Планы, которыми Гитлер поделился с министром пропаганды 6 июня 1944 г., в день высадки союзников во Франции, якобы отличались широтой масштаба и свидетельствовали «об исключительно глубоком воображении» диктатора²⁰.

Искренне восхищаясь Гитлером, Геббельс старался представить его как идеал мужественности сначала для партийцев, а после прихода национал-социалистов к власти – для всех

¹⁷ *Goebbels J.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 252.

¹⁸ *Ibid.* S. 264.

¹⁹ *Goebbels J.* Signale der neuen Zeit. München, 1940. S. 142, 145.

²⁰ Цит. по: *Fröhlich E.* Hitler und Goebbels im Krisenjahr 1944 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1990. Heft 2. S. 208-209.

немцев. Но для превращения нацистской модели маскулинности в доминантную одной личности вождя было недостаточно, и главный пропагандист Третьего рейха приступил к конструированию мифов вокруг других влиятельных иерархов НСДАП. В 1933 - 1939 гг. на роль идеального мужчины вполне подходил Герман Геринг - давний соратник вождя, занимавший в гитлеровской партии и государстве сразу несколько важнейших постов. Когда он появляется перед сидящим в кафе Гитлером с известием о назначении его канцлером, Геббельс не упускает возможность продемонстрировать читателям книги «От “Кайзергофа” до имперской канцелярии» образец настоящего, сурового мужского товарищества нацистских руководителей.

«[Геринг] стоит перед своим фюрером и приносит ему самое счастливое известие в его жизни. Мы долго молчим, а потом встаем и протягиваем друг другу руки. Молчаливая клятва фюреру: все останется как прежде! В нашем лице мир получает яркий пример верности фюреру и благороднейшего товарищества, которое может связывать мужчин»²¹.

Однако когда руководимые Герингом военно-воздушные силы оказались не в состоянии уберечь Германию от уничтожающих налетов вражеской авиации, Геббельс лишил единственного в истории Германии рейхсмаршала ореола мужественности. В дневниковой записи от 28 февраля 1945 г. Геринг представлен как «увешанный орденами дурак», «надушенный фат», который «грубо нарушает правила приличия». «Как поженски он ведет себя перед лицом событий!», - восклицает министр пропаганды²².

Легитимацию нацистского идеала мужественности Геббельс искал в историческом прошлом. Анализ источников позволяет выявить тех исторических деятелей, имена которых он часто упоминал, с которыми сравнивал Гитлера, себя или национал-социалистов вообще, которых цитировал в своих

²¹ *Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 250-251.*

²² *Геббельс И. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск, 1993. С. 50-51.*

статьях и речах: Цезарь, Наполеон, Фридрих II Прусский, Гете, Бисмарк, Вильгельм I Гогенцоллерн, Трейчке, Ницше, Гинденбург. 7 июня 1942 г. министр пропаганды, упрекая Веймарскую республику в несправедливой переоценке ценностей, припомнил: «Великих мужей нашей истории изображали либо как выродившихся кретинков, либо как бессовестных кровопийц»²³. Геббельс взялся за восстановление их подорванного престижа. Слова Ницше «что не убивает меня, то делает сильнее» он трактовал как «героически-мужскую позицию»²⁴. Главный герой единственного романа Геббельса Михаэль Фоорман, фронтовой солдат Первой мировой войны, все четыре военных года носил в солдатском ранце зачитанную книгу философа «Так говорил Заратустра»²⁵. Геббельс не раз цитировал фразу Наполеона, имеющую легко распознаваемый гендерный подтекст и превращающую государство в сугубо мужской институт: «Новому государству нужны молодые генералы и старые майоры»²⁶. Образцами «мужественного героизма» министр пропаганды провозгласил Гельмута фон Мольтке и Фридриха II Прусского. Первый «владел не только клинком, но и пером», и был «прирожденным писателем». Второй, «социалист на королевском троне»²⁷, владел «и словом, и флейтой». Не случайно в последние месяцы нацистского господства Геббельс читал книгу Томаса Карлейля о прусском короле и пересказывал ее Гитлеру²⁸. Воплощенный во Фридрихе II «худощавый, стройный» тип, по мнению Геббельса, выгодно отличался от другого типично прусского «широкого», «сурового», «коренастого» типа солдата²⁹.

---

²³ *Goebbels J.* Das cherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1941/42. München, 1943. S. 337.

²⁴ *Idem.* Signale der neuen Zeit. S. 146.

²⁵ *Idem.* Michael. Ein deutsches Schicksal in Tagebuchblättern. 17. Aufl. München, 1942. S. 158.

²⁶ *Idem.* Signale der neuen Zeit. S. 179.

²⁷ *Idem.* Michael. S. 25.

²⁸ *Геббельс И.* Указ. соч. С. 51.

²⁹ *Goebbels J.* Signale der neuen Zeit. S. 161.

К первому типу министр пропаганды относил и «гениального» итальянского диктатора Бенито Муссолини – «прусского римлянина», «римлянина с прусской дисциплиной, прусским трудолюбием и прусским героизмом», «мужа исторического масштаба», «феномена воли и идеи», «мужа с инстинктом, мужа с чутьем», в котором сочетались доброта, мужественность, скромность, величие и сила³⁰. Маскулинность, выраженная через бытовой аскетизм и презрение к опасности, сквозит в описании Геббельсом рабочего кабинета Муссолини в бытность того редактором газеты «Пополо д'Италия» (1914 - 1921 гг.). В фашистской Италии «логово Муссолини», как называл его сам дуче, было превращено в часть музейной экспозиции.

«Внезапно оказываешься перед маленькой комнатой с испачканными коврами, на одной стороне – небольшой стол наборщика, на нем – бутылка с молоком, небольшой письменный стол с покрытым пылью телефоном и чернильницей с засохшими чернилами, на краю стола – несколько ручных гранат,³¹ - рассказывал Геббельс.»

Как показывает «научный» доклад «Фашизм и его практические результаты», прочитанный министром пропаганды в Берлинской высшей политической школе в июне 1933 г., фашистская диктатура была нею образцом мужественности. Этой страной, как Геббельс заявил своим слушателям, руководят «настоящие мужчины», дуче воспитывает в итальянской нации «героизм», «величие», «храбрость» и «мужество». Здесь «почти каждый мужчина на улице стал пропагандистом фашистского движения. Это замечаешь сразу же, как только пересекаешь границу и видишь первых солдат милиции: нечто от римского величия и силы, от мужского самосознания нужно еще поискать в Европе»³².

---

³⁰ См.: *Goebbels J. Signale der neuen Zeit. S. 161; Idem. Die Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. München, 1941. S. 362.*

³¹ *Idem. Signale der neuen Zeit. S. 172.*

³² *Ibid. S. 168, 169.*

* * *

В годы Первой мировой войны в германскую армию было мобилизовано 13 млн мужчин, и популярность в обществе приобрела милитаризованная модель маскулинности. Качества и поведенческие нормы, присущие военным, переносились на гражданскую жизнь. Не случайно Геббельс посвятил роман «Михазель» своему другу Рихарду Флигесу, который «умер тяжелой смертью... как храбрый солдат труда»³³. В качестве не персонифицированного идеала мужественности министр пропаганды предлагал немцам образ неизвестного штурмовика, для конструирования которого использовал многие характеристики другого образца маскулинности – неизвестного солдата Первой мировой войны. Истоки мужских ценностей и добродетелей, культивируемых в НСДАП и штурмовых отрядах партии (СА), главный нацистский пропагандист видел в окопном мужском братстве 1914 - 1918 гг., когда «девять миллионов немецких мужчин переносили ужасающие физические и душевные страдания. Они прошли через ад и чистилище человеческих мук, человеческой боли, человеческого самоотречения и депрессии... Эти люди принесли из окопов новый образ мыслей. В ужасающих бедствиях и опасностях они испытали новый вид общности», когда смерть стирала все различия в происхождении, образовании, материальном благосостоянии, а значение имели только личные качества человека.

«Униформа никогда не могла нивелировать то, что один был храбр, а другой труслив, один вел себя как мужчина и ставил на карту свою жизнь, в то время как другой пытался от этого увильнуть»³⁴.

Штурмовики, прошедшие мировую войну, вновь чувствовали себя солдатами, только теперь не бойцами на полях сражений, а политическими солдатами гитлеровской партии. Геббельс чутко улавливал это настроение и писал в книге «Борьба за Берлин»: «Неизвестный штурмовик! Эти слова...

---

³³ *Idem.* Michael. S. 6.

³⁴ *Idem.* Wesen und Gestalt des Nationalsozialismus. Berlin, 1934.

были пластическим выражением для того сражающегося политического солдата, который возник в национал-социалистическом движении и защищал немецкий народ от угрозы». Штурмовик – «тот тип политического солдата, посредством которого национал-социалистическое движение впервые представляло новую Германию». Так как «простому человеку» якобы импонируют только «сила и дисциплина», то «штурмовик предназначен для того, чтобы показывать всему миру пластичную прочность и связанную с народом силу национал-социалистического движения, а тогда, когда на него нападают, защищать его всеми средствами», – рассуждал Геббельс. Идея штурмовых отрядов, как убеждал он читателей, «возникла из естественной потребности национал-социалистического движения в защите. Штурмовик был его политическим солдатом. Он объявлял себя готовым защищать свое мировоззрение всеми средствами, и если против него применяется сила – использовать силу. Здесь ударение стоит на слове “политический”. Штурмовик был и является **политическим** солдатом. Он служит политике. Он не наемник и не бандит. Он сам верит в то, что защищает и за что сражается»³⁵.

Штурмовики для Геббельса – «железное острие свинцового клина», «символ новой непоколебимой веры для сотен тысяч и миллионов» благодаря своей храбрости, своему мужеству, своей стойкости³⁶. Для характеристики участников СА он употреблял такие выражения, как «слепой фанатизм», «героическое самопожертвование», «героические дела», «политический героизм». «Штурмовик за свою опасную и порой кровавую службу партии не только не получает оплаты, но еще и должен нести неслыханные материальные жертвы». Руководство партии, как уверял Геббельс, изгоняло из СА

---

³⁵ *Idem.* Kampf um Berlin: der Anfang. München, 1934 (Интернет-ресурс) [Режим доступа:] <http://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/deutsch/archiv/kampfumberlin/kub00.html> (28.07.2011).

³⁶ *Idem.* Der Angriff. S. 253.

тех, кто искал материальной выгоды. «Неизвестный штурмовик» - отважный и мужественный человек:

«Публика объявляла штурмовика вне закона только за то, что он надевал коричневую рубашку. На улицах его избивали до крови и преследовали везде, где он только отваживался показаться. Уже сам выход на собрание был равнозначен риску для здоровья и жизни... Больницы заполнились тяжело ранеными штурмовиками. Одному выкололи глаз, другому пробили череп, третий лежал с тяжелым огнестрельным ранением в живот.»

И чем прочнее закреплялись нацисты в Берлине, тем больше жертв несли штурмовики. «Нередко штурмовик в течение двух-трех месяцев получал ранения три, четыре, пять раз и большую часть времени лежал в больнице»³⁷.

Штурмовики скупы во внешних проявлениях своих эмоций. В опубликованных дневниковых записях Геббельса они лишь бледнеют «от ярости и возмущения», если погибает или получает ранение кто-то из товарищей, если полицейские проводят незаконные аресты, а суды выносят несправедливые приговоры.

* * *

В основном именно из рядов «неизвестных штурмовиков» пополнялась другая олицетворявшая маскулинность группа настоящих мужчин – павшие герои, «мученики» национал-социалистического движения. Хотя в действительности жертвами политической борьбы конца 1920-х – начала 1930-х гг. порой становились также женщины, а то и совсем юные немки из рядов Союза немецких девушек³⁸, сконструированный при активном участии Геббельса культ «мучеников» НСДАП касался только «безрассудно храбрых мужчин»³⁹. В официальном списке «мучеников» нацистского движения, обнародованном в 1943 г., содержатся имена 438

---

³⁷ *Idem.* Kampf um Berlin.

³⁸ Bartoletti S. C. Jugend im Nationalsozialismus. Zwischen Faszination und Widerstand. Bonn, 2007. S. 26.

³⁹ Goebbels J. Der Angriff. S. 251.

мужчин и лишь 2 женщин⁴⁰. Выступая в Магдебурге 25 февраля 1930 г., Геббельс заявил: «Мы – партия мучеников»⁴¹, а в речи перед жителями Берлина 9 июля 1932 г. он утверждал, что «каждый вечер мы насчитываем 50, 60, 70 тяжело раненных» и «каждый день кладем в могилы одного, двух или трех мертвых товарищей»⁴². В ходе публичной дискуссии с представителями Немецкой национальной народной партии 19 ноября 1932 г. Геббельс назвал цифру в 26 штурмовиков-«мучеников», погибших в Берлине, и с пафосом обратился к своим оппонентам: «А где мученики Вашей партии?»⁴³

Преклонение перед мужчинами-«мучениками» базировалось на том, что руководители гитлеровской партии представляли себя в качестве потенциальных жертв ожесточенной борьбы. В программе НСДАП «25 пунктов», принятой 24 февраля 1920 г., говорилось: «Вожди партии обещают в случае необходимости без сожаления отдать собственную жизнь за осуществление вышеприведенных пунктов»⁴⁴. Культ «мучеников» НСДАП был основан Гитлером, начавшим главную книгу нацизма «Моя борьба» посвящением шестнадцати участникам мятежа – «мужчинам, павшим 9 ноября 1923 г. в 12 часов 30 минут перед галереей полководцев и во дворе бывшего военного министерства в Мюнхене... с твердой верой в возрождение нашего народа»⁴⁵. Вклад в создание ореола мученичества вокруг погибших участников «пивного путча» внес и Геббельс, неоднократно обращавшийся к пропагандистскому образу «рабочих и студентов», «плоть от плоти и кровь от крови народа», которые пали «от пуль реакции» и «окропили своей кровью мостовую»⁴⁶.

---

⁴⁰ Ich kämpfe. Die Pflichten des Parteigenossen. München, 1943. S. 44-45.

⁴¹ Goebbels J. Signale der neuen Zeit. S. 79, 80.

⁴² Ibid. S. 86.

⁴³ Ibid. S. 104.

⁴⁴ Rosenberg A. Wesen, Grundsätze und Ziele der NSDAP. München, 1933. S. 48.

⁴⁵ Hitler A. Mein Kampf. 620. Aufl. München, 1942. S. XXIX.

⁴⁶ Goebbels J. Der Angriff. S. 251.

Нацистский рейхсляйтер по пропаганде создавал новых и новых «мучеников» гитлеровского движения. В период стабилизации Веймарской республики (1924 - 1928 гг.) количество погибших нацистов не превышало пяти человек за год, и превращение их в «мучеников» порой сопровождалось скандалами. Один из таких случаев относится к ноябрю 1928 г. На следующий день после выступления Гитлера в берлинском Спортпаласе был найден труп шарфюрера СА Ганса-Георга Кютемейера. Как была убеждена ненацистская общественность и как считают современные историки, Кютемейер был пьян и попросту утонул в одном из городских каналов⁴⁷. Однако Геббельс посвятил ему несколько статей в своей газете «Ангрифф», заявив, будто Кютемейер отбивался от двадцати вооруженных коммунистов, был изувечен и утоплен ими. Геббельс упорно именует погибшего рабочим, хотя сам же признается, что тот был мелким торговцем, пока не пополнил ряды безработных⁴⁸. Впоследствии имя Кютемейера было присвоено одному из берлинских штандартов (полков) СА⁴⁹.

Во время кризиса Веймарского государства (1929 - 1932 гг.) в ожесточенных уличных схватках ежегодно погибали десятки национал-социалистов. Большинство из них, послужив для Геббельса очередным примером героизма и самопожертвования, не обрели широкой известности. Порой главный пропагандист гитлеровской партии спекулировал на их смерти, даже не называя имен. Культовыми фигурами нацистского движения в этот период стали только Хорст Вессель и Герберт Норкус.

Штурмфюрер СА Вессель был ранен коммунистом Альбрехтом Хёлером 14 января и умер в больнице 23 февраля

---

⁴⁷ *Sauer B. Goebbels' «Rabauken». Zur Geschichte der SA in Berlin-Brandenburg // Berlin in Geschichte und Gegenwart. Jahrbuch Landesarchiv Berlin 2006. Berlin, 2006. S. 120.*

⁴⁸ *Goebbels J. Der Angriff. S. 256-261.*

⁴⁹ *Hans Georg Küttemeyer // Berliner Morgenpost, 1938. 16. November. S. 7.*

1930 г. Хотя инцидент имел сугубо криминальный характер, Геббельс использовал его для приобретения политического капитала. В речи 25 февраля он представил Весселя как юношу, который «нашел путь из буржуазной среды к своим братьям-трудящимся», «прервал свою учебу в университете и стал работать на стройке вместе со своими товарищами простым укладчиком мостовой», «за три месяца увеличил свой штурм с 24 до 200 человек» и, наконец, пал, «сраженный пулей красного убийцы»⁵⁰. После прихода национал-социалистов к власти Геббельс лично открыл мемориал в больничной палате, в которой скончался «мученик». Его именем были названы больница, район Берлина, где Вессель получил смертельное ранение, один из штандартов СА, учебное парусное судно германского военно-морского флота, 18-я дивизия ваффен-СС. Написанную Весселем песню «Знамена вверх», не вызвавшую никакого отклика при жизни автора, Геббельс превратил после его смерти в партийный гимн. В 1932 г. Ганс Хайнц Эверс написал роман «Хорст Вессель», а режиссер Франц Венцлер снял по нему фильм, выпущенный в прокат в 1933 г. с названием «Ганс Вестмар». Получив власть, национал-социалисты расправились с Хёлером, уже отбывавшим назначенный ему шестилетний срок. За соучастие в «политическом» убийстве они привлекли к суду еще трех коммунистов, признали всех виновными и двоих казнили⁵¹. Но критически настроенным современникам было ясно, что убийство Весселя было связано с его криминальным бизнесом, а не с политикой, и что его смерть пришлось для Геббельса как нельзя кстати⁵².

В 1932 г. Геббельс создал культ мученика вокруг пятнадцатилетнего члена Гитлерюгенда Гербета Норкуса. В отредактированных специально для публикации дневниках министра пропаганды рассказывается:

---

⁵⁰ *Goebbels J.* Signale der neuen Zeit. S. 80.

⁵¹ *Angebliche Horst Wessel-Mörder hingerichtet // Pariser Tageblatt, 1935. 11. April. S. 2.*

⁵² *Reichenheim J. O.* Mythos Horst Wessel // *Die Zeitung, 1943. 12. Oktober. S. 4, 8.*

«Маленького гитлерюнге убивают ножом в Моабите. Его гонят по улицам, как затравленного зверя по улицам. А потом эти озверевшие твари вонзают ему кинжал в грудь. Юноша еще проползает до ворот и стонет, прося помощи. На известковой стене прихожей этого дома еще видны кровавые следы от его рук, на которые он опирался, когда в последний раз пытался подняться»⁵³.

Уже в 1932 г. о Норкусе, единственном «мученике» из рядов Гитлерюгенда, Карл Алоис Шенцингер написал роман «Гитлерюнге Квекс», обязательный для чтения в нацистской молодежной организации и позднее экранизированный Гансом Штайнхоффом. В честь Норкуса были написаны несколько песен, исполнявшихся в Гитлерюгенде, названо учебное парусное судно германского военного флота, а также многочисленные школы, улицы и площади.

После захвата власти, когда случаи гибели национал-социалистов от руки противника становились все более редкими, Геббельс стилизует под героический мужской акт и ненасильственную смерть в больнице. Он описывает случай, будто бы имевший место 17 апреля 1933 г. в одном из баварских городков:

«Массы перекрыли улицы. Какой-то фюрер СА подходит к автомобилю и просит фюрера задержаться на полчаса. Один старый партийный товарищ умирает в больнице и хочет только одного – увидеть фюрера. Фюрер немедленно разворачивается, едет в больницу и в последний раз подает руку своему умирающему партайгеноссе. Через несколько часов после этого он умирает»⁵⁴.

Этот случай был растиражирован не только в многократно переизданном дневнике министра пропаганды, но и в его речи по радио по поводу 44-летия Гитлера 20 апреля 1933 г.⁵⁵

Геббельс осознавал, что культ павших бойцов движения роднит германский нацизм с итальянским фашизмом, по-

⁵³ *Goebbels J. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 31.*

⁵⁴ *Idem. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 300.*

⁵⁵ *Idem. Signale der neuen Zeit. S. 147.*

скольку «павшие участники фашистского движения почитаются нацией как святые и приводятся народу в качестве яркого примера». В соответствии с итальянской пропагандой, мертвые фашисты «маршируют в рядах живых». При посещении летом 1933 г. выставки фашистской революции Геббельс обратил внимание на зал, посвященный павшим:

«В большом круглом помещении, перед которым неподвижно стоит фашистский солдат с примкнутым штыком, вверху, на куполе Вы найдете тысячекратно повторяющееся “presente, presente – здесь, здесь!”. Это был отзыв фашистских легионеров, если один из них погибал, а командир выкликал его имя. Здесь днем и ночью постоянно повторяется гордая, юношеская песня “Fascista giovinezza” (“Фашистская юность” – А. Е.). Так революционное движение, десять лет находящееся у власти, почитает своих павших.»

Зал наполняли доказательства мужественности и героизма фашистов: окровавленные черные рубашки павших членов партии; кресло, в котором один из фашистов был застрелен во время заседания депутатов городского совета; трости, которыми фашисты пробивали черепа политических противников; фрагмент моста, за перила которого держался юноша-фашист, пока противники не отрубили ему руки, и он не утонул в бурном речном потоке⁵⁶.

Героизм, как доказывал Геббельс, является сугубо мужским атрибутом. «Женщины могут быть героинями только в исключительных случаях» - записывает он в дневнике 16 декабря 1925 г.⁵⁷ При этом героизм женщины сводился к тому, чтобы во время войны «подарить нации детей»⁵⁸. Геббельс признавал, что в годы Первой мировой войны и послевоенное время в Германии образовалось «новое поколение женщин», «суровое, решительное, мужественное и жертвенное». Но и наделенные такими «мужскими» качествами женщины не могли подменить собой мужчин, а были для министра пропа-

⁵⁶ Ibid. S. 164, 172-173.

⁵⁷ Цит. по: Ржевская Е. В. Указ. соч. С. 49.

⁵⁸ Goebbels J. Die Zeit ohne Beispiel. S. 355.

ганды не более чем «настоящими спутницами мужчины»⁵⁹. В его рассуждениях о «мучениках» нацистского движения не раз подчеркивается неразрывная связь героизма и мужественности⁶⁰.

* * *

Большое значение в своей пропагандистской деятельности национал-социалисты придавали церемониям, и Геббельс умело превращал их в демонстрации маскулинности гитлеровской партии и Третьего рейха. Так, похороны Норкуса 29 января 1932 г. он стилизовал под собрание мужского братства:

«Под холодным снегом мы несем Норкуса к могиле. Я обращаюсь от чистого сердца к детям и мужчинам, собравшимся у скромного гроба. Отец этого юноши непостижимо храбр. Простой рабочий, лицо от горя стало серым, как пепел. Во время исполнения песни Хорста Весселя он поднимает руку и поет с яростью и горькой гордостью: «Знамена вверх!»⁶¹.

Вероятно, по тому же сценарию суровой мужской скорби разворачивались отмеченные в дневниковых записях Геббельса похороны штурмовиков Гельмута Кёстера (25 июня 1932 г.), Ганса Штайнберга (7 июля 1932 г.), не названного штурмовика (3 сентября 1932 г.), Рихарда Харвика (2 ноября 1932 г.), Шёнберга (11 ноября 1932 г.), Ганса Майковски (5 февраля 1933 г.), а также открытие надгробия убитому штурмовику Герману Тильшу (9 сентября 1932 г.) и траурный вечер в берлинском Спортпаласе, посвященный памяти Вальтера Вагница (5 января 1933 г.)⁶².

Заменой похорон как стилизованной визуальной демонстрации мужского братства иногда служили посещения того или иного раненного штурмовика в больнице:

«Вокруг его кровати стоят его молодая жена и полдюжины штурмовиков. Они принесли ему цветы и фрукты. Здесь царит суровое мужское товарищество. Все обращаются друг к другу

⁵⁹ *Idem*. *Signale der neuen Zeit*. S. 125.

⁶⁰ См., напр.: *Goebbels J. Der Angriff*. S. 262.

⁶¹ *Idem*. *Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei*. S. 34.

⁶² См.: *Ibid.* S. 118, 124, 156, 160, 191, 200, 235, 258.

только на ты, но без притворства и неловких поток. Все они братья, как солдаты на войне... Только тот, кто состоит в этом мужском союзе, остается жить в виде идеи»⁶³.

Другие ритуальные действия штурмовиков или партийцев тоже имели отчетливый маскулинный характер. «Поздно вечером у Кроль-оперы... Факельное шествие. Наши мальчики играют и веселятся. Эти юноши всюду пройдут. Они подлинные завоеватели жизни», - записывает Геббельс 21 июня 1928 г.⁶⁴ Унифицированная мужественность показана в описании парада Гитлерюгенда в Потсдаме 2 октября 1932 г.:

«Шесть часов подряд марширует перед фюрером немецкая молодежь. Это наша гордость и наше счастье. Это все те же юноши, с одними и теми же лицами. Движение уже сформировало из них единый тип. Он проявляется не только в мыслях и поступках, но и в лице и фигуре»⁶⁵.

8 апреля 1933 г. Геббельс организовал радиоцеремонию принесения штурмовиками присяги на верность Гитлеру. Шестьсот тысяч ее участников министр пропаганды описывал как «огромный лес твердости и героизма, суровый мужской союз, основанный на верности и повиновении»⁶⁶. В 1934 г. подобная церемония была проведена с еще бóльшим размахом: в ней участвовали 750 тысяч партийных руководителей, 180 тысяч членов Гитлерюгенда, 1,8 тысяч руководителей студенческих объединений, 18,5 тысяч функционеров Германского трудового фронта (ДАФ)⁶⁷.

* * *

Конструируя нацистский идеал мужественности, Геббельс стремился связать его с длительной исторической традицией немецкого народа и одновременно противопоставить той модели маскулинности, которая якобы доминировала в

---

⁶³ *Idem.* Der Angriff. S. 264.

⁶⁴ Цит. по: Ржевская Е. В. Указ. соч. С. 71.

⁶⁵ *Goebbels J.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 174.

⁶⁶ *Ibid.* S. 296.

⁶⁷ Кунц К. Указ. соч. С. 113.

Веймарской республике. Чем меньше немецкие мужчины стремились самоутвердиться в общественной жизни, говорил он 18 марта 1933 г., «тем больше женщин пыталось выполнить вместо мужчины его задачу». Мужчина при этом приобретал женские качества, а женщина – маскулинизировалась. Упорство, суровость, решительность и другие «мужские» добродетели постепенно забывались, и мужчины постепенно передавали руководство государством женщине⁶⁸. В противоположность этому «храбрость, мужество и упорство были теми добродетелями, которые на пути к власти воодушевляли руководимое фюрером национал-социалистическое движение вплоть до последнего человека»⁶⁹.

Как показывает анализ речи Гёббельса 8 апреля 1933 г., акцент в конструировании мужского братства штурмовиков делался на таких характеристиках, как скромность («рядовой штурмовик выполнял свою службу без ворчания, но и без всякого ложного пафоса»), смелость («пожалуй, среди собравшихся здесь мужчин нет ни одного, на кого не нападали бы или не угрожали бы бесчисленное количество раз»), жертвенность («почти каждого нашего штурмовика и эссовца за деяния, которые не были преступлениями, а только боевыми действиями в защиту нации... судьи Системы приговаривали к немислимым наказаниям»); «тюрьмы и каторга были переполнены нашими товарищами»; «время, которое мы оставили позади, - это время тяжелейших жертв за берлинские СА»; «мы победили благодаря борьбе и жертвам»), товарищество и сплоченность мужского коллектива («эфир, преодолевающий все границы и преграды, создает для нас эту связь со всеми товарищами, будь то в нашем отечестве, будь то с нашими братьями в Австрии»), вера в фюрера и дисциплинированность («вы все давали клятву верности фюреру, и вы все ее сдержали»; «штурмовик верил Адольфу Гитлеру и безоговорочно следовал за ним по пути, указанному фюрером»), сила, мужество и решительность

⁶⁸ *Goebbels J. Signale der neuen Zeit. S. 119-120.*

⁶⁹ *Idem. Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 12.*

(«полные сил стоят СА перед своим фюрером, непревзойденные по своему мужеству и решительности») ⁷⁰.

С началом Второй мировой войны созданная Геббельсом милитаризованная модель маскулинности интенсифицируется. В его выступлениях и статьях мужественность связывается с суровостью, неразборчивостью в средствах, силой, самопожертвованием и героизмом ⁷¹.

В обращении к немецкой молодежи 25 октября 1942 г. он вспомнил слова Шопенгауэра о том, что «мужчину можно узнать, в том числе, и благодаря тому, как он умеет умирать» ⁷². 27 декабря министр пропаганды признался, что для него лично образцом «новой немецкой мужественности» является один из его ближайших сотрудников – фюрер СА, офицер военной авиации, погибший «смертью героя» на Крите и покоящийся под простым деревянным крестом ⁷³. Гибель, постигшая сотни тысяч немецких мужчин под Сталинградом, воспевалась Геббельсом как «символ героического, мужественного сопротивления степному нашествию» ⁷⁴.

Главный нацистский пропагандист непременно затрагивал тему «мужских» добродетелей, когда надо было обратиться к народу по поводу дня рождения фюрера. В статье 22 апреля 1929 г., приуроченной к 40-летию Гитлера, он поставил во главу угла характер. «Знания, книжная премудрость, опыт и сноровка скорее будут вредны, нежели полезны личности, если они не подкреплены и не объединены силой характера. Только характер позволяет им раскрыться в полную силу». Характер – совокупность четырех «мужских добродетелей» – мужества, выдержки, энергии и настойчивости. Человек с характером превращается в политика благодаря воле,

---

⁷⁰ См.: *Idem*. *Signale der neuen Zeit*. S. 136-140.

⁷¹ *Idem*. *Die Zeit ohne Beispiel*. S. 457.

⁷² *Idem*. *Der steile Aufstieg*. *Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43*. München, 1944. S. 48.

⁷³ *Ibid*. S. 96.

⁷⁴ *Ibid*. S. 179.

позволяющей мужчине применять любые, даже крайне средства для достижения своих целей⁷⁵.

Мужественность выполняла у Геббельса функцию нивелирования социальных различий и создания «народного сообщества», которое сначала возникало как мужской коллектив штурмовиков, а во время Второй мировой войны – как сообщество фронтовых солдат. Вспоминая о становлении нацистской организации в Берлине, Геббельс писал, что штурмовик – это «новый политический тип», речь и поведение которого соответствуют его внутренней сущности. Вся нацистская партия должна подражать духу товарищества, царящему в штурмовых отрядах. Здесь в едином строю маршируют рабочий и бюргер, крестьянин и горожанин, студент и принц. Они служат общему идеалу, вместе подвергаются опасности и переносят лишения. Руководящие должности в СА приобретаются только благодаря заслугам, которые надо подтверждать каждый день, проявляя «образцовую храбрость»⁷⁶. Точно так же на фронте мужчину оценивают не по происхождению, а в соответствии с его храбростью. В окопах рабочий и крестьянин истекает кровью и умирает рядом с родовитым дворянином.

«Они носят одинаковую форму, едят одинаковую пищу, получают за свой героизм одинаковые награды. А если они погибнут, то во вражеской стране их укроет один и тот же могильный холм. Тем самым совершается социальная перегруппировка нашего народа, которая соответствует глубочайшей сущности национал-социализма и для фронтовых бойцов превращает войну в опыт общности совершенно особого рода, имеющий историческое значение.»⁷⁷

* * *

Геббельс, подражая Гитлеру, подчеркивал первенство мужчин перед женщинами вербально. Нацистский вождь однажды пояснил: «Политическое собрание нельзя открывать словами “Уважаемые дамы и господа”». Сперва идут мужчины

---

⁷⁵ *Idem.* Der Angriff. S. 214-215.

⁷⁶ *Idem.* Kampf um Berlin.

⁷⁷ *Idem.* Der steile Aufstieg. S. 99.

и только потом женщины. Меньше всего это действует на самих женщин»⁷⁸. Согласно дневниковой записи Геббельса от 24 января 1932 г., он предпочитал выступать не перед женской или смешанной аудиторией, а тогда, когда его слушателями были одни мужчины: «Прекрасно, когда говоришь только перед мужчинами и рабочими!»⁷⁹ Если женщины все же присутствовали, то министр пропаганды старался не отклоняться от гитлеровского правила. Этот вывод подтверждается анализом сборника «Сигналы нового времени», для которого Геббельс лично отобрал и отредактировал 25 своих речей 1927 - 1934 гг. Некоторые из них были произнесены перед сугубо мужской аудиторией – дипломатическим корпусом, журналистами, штурмовиками – и начинаются принятыми в подобных случаях словами «Уважаемые господа» или «Мои товарищи-штурмовики». В других Геббельс никак не обращается к слушателям. Оставшиеся 16 речей звучали перед смешанной аудиторией, причем в 11 случаях Геббельс использовал гитлеровскую формулировку «Мои (дорогие) немецкие соотечественники и соотечественницы». На церемонии освящения знамен в министерстве пропаганды 4 июля 1933 г. он начал выступление со слов «Мои товарищи и товарки по партии». Предвыборную речь 9 июля 1932 г. перед собравшимися в Люстгартене жителями германской столицы Геббельс открыл словами «Немецкий народ Берлина», но в течение выступления расставил иные гендерные акценты, неоднократно обратившись к присутствующим: «Мужчины и женщины». Только один раз, 18 марта 1933 г. открывая выставку «Женщина», Геббельс начал свою речь словами «Немецкие женщины! Немецкие мужчины!». И, наконец, дважды, появляясь перед академически образованной аудиторией, - 29 июня 1933 г. при чтении доклада в Берлинской высшей школе политики и 15 ноября 1933 г. на церемонии торжественного открытия импер-

---

⁷⁸ Цит. по: *Кох-Хиллебрехт М.* Номо Гитлер: психограмма диктатора. Мн., 2003. С. 248.

⁷⁹ *Goebbels J.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 30.

ской палаты культуры, состоявшейся в Берлинской филармонии, – министр пропаганды использовал традиционную формулу вежливости «Уважаемые дамы и господа»⁸⁰.

Утверждая маскулинность нацистской партии и ее вождей, штурмовых и охранных отрядов, Геббельс, филолог по образованию, умело использовал андроцентризм немецкого языка. Как в устной, так и в письменной речи министр пропаганды предпочитал слову «Mensch» (человек) слово «Mann» (мужчина, муж). Его дневниковые записи, выступления, статьи и книги изобилуют устойчивыми выражениями «Mann gegen Mann» (один на один), «Mann neben Mann» (бок о бок, плечом к плечу), «Mann für Mann» (все как один), «ein Mann von Format» (человек большого размаха), «der kleine Mann», «Mann von der Straße» (простой человек), «wie ein Mann» (как один человек). После начала Второй мировой войны Геббельс усилил гендерную асимметрию в своем лексиконе. Слово «Männlichkeit» (мужественность, мужество, стойкость) он употреблял чаще, чем «Mut» (мужество, смелость, храбрость, отвага), и в этих случаях старался подчеркнуть: «männlicher Mut» (мужская отвага).

* * *

С представлениями Геббельса о мужских качествах были связаны и его взгляды на распределение гендерных ролей. В наиболее общей форме и без подробных обоснований он выразил свою позицию в романе «Михаэль», вложив рассуждения об общественных функциях мужчины и женщины в уста главного героя книги:

«- Мужчина – директор, а женщина – режиссер жизни. Он дает линии, а она – цвета;

- Задача женщины – быть красивой и производить на свет детей. Это вовсе не так грубо и несовременно, как звучит. Птица прихорашивается для самца и высиживает для него птенцов. Самец же берет на себя заботу о добыче пищи и защите гнезда, прогоняя врагов;

---

⁸⁰ См.: *Idem. Signale der neuen Zeit.*

- Настоящая женщина любит орла. Жenuшка обрезает ему крылья и превращает в домашнюю птицу;

- Я ненавижу буйных женщин, которые вмешиваются во все и вся, не имея об этом ни малейшего понятия. При этом они чаще всего разучиваются выполнять свою настоящую задачу – воспитывать детей. Если быть современным равнозначно искусственности, развращенности, испорченной морали и планомерному разложению, то мое сознание – реакционное;

- Каждый отец, который производит на свет ребенка, тем самым делает политику. Каждая мать, которая делает из мальчиков мужчин, уже является политическим существом.»

Однажды возлюбленная Михаэля Герта Хольк попыталась оправдать феминистскую позицию, заявив:

«Женщина... вынуждена выполнять самую жалкую работу. В то время как мужчина осваивает жизнь, она осваивает кастрюлю. Многие лучшие женщины сегодня против этого. Но им ничто не помогает. В конце концов, они опять возвращаются к кастрюле. Это ужасно.»

Однако Михаэль не терпит вторжения в «исконные» мужские сферы и возражает:

«Но есть и отважные женщины, которые выходят за эти рамки, и потом: давать жизнь детям – это высшая профессия, которую могут выполнять люди.»

В конце концов Герта позволяет убедить себя и признает зависимость женщины от мужчины:

«Мы, женщины, не можем жить без веры в какого-либо мужчину... Нам, женщинам, нужен кто-то, на кого мы могли бы опереться»⁸¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что Геббельс занимал антифеминистскую позицию, отводя женщине роль матери, домохозяйки, спутницы и помощницы мужа. Он аргументировал свои взгляды «естественным», традиционным порядком вещей, социал-дарвинистскими примерами, метафорами из животного мира и давними традициями. Мужчина, «самец», «орел» – не только единственное действующее лицо

---

⁸¹ См.: *Idem*. Michael. S. 16, 21, 40-42, 64, 99-100.

в политике, обороне и экономике, но и организатор, управляющий всем укладом жизни, в том числе и полем деятельности женщины – рождением детей, их воспитанием, семейным очагом. Эти воззрения соответствовали официальной нацистской линии, подводившей под традиционные взгляды на место в обществе мужчины и женщины расово-биологическое обоснование.

Одна из дневниковых записей 1930 г. показывает, что Геббельс еще до прихода нацистов к власти был готов распустить даже созданные самими национал-социалистами женские организации, такие, как Немецкий женский орден (Красная свастика):

«Фрау Кютемейер занимается там с Орденом женщин ерундой. Всю эту женскую чепуху нужно отправить туда, где ей место. Ради бога, уберите женщин из политики»⁸².

Импонирующую ему картину распределения гендерных ролей, воплощения собственных представлений о маскулинности и феминности министр пропаганды наблюдал в 1933 г. в фашистской Италии. На зеленых лужайках форума Муссолини в Риме мальчики из фашистской организации балилла выполняют гимнастические упражнения. В их глазах светится мужественность, их девиз – «знания, власть, разум и сила». Матери этих мальчиков сидят на мраморных скамьях форума и терпеливо ждут своих детей⁸³.

Сферой, которая мыслилась главному пропагандисту Третьего рейха как исключительно мужской домен, являлось политическое руководство нацией, принятие политических решений, любое участие в политике. Его любимым высказыванием были слова немецкого историка XIX в. Генриха фон Трейчке «Мужчины делают историю». Эта фраза дважды встречается в романе «Михазль», в опубликованных речах 18 марта и 29 июня 1933 г., а также 15 июля 1939 г. В книге «Борьба за Берлин» (1934 г.) министр пропаганды от имени

⁸² Цит. по: Ржевская Е. В. Указ. соч. С. 109.

⁸³ Goebbels J. Signale der neuen Zeit. S. 171-172.

всей партии провозглашает мысль Трейчке «нашим незыблемым убеждением». 19 апреля 1939 г. слова историка звучат в выступлении Геббельса, посвященном 50-летию юбилею нацистского вождя, и спустя два года – вновь в связи с очередным днем рождения Гитлера⁸⁴.

Министр пропаганды пояснял, что, согласно Трейчке, мужчина не только «определяет политическую и историческую организацию жизни народа». Но он формирует «сырьевые массы», которые сами по себе неспособны управлять и руководить политическими структурами. Для этого требуется «отдельная созидающая личность», политик, вождь, который формирует из «сырьевой массы» людей с национальным сознанием, то есть народ, и превращает этот народ «в национально-политическую величину»⁸⁵.

Отождествление политика, государственного деятеля с мужчиной обретало и вербальное воплощение. Геббельс не мыслил в роли политика женщину и потому постоянно говорил и писал о политиках именно как о мужчинах, мужах (Männer): «руководящих мужах Америки», «влиятельнейших мужах английской политики», «влиятельных мужах в авторитарных государствах», «первых семи мужах, которые образовали зародышевую клетку нашего движения», «мужах революции» - национал-социалистах⁸⁶.

Объектом нападок Геббельса стали «ноябрьские мужи» (Männer des November, November-Männer), которых он считал недостойными именоваться государственными деятелями (Staatsmänner). В романе «Михаэль» о республиканских политиках говорится: «Карапузы, а не мужчины»⁸⁷. В статье, опубликованной в газете «Ангрифф» 25 июля 1927 г., Геббельс от имени всей нацистской партии писал:

---

⁸⁴ См.: *Goebbels J. Michael*. S. 23, 35; *Idem. Signale der neuen Zeit*. S. 118, 150; *Idem. Kampf um Berlin*; *Idem. Die Zeit ohne Beispiel*. S. 95, 464.

⁸⁵ *Idem. Signale der neuen Zeit*. S. 150.

⁸⁶ *Ibid.* S. 289, 290, 293. См. также: *Idem. Wesen und Gestalt des Nationalsozialismus*. Berlin, 1934.

⁸⁷ *Idem. Michael*. S. 106.

«Мы требуем правительства национального труда, государственных деятелей, которые являются мужчинами, и для которых смыслом и целью политики является создание немецкого государства»⁸⁸.

В статье за 14 мая 1928 г. главный нацистский пропагандист связывал с отсутствием мужских качеств у республиканских политиков такие негативные, с его точки зрения, институты, как республиканская форма правления, парламентаризм, демократия. Именно отсутствием мужественности у сторонников республики он объяснял и «безумную политику» выполнения Версальского договора⁸⁹. Наконец, в 1934 г. он утверждал, что «после Бисмарка у немецкого народа не было мужчин, а потому после его кончины больше нет и большой немецкой политики»⁹⁰.

В противоположность этому, как писал Геббельс 17 августа 1930 г., «НСДАП своей десятилетней борьбой доказала... что ее вожди – настоящие мужчины»⁹¹. Еще 1 апреля 1929 г. он заявил: «Мы хотим видеть во главе Германии молодых мужчин, но они должны, как сказал Гете, быть крупными величинами, вооруженными ясностью и энергией и при этом – наилучшими намерениями и благороднейшим характером»⁹². В написанной Геббельсом «Малой азбуке национал-социализма» говорится:

«Кто сегодня может избирать в германский рейхстаг? Каждый, кто имеет немецкое гражданство и достиг 20 лет. Кто сможет избирать в наш будущий германский парламент? Всякий созидательный мужчина, родившийся немцем»⁹³.

Трактуя приход нацистов к власти как итог деятельности мужчин, как результат «сурового мужского самопожертвования»

⁸⁸ *Idem*. Der Angriff. S. 19.

⁸⁹ *Ibid*. S. 77.

⁹⁰ *Idem*. Kampf um Berlin.

⁹¹ *Idem*. Der Angriff. S. 87.

⁹² *Ibid*. S. 65-66.

⁹³ *Idem*. Das kleine ABC des Nationalsozialismus. o. J. S. 17-18.

ния»⁹⁴, Геббельс вскоре после назначения Гитлера канцлером провозгласил безраздельное господство мужчин в политической сфере уже не как намерение оппозиционной партии, а как новую государственную линию: никто не собирается вытеснять женщину из общественной жизни, выгонять с рабочего места, лишать профессии и отбирать возможность зарабатывать себе на хлеб насущный. Однако политика и оборона – это дело мужчины, и они останутся его доменом⁹⁵.

Безраздельное господство мужчин в политике имело следствием иное господство – тоталитарную диктатуру во главе с вождем.

«История – череда мужских решений, - писал Геббельс. - Победы одерживают не армии, а мужи, располагающие армиями. Европа будет реорганизована народами, которые быстрее других преодолеют безумие массы и вернуться к принципу личности... Ни один дуб не растет без почвы, корней и силы. Ни один муж не возникает из абстракции. Народ – его почва, история – его корни, кровь – его сила... Произведения искусства, изобретения, идеи, битвы, законы, государства – в их начале и конце стоит муж.»⁹⁶

Превращение политики в вотчину мужчин было тесно связано с нацистскими методами политической деятельности, основанными, особенно в годы борьбы за власть, на применении мужской физической силы. Дневники Геббельса 1920-х – начала 1930-х гг. изобилуют описаниями столкновений, нападений, конфликтов, драк, оружием в которых были палки и камни, стулья, пивные кружки и чернильницы. Автор дневников то и дело требовал физической расправы с противниками – журналистами, редакторами, коммунистами, «красными», евреями: «забить палками», «истребить как крыс», «публично избить на улице». Он утверждал, будто Веймарскому государству «импонирует только кулак под носом»⁹⁷, и вну-

---

⁹⁴ *Idem.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 9.

⁹⁵ *Idem.* Signale der neuen Zeit. S. 118.

⁹⁶ *Idem.* Michael. S. 114.

⁹⁷ *Idem.* Vom Kaiserhof zur Reichskanzlei. S. 24.

шал партийцам: если кто-то оскорбляет Германию – «ударь его кулаком», если «тебе отказывают в твоём законном праве, то Господь даёт тебе кулачное право»⁹⁸.

Апогеем господства мужской силы и сугубо мужским занятием для Геббельса была война. В речи 18 марта 1939 г., произнесённой по поводу оккупации Германией Чехословакии он заявил, что наступает эпоха, когда «делается история», эпоха «с мужским характером», время проверки «настоящих талантов и мужских способностей». В выступлении 3 марта 1940 г. нацистский министр пропаганды заметил: «История показывает, что, в конечном счёте, решение о войне всегда принимается мужчинами и они же выигрывают войны». 18 марта 1941 г. он прямо назвал войну «мужским временем», «мужской эпохой»⁹⁹. Правда, женщины, как признал Геббельс 16 февраля 1940 г., «тоже ведут войну», но только присутствующим им способом – «они рожают детей»¹⁰⁰.

Первостепенная роль мужчины в экономической жизни нации обосновывалась Геббельсом ссылками на исторически сложившийся порядок вещей, которого национал-социалисты намеревались придерживаться. Женщина, рассуждал он, ещё «в стародавние времена» помогала мужчине в его крестьянском труде, потом вместе с ним переселилась в города, пришла в конторы и фабричные цеха, где взяла на себя часть «мужской» работы, «которая более всего соответствовала её сущности и была ближе её предназначению»¹⁰¹.

Геббельс решительно противился всяким подвижкам в распределении гендерных ролей. Когда в беседе с вождем Германского трудового фронта Робертом Леем 25 августа 1940 г. выяснилось, что «он хочет – и именно во время войны – основать Дом мод, которому бы его жена и Магда (жена

⁹⁸ *Idem*. “Der Nazi-Sozi”. Fragen und Antworten für den Nationalsozialisten. Elberfeld, 1932. Umschlagseite.

⁹⁹ См.: *Idem*. Die Zeit ohne Beispiel. S. 74-75, 280, 429.

¹⁰⁰ Цит. по: Ржевская Е. М. Указ. соч. С. 218.

¹⁰¹ *Goebbels J.* Signale der neuen Zeit. S. 118.

Геббельса – А. Е.) покровительствовали», министр пропаганды выступил «категорически против»: «Жены должны сидеть дома и появляться на людях только с мужьями. Так хочет народ, и это правильно»¹⁰². 7 июня 1942 г. Геббельс, бросая Веймарской республике упреки в извращении незыблемых ценностей, припомнил, что в то время над многодетными отцами семейств подсмеивались, а мальчиков-гомосексуалистов выдавали за идеал немецкой мужественности¹⁰³.

Впрочем, ввиду неясных, а порой и противоречивых документальных свидетельств трудно дать однозначную оценку действительного отношения Геббельса к тем, кто выходил за рамки установленных национал-социалистами норм мужского поведения в сексуальной сфере. Во-первых, он, как и другие нацистские лидеры, возлагал ответственность за сексуальные связи целиком на мужчину, который всегда считался их инициатором и главным действующим лицом. Известная киноактриса и режиссер Лени Рифеншталь, подвергшаяся сексуальным преследованиям Геббельса, заметила: «У него явно не укладывалось в голове, что женщина может отвергать его ухаживания»¹⁰⁴. Во-вторых, главный пропагандист Третьего рейха основывал свою позицию на расовых критериях и на мнении вождя, с которым всегда безоговорочно соглашался.

Однажды в ноябре 1932 г., беседуя с Рифеншталь, Геббельс заговорил о гомосексуализме. «Он сказал, что Гитлер испытывает крайнее отвращение к гомосексуалистам, в то время как сам он более терпим и не осуждает всех скопом». Рифеншталь предположила, что, «вполне вероятно, у всех людей в той или иной мере существуют зачатки обоих полов, особенно у артистов и художников, но это ни в коем случае не имеет никакого отношения к вине или неполноценности», и Геббельс «неожиданно согласился»¹⁰⁵. Когда в середине 1930-х гг. Гит-

¹⁰² Цит. по: *Ржевская Е. М.* Указ. соч. С. 234.

¹⁰³ *Goebbels J.* Das eherne Herz. S. 337.

¹⁰⁴ *Рифеншталь Л.* Мемуары. М., 2006. С. 128.

¹⁰⁵ Там же. С. 125.

лер обрушился на католическую церковь, избрав одним из аргументов против нее распространение гомосексуализма среди священников, министр пропаганды, однако, полностью поддержал его. В дневниковых записях Геббельса за 1936 г. не раз встречаются упоминания о гомосексуализме католических пасторов, для борьбы с которым нацистское государство использовало параграф 175 уголовного кодекса¹⁰⁶: «29 мая 1936. Большой процесс о безнравственности против католических священников. Все – 175. Фюрер считает это характерным для всей католической церкви»; «4 июля 1936. Суровый приговор католической церкви и ее монастырям по 175-й. Это надо выжечь»; «11 октября 1936. Католическая церковь – банда педерастов». В это же время министр пропаганды обсуждает с фюрером «книжную политику» именно сквозь призму борьбы с гомосексуализмом: «Немного эротики надо оставить, не то все у нас станут 175-ми»¹⁰⁷.

Геббельс допускал и сам обосновывал изменения в устоявшемся распределении гендерных ролей только в тех случаях, когда этого требовали интересы сохранения нацистского господства. Когда поведение задиристых штурмовиков стало наносить ущерб авторитету гитлеровского правительства за границей, министр пропаганды перестал говорить о палках и пистолетах, ножах и кулаках. Теперь он призывал «старых бойцов» заняться «малыми делами», которые прежде возлагались на женщин-нацисток, – сбором пожертвований и распределением собранных средств среди нуждающихся, раздачей листовок и расклейкой плакатов. В своем новогоднем обращении 1934 г. Геббельс попытался представить исполнение подобных «женских» обязанностей как мужественное и увлекательное занятие¹⁰⁸. В речи о тотальной войне 18 февраля 1943 г. министр пропаганды призвал немцев ради достижения победы заменить мужчин на предприятиях и в учреждениях.

¹⁰⁶ Reichsgesetzblatt, 1935. Teil I. S. 839.

¹⁰⁷ Цит. по: Ржевская Е. В. Указ. соч. С. 176, 178.

¹⁰⁸ См.: Кунц К. Указ. соч. С. 108.

Но, во-первых, он трактовал эту меру как временную и, во-вторых, устанавливал отчетливые границы женского труда: никто не потребует, «чтобы женщина, у которой нет для этого физических задатков, шла на тяжелое производство, например, на танковый завод»¹⁰⁹.

* * *

Таким образом, сконструированная Геббельсом модель маскулинности являлась важной составной частью нацистского мировоззрения. Она была прочно связана с культом силы, насилия и войны, расизмом и антисемитизмом, неприятием демократической формы правления и феминизма, апологией тоталитарной диктатуры во главе с харизматическим вождем, презрением к академическим знаниям и «книжной премудрости», отрицанием классовых и социальных различий, прославлением социально однородного сообщества всех немцев. Культ мужчины-вождя, почитание павших «героев» движения и сходная трактовка мужских гендерных ролей сближали германский национал-социализм с другим тоталитарным феноменом XX в. - итальянским фашизмом.

Создавая нацистскую модель мужественности, Геббельс стремился опереться на исторические традиции. Он предлагал населению в качестве образцов для подражания деятелей прошлых эпох, в основном, немцев. Среди них главный нацистский пропагандист явно предпочитал политиков и полководцев, причем с особой настойчивостью подчеркивал идейную и политическую связь национал-социализма с наследием и личностями Фридриха II и Бисмарка. Представления министра пропаганды о гендерных ролях мужчины базировались на традиционных взглядах и были открыто нацелены против модернизации общественных отношений. Он заимствовал из немецкого прошлого трактовку политической деятельности и военного ремесла как мужских прерогатив, а также понимание исторического процесса как последовательности реше-

---

¹⁰⁹ *Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 195.*

ний, принимаемых мужчинами, как череды сменяющих друг друга королей, канцлеров и императоров и как следующих одна за другой войн.

Большей частью традиционными были и применявшиеся Геббельсом средства конструирования «идеала» мужественности: выдвигание в качестве образца фигуры главного политического руководителя – Гитлера, а также отдельных влиятельных иерархов из его окружения; создание деперсонифицированного образа «неизвестного штурмовика», персональных культов мужчин-героев, в данном случае – «мучеников» нацистского движения; разработка утверждающих мужественность церемоний и ритуалов; использование андроцентризма немецкого языка; наконец, обещания восстановить старое распределение гендерных ролей и тем самым вернуть женщинам женственность, а мужчинам – мужественность.

Для гитлеровского министра пропаганды маскулинность являлась суммой исторически унаследованных и новых, специфически нацистских характеристик. К первым относились физическая сила, сдержанность в проявлении эмоций, отвага, настойчивость, выдержка, хладнокровие и другие качества, считающиеся в патриархальном обществе мужскими. Только обладающий ими немец являлся для Геббельса настоящим мужчиной. Вторые – слепая преданность вождю, фанатичная вера в идеалы национал-социализма, дисциплинированность, бескорыстность, готовность к самопожертвованию – превращали мужчину в национал-социалиста. Синтез традиционных и привнесенных нацизмом качеств породил идеальный тип – вымуштрованного политического солдата гитлеровского движения, готового в любой момент превратиться в солдата обычного и ценой собственной жизни защитить свой народ, Рейх и фюрера от угрозы извне.

Созданная Геббельсом модель маскулинности, несомненно, была пронизана милитаризмом. Крайняя агрессивность германского нацизма проявилась в том, что эта модель возникла не в военное время, а по окончании Первой мировой войны, когда значительная часть населения Европы была ох-

Н.Ю. Бикеева

Частная жизнь святой женщины в эпоху Меровингов: Радегунда в кругу близких

Интерес к истории эмоциональных, чувственных межличностных отношений как к объекту научных исследований возник не так давно. Предшествующая историография либо просто игнорировала эмоциональную сферу, либо рассматривала ее обособленно, вне социального универсума. В последние два десятилетия наблюдается всплеск исследовательского интереса к эмоциям и чувствам людей как самостоятельным факторам исторического развития¹.

В современной медиевистике получила распространение точка зрения, сформулированная крупнейшим специалистом по истории Средних веков Ю.Л. Бессмертным, согласно которой «человек прошлого не просто “кое в чем отличался” от нас по своему восприятию, по своим реакциям и эмоциям, но мог быть и принципиально иным по своему внутреннему миру»². Но насколько другими были эмоции и картина мира людей отдаленных эпох? Можно ли увидеть, почувствовать разницу в представлениях о дружбе, любви и привязанностях человека, жившего в раннее Средневековье, и нашего современника? Или, наоборот, в ощущении, переживании этих чувств людьми разных эпох больше сходства, чем различия?

---

¹ См. об этом: *Хмелевская Ю.Ю.* «История эмоций» в современной историографической парадигме // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 452-461.

² *Бессмертный Ю.Л.* Странное счастье рыцаря // *Казус*, 2002. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2002. С. 54.

Очень трудно обнаружить такую трудноуловимую материю как эмоции и чувства в документах прошлого. Авторы текстов не ставили себе подобной задачи и преследовали совершенно иные цели. Несмотря на это, «первое, с чем историк встречается в своих источниках, – это запечатленное в них человеческое сознание»³. По мнению, А.Я. Гуревича, если задавать письменным памятникам прошлого правильные вопросы, уметь их слушать и завязать с ними диалог, тогда «тексты (в самом широком смысле) окажутся неиссякаемыми источниками познания духовного мира людей другой эпохи»⁴.

В данной работе мы попытаемся понять чувства и эмоции святой Радегунды⁵, женщины, жившей почти полторы тысячи лет назад. Наша героиня была известной и уважаемой персоной

---

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Радегунда (518/521 – 587 гг.) – была одной из наиболее известных и почитаемых персон в истории Меровингской Галлии. Будучи дочерью короля племени тюрингов, она попала в качестве военного трофея к франкскому королю Хлотарю, сыну знаменитого Хлодвига, основателя государства франков. Почти все члены семьи Радегунды были уничтожены франками, кроме самой девушки и ее брата. Хлотарь, чтобы узаконить права на Тюрингию, собирался в дальнейшем сделать пленницу своей очередной женой. Дождавшись достижения Радегундой брачного возраста, он отправил ее на свою «виллу» в местечке Атье. Там девушка получила хорошее по тем временам воспитание и образование и, вероятно, была обращена в христианскую веру. В 538 г. она стала супругой короля Хлотаря. Около 550 года Радегунда покинула мужа, чтобы посвятить себя Богу. Попытка Хлотаря вернуть жену не увенчалась успехом. Вскоре, в середине 50-х гг. VI века она основала женский монастырь в Пуатье на средства и деньги, предоставленные ей бывшим супругом. Умело управляя монастырем, она добилась его процветания. Ей удалось получить и привезти в свою обитель ценные христианские реликвии, самой значительной из которых была часть древа Святого Креста, в честь которого ее монастырь получил свое название. После смерти Радегунда была причислена к лику святых.

среди современников. О ее жизни и деяниях сообщается в разных источниках – исторической хронике⁶, двух житиях⁷, стихах⁸ и поэмах⁹. Но можем ли мы из этих текстов узнать о ее чувствах, о том, кого она любила, а кого ненавидела, с кем ей хотелось быть рядом? Было ли в жизни этой образцовой святой то, что не укладывалось в рамки идеального образа?

Первая часть ее жизни была полна катастроф и страданий – захват родины, гибель близких, плен, брак с человеком, уничтожившим ее семью. Источники скупы на информацию об этом ее периоде жизни. Только в первом житии, посвященном ей, сообщается о том, как она жила при дворе Хлотаря¹⁰. Мы узнаем, что Радегунда «была более монахиней, чем женой»¹¹. Она усердно постилась и ограничивала себя в земных благах и радостях, смиренно помогала бедным и больным и много молилась¹². Однако нельзя забывать, что авторы житий всегда стремились подчеркнуть благочестие и набожность своих героинь и героев. Что было в действительности, сказать с уверенностью мы не можем, хотя такое поведение

⁶ *Gregorius Turonensis. Decem Libri Historiarum. Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum. Vol. I.* См. перевод на русский язык: *Григорий Турский. История франков / Пер. и коммент. В.Д. Савуковой. М., 1987.*

⁷ *Venantius Fortunatus. Vita Sanctae Radegundis. Liber I. Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum. Vol. I. P. 364-377; Baudonivia. Vita S. Radegundis. Liber II. Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum Vol. I. P. 377-395.*

⁸ *Venantius Fortunatus. Carminum Libri. Opera poetica. Monumenta Germaniae historica: Auctorum Antiquissimorum. Vol. 4. Liber VIII. P. 55-64. Liber IX. P. 258-267.* До нас дошло одиннадцать книг разных стихотворений Фортуната. Стихи, посвященные Радегунде, содержатся в VIII и XI книгах.

⁹ *De Excidio Thuringiae. Ad Artachis. In Venantius Fortunatus, Monumenta Germaniae Historica: Auctorum Antiquissimorum. Vol. 4.*

¹⁰ *Venantius Fortunatus. Vita Sanctae Radegundis. 2-12.*

¹¹ *Ibid. 3.*

¹² *Ibid. 3-9.*

Радегунды можно объяснить и по-иному. Вряд ли молодая женщина испытывала к своему супругу какие-либо теплые чувства, скорее наоборот, только ненависть и страх. Не удивительно, что она, в конце концов, покинула его¹³.

Вторая часть ее жизни, по-видимому, была более счастливой. Она жила в монастыре, который сама основала и которым руководила более двух десятилетий. О том, как она управляла монастырем, какие правила ввела для послушниц, как приобретала реликвии, о контактах с сильными мира сего – с королями, епископами и т.д. определенная информация у нас есть. Мы же попытаемся узнать из текстов о ее дружеских связях и привязанностях в период ее жизни в монастыре.

Представления о дружбе – важная составляющая мира эмоций и чувств. Изучение их может пролить свет на системы ценностей, жизненных приоритетов и предпочтений людей. Кроме того, дружба – особый тип межличностных отношений, который больше соотносится с неродственными связями, хотя между родственниками дружеские отношения не редки.

История изучения дружеских отношений берет отсчет с 1990-х гг. Исследователи все больше стали обращать внимание на социальную роль подобных отношений¹⁴. Библиогра-

---

¹³ В двух житиях св. Радегунды по-разному объясняются причины ее ухода от Хлотаря. Венанций Фортунат, хорошо знавший Радегунду, сообщает, что самым критическим событием в жизни Радегунды в качестве королевы была смерть ее брата, который вместе с ней был захвачен в плен в 531 году. По неизвестным нам причинам, он был убит Хлотарем в 550 году (*Venantius Fortunatus. Vita Sanctae Radegundis*. 12.). По всей вероятности для Радегунды убийство брата стало ужасным ударом. Ее горе от потери брата – одна из главных тем поэмы «О взятии Тюрингии» (*De Excidio Thuringiae.*). Автор второго жития Баудонивия не связывает ее уход от Хлотаря с убийством ее брата. Она пишет, что Радегунда уехала, «движимая божественным провидением» (“operante divina potentia”) (*Baudonivia. Op. cit.* 3).

¹⁴ В работах историков, как правило, различаются «инструментальная» (т.е. социальная, в которой преобладают соображения со-

фия данной проблематики отражает современные, в том числе гендерные, стереотипы, касающиеся дружбы. Одно из наиболее распространенных клише, что дружба между мужчиной и женщиной была редка¹⁵. Причина этого видится в том, что долгое время сфера деятельности мужчин и женщин была разделена, женщины остались дома и заботились о домашнем хозяйстве и детях. Нехватка контакта привела к тому, что мужчины и женщины создавали отношения дружбы внутри своих гендерных групп. Однако с течением времени ситуация изменилась, и сегодня дружеские отношения между мужчиной и женщиной не являются чем-то редким и исключительным. Тем не менее, такие отношения далеко не всегда рассматриваются как дружба, чаще как разновидность романтических отношений, которые к тому же не достаточно прочны и легко переходят «от любви к ненависти».

Не случайно, большая часть научных трудов посвящена мужской дружбе¹⁶. Гораздо меньше работ, где исследуются дружеские отношения между женщинами, или между мужчиной и женщиной¹⁷. И этот не слишком большой список науч-

---

циально-экономической взаимопомощи и выручки) и «эмоциональная дружба» (или личная, с потребностью в эмоциональной близости). В последние десять-пятнадцать лет историки все больше рассматривают дружеские отношения, прежде всего как частные, интимные, межличностные связи, которые лишь исходя из этого оцениваются как социальные структуры. См. об этом: *Стогова А.В. «Добрый друг»: социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV // Мир Клио: Сборник статей в честь Л.П. Репиной. Ч. 1. М., 2007. С. 374-376.*

¹⁵ Как указывает А.В. Стогова, специалист по изучению дружбы в раннее Новое время, «в патриархальном обществе только маскулинная дружба имеет социальное значение» (*Стогова А.В. «Добрый друг»... С. 394*).

¹⁶ См., например: *Bell R.R. Worlds of Friendship. Beverly Hills and London, 1981.*

¹⁷ В качестве примеров такого рода работ, хронологически относящихся к периоду Средних веков, см.: *Rader R. Breaking*

ных трудов принадлежит, в основном, перу историков, в той или иной степени использующих гендерный подход¹⁸.

Можно предположить, что причиной небольшого количества исследований дружеских взаимоотношений в период Средних веков, участниками которых являются женщины, является недостаток свидетельств в источниках. Действительно, написанные в подавляющем большинстве случаев мужчинами, античные и средневековые тексты не сообщают о чувствах и взаимоотношениях женщин, исключения представляют так называемые «любобные истории».

Если же обратиться к эпохе перехода от античности к раннему Средневековью, то нельзя пожаловаться на отсутствие текстов, в которых женщины являются активными участниками подобных отношений. Христианская церковь всегда придавала большое значение любви и дружбе (правда в осо-

---

Boundaries: Male / Female Friendship in Early Christian Communities. New York, 1983; McGuire B.P. Friendship and Community: The Monastic Experience 350-1250. Kalamazoo. Michigan, 1988; Friendship in Medieval Europe / Ed. by O. Haselme. Phoenix Mill, 1999. Schulenburg J.T. Gender relationships and circles of friendship among the Mulieres Sanctae // Forgetful of their sex: female sanctity and society, ca. 500 – 1100. Chicago, University of Chicago Press, 1998. P. 307-364; Friendship: A History (Critical Histories of Subjectivity and Culture) / Ed. Barbara Caine. 416 p., 2010, etc.

¹⁸ В нашей стране подобная проблематика также разрабатывается, преимущественно на материале раннего Нового времени. См., например: Стогова А.В. Дружба и друзья в представлениях французов XVII века (по сочинениям Ларошфуко) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 2000. С. 192-220; Она же. Мадам де Лафайет: женская дружба XVII столетия // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 223-244; Она же. «Добрый друг»: социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV // Мир Клио: Сборник статей в честь Л.П. Репиной. Ч. 1. М.: Изд-во ИВИ РАН, 2007. С. 374-396 и др.

бом смысле – как разновидностям христианских добродетелей). В христианских латинских текстах часто используется термин «дружба» (*amicitia*), в том числе в текстах, относящимся к женщинам, особенно в житиях святых. В монастырях всячески поощрялись дружеские отношения между послушницами, которые вместе жили, молились и работали. Однако следует отметить, что описанные в текстах идиллические отношения между монахинями далеко не всегда соответствовали реальности.

Вряд ли в монашеской среде хорошо воспринимались дружеские отношения между женщиной и мужчиной, в которых по вполне понятным причинам видели опасность. В уставах, написанных специально для женских монастырей в начале VI века, запрещались какие бы то ни было взаимоотношения монахинь с мужчинами. Цезарий Арелатский (468/470 – 542), выдающийся религиозный деятель Галлии начала VI в. и автор одного из первых уставов для женских монастырей¹⁹, предупреждает монахинь о недопустимости такого рода отношений. Цезарий посвятил этой теме целый раздел своего Устава для монахинь, в котором предупреждает их о пагубных последствиях, к которым ведут любые взаимоотношения с мужчинами²⁰.

Эта же точка зрения воспроизводится последователями Цезария. В письме Цезарии Младшей (567 г.), аббатисы женского монастыря Святого Иоанна в Арле, к Радегунде содержатся строгие предписания запрета отношений с мужчинами, насколько это возможно («женщина, которая не избегает ком-

---

¹⁹ Правила для монахинь «*Regula sanctorum virginum*» были написаны епископом Цезарием Арелатским в 512 году. Этот устав является одним из самых первых документов, созданных специально для женщин.

²⁰ См.: *Rudge, Lindsay. Texts and contexts: women's dedicated life from Caesarius to Benedict.* 2006. P. 59-67. Доступно в электронном виде по адресу: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/10023/312/6/PhDthesis.pdf>

пании мужчин, потеряна, так или иначе» / “*femina, que virogrum familiaritatem non vitaverit, aut se aut alium cito perdet*”) ²¹. Хотя подобные суждения явно обусловлены монастырской атмосферой, в которой письмо было написано, текст Цезария, тем не менее, отражает распространенную точку зрения, что женщины более слабы и телом, и духом, чем мужчины.

Тем не менее, свидетельства такого типа отношений у нас имеются, например, дружба Радегунды с одним из «последних римлян», поэтом Венанцием Фортунатом, впоследствии получившим сан епископа. Именно в Пуатье при монастыре Радегунды Венанций Фортунат после долгих лет поиска прибежища при дворах варварских королей, непрерывно воевавших друг с другом, нашел спокойный и надежный приют. До конца жизни он оставался в Пуатье, где и скончался. К этому времени относятся его лучшие поэтические произведения, а также первое Житие св. Радегунды и жизнеописание других святых. Фортунат всячески способствовал становлению и продвижению культа св. Радегунды уже после ее смерти.

Будучи ее духовным наставником, Фортунат давал Радегунде советы по руководству монастырем, был в курсе ее обширной переписки с различными духовными и светскими лицами. Конечно, это входило в его непосредственные обязанности. Но только ли обязанности были в основе его взаимоотношений с Радегундой? В обществе этой образованной и незаурядной женщины Фортунат мог предаваться не только умственному, но и житейским интересам. Он проводил много времени в беседах с ней, наслаждаясь ее обществом. Фортунат воспел Радегунду и ее духовную дочь Агнессу в своих стихах ²². Их довольно много, что, несомненно, свидетельствует об их теплых взаимоотношениях. Если верить этим стихам, Раде-

---

²¹ Цит. по: *Schulenburg J.T.* Op. cit. P. 309.

²² *Venantius Fortunatus. Carminum Libri. Opera poetica. MGH AA Vol. 4. Liber VIII. P. 55-64. Liber IX. P. 258-267.*

гунда, Фортунат и Агнесса втроем прекрасно проводили время в беседах и чтении стихов. В одном из этих стихотворений Венанций Фортунат даже пишет, что хотел бы быть захороненным в одной гробнице с Радегундой и Агнесс, чтобы никогда не разлучаться с ними²³. Также Венанций Фортунат считался с мнением Радегунды и обращался к ней за советами, в частности, когда писал Житие св. Мартина Турского²⁴.

Да и сама Радегунда, соблюдавшая по всей строгости установленный ею монастырский устав, не чуждалась общества приятных ей людей и умела принять у себя в обители не только людей нуждающихся и обремененных заботами, но и тех, с кем ей хотелось общаться. А с Фортунатом она общалась с удовольствием, прощая ему житейские слабости, например его любовь к обильной и вкусной пище, а также его, судя по всему, близкие отношения с ее духовной дочерью Агнесс. В своих стихах Венанций Фортунат часто благодарит Радегунду за вкусную еду, цветы и прочие радости жизни. Он нежно называет ее матерью, в то время как Агнесс своей сестрой²⁵.

Дружба с Фортунатом не только приносила удовольствие Радегунде, но и пошла на пользу развитию ее собственного поэтического и эпистолярного дарования. Под руководством знаменитого поэта она написала два стихотворных произведения²⁶. В поэме «Падение Тюрингии» рассказывается о завоевании франками ее родины. Поэма полна эмоциональных переживаний и страданий из-за бедствий, случившихся с ее семьей. Другая поэма «К Артахию» более радостная и светлая по настроению. Как следует из текста, Радегунда была счастлива, узнав о том, что не все члены ее семьи погибли, один из ее племянников выжил и нашел пристанище при дворе византийского императора.

---

²³ *Venantius Fortunatus*. Idem. Liber XI, poem 7, P. 261.

²⁴ См. об этом: *Schulenburg J.T.* Forgetful of their sex... P. 324.

²⁵ *Venantius Fortunatus*. *Carminum Libri...* Vol. 4. Liber IX, poem 6, P. 260.

²⁶ *De Excidio Thuringiae. Ad Artachis*. In *Venantius Fortunatus*. MGH AA. Vol. 4.

Таким образом, во взаимоотношениях Радегунды и Венанция Фортуната присутствовали взаимная симпатия, понимание, искренность, бескорыстие, характерные для эмоциональной дружбы, но также и активная взаимопомощь и поддержка друг друга, общность интересов и увлечений, то есть все то, что характеризует дружбу инструментального типа²⁷.

Если с Венанцием Фортунатом Радегунду связывала дружба, то каковы были отношения с ее духовной дочерью Агнессой, которую мы уже упоминали выше?

Церковь всегда относилась с большим вниманием к проблемам материнства. Начатая в Ветхом и Новом Заветах, тема была продолжена Отцами Церкви²⁸. Тертуллиан, Иероним, Августин и другие раннехристианские авторы не обошли ее стороной, в их сочинениях содержится широкий спектр амбивалентных и зачастую противоположных точек зрения относительно материнства. С одной стороны оно рассматривалось как «священная (сакральная) деятельность», благодеяние и обязанность женщин; с другой – материнство, по сравнению с девственностью, понималось как некий компромисс, и поэтому считалось физически и духовно вредным. Оно воспринималось как существенное препятствие, мешавшее женщинам всецело посвятить свою жизнь духовному совершенствованию.

Большинство Отцов Церкви на фоне страха ожидания конца света всемерно восхваляло и прославляло девственность, при этом многие из этих авторов старались всячески умалить и осудить материнство. Некоторые из ранних Отцов Церкви предупреждали беременных женщин и тех, кто уже стали матерями, об их духовной ущербности. Например, Тертуллиан, (155/165 – 220/240 гг.), озабоченный личным спасе-

---

²⁷ См. сноску 14.

²⁸ Хотя раннехристианская традиция хронологически к средневековому периоду не относится, без нее невозможно составить представление об истории Средних веков. Эти тексты составляют часть той базы, на которой формировались средневековые представления и идеология.

нием и страхом неизбежного конца света, подчеркивал обременительность наличия детей и опасности, которую они несут истинной вере. Писания св. Иеронима (342 – 419/420 гг.) также богаты на размышления в отношении материнства. Он всячески превозносит девственность, считает необходимым условием для женщин отвергать их телесные слабости, особенно их способность к деторождению. В «Письме к Евстохии о сохранении девственности» Иероним подробно аргументирует позицию церкви по вопросу о сохранении целомудрия женщинами. С другой стороны Августин (354 – 430 гг.) в своей «Исповеди» создает и превозносит агиографический образ матери. Особенно интересен в этом ключе образ матери – Церкви²⁹.

Цезарий Арелатский также пишет о духовных преимуществах, которыми будут прирастать те, кто останется бездетными:

«Никто не может грустить или горевать над тем, что не имеет детей, когда он увидит так много священников, монахов, или тех, кто неустанно служил Богу до последних дней своей жизни, не имея земных детей. Они получают большую славу и больше почестей, поскольку они пожелали быть физически бесплодными... У тех, кто практикует физическую чистоту мы видим плодотворность в душах, и те, кто не может иметь земных сыновей должны пытаться породить духовных»³⁰.

Если Отцы Церкви рассуждали главным образом, о духовных проблемах, которые несет материнство, то раннесредневековые писатели в дополнение к этому подчеркивали его мирские трудности – физические недуги, большие беды и разочарования материнства.

В поэме Венанция Фортуната «О девственности», адресованной Агнессе, духовной дочери Радегунды и аббатисе

---

²⁹ См., например, подборку высказываний раннехристианских авторов: Гендерная история Западной Европы. Книга 1. / Сост. Л.П. Релина, А.Г. Суприянович. М., 2006.

³⁰ Цит. по: *Schulenburg J.T.* Op. cit. P. 212-213.

женского монастыря св. Креста в Пуатье, мы находим подробное и очень реалистичное описание физической боли и горя, которое приносит материнство.

«Счастливая девственница!... Она не сгибается под тяжестью эмбриона, заключенного в ее чрево как в тюрьму... Когда выпуклости живота растут вместе с ребенком и увеличивается количество вод, ослабленное здоровье женщины висит на волоске. Кожа настолько растянута и деформирована, что даже при том, что мать может быть счастливой своим бременем, она стыдится себя... Как описать завесу слез в момент когда мускулы [ее тела] расслабляются, чтобы освободить заключенного в чреве младенца и облегчить страдания внутренних органов? На свет стремительно выходит существо, часто очень слабое, почти безжизненное, которое надо приводить в чувство. Мать мучительно поворачивает свой унылый взгляд к нему. Что она видит? Неподвижно лежащего младенца...»³¹.

Хотя целью Фортуната было расхвалить или возвеличить девственную жизнь, он очень реалистично описал горе и трагедию, которые часто сопровождают роды.

Кроме внимания к естественному (биологическому) материнству в житийной литературе раннего средневековья прослеживается не меньший интерес к духовному материнству и воспитанию. В сочинениях авторов этого периода аббатисы рассматривались как «матери» своих монастырских послушниц, а королевы – как «матери» своих придворных и подданных. При этом часто используются следующие выражения: *mater congregationis* (мать общины, сообщества), *mater familias* (мать семейства), *mater monasterii* (мать монастыря), *mater spiritualis* (духовная мать) и др.³² В этом смысле тема материнства приобретает другие, положительные оттенки.

По мнению авторов раннесредневековых житий, женщина, никогда не имевшая собственных детей, вполне могла оказаться матерью многих. Поэтому не удивительно, что к Раде-

---

³¹ *Venantius Fortunatus. Carminum Libri... Liber. 8, poem 3.*

³² См., например: *Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. Liber IV, 23.*

гунде, у которой в браке с Хлотарем не было детей, в источниках часто обращаются «мать» (*mater*).

Как следует из текстов, Радегунда руководила монастырем как истинная мать, называя своих послушниц не только «сестрами»³³, но и дочерьми. Число ее подопечных непрерывно росло, и к моменту ее смерти в монастыре было уже около двухсот монахинь³⁴. По меркам того времени, когда женских монастырей еще было не много, конвент св. Креста в Пуатье был достаточно крупным.

Монахиня Баудонивия, автор второго из Житий св. Радегунды, попала в этот монастырь еще ребенком³⁵. Выросшая там, она лично знала основательницу конвента св. Креста. Баудонивия довольно подробно повествует о жизни и деяниях Радегунды в стенах монастыря, о ее отношении к послушницам. Баудонивия сообщает нам, что св. Радегунда любила своих послушниц так сильно, «что она забывала свою семью». Баудонивия приводит ее слова монахиням:

«Я выбрала вас как моих дочерей, вы мой свет, моя жизнь, мой отдых, и все мое счастье, вы моя новая плантация (*novella plantatio*)»³⁶.

Таким образом, община монахинь заменила ей семью, ее знатных родственников, которых она оставила, уйдя в монастырь. Как пишет Баудонивия, со своими послушницами Ра-

---

³³ Обычное обращение в монашеской среде.

³⁴ Когда Григорий Турский прибыл в Пуатье, чтобы принять участие в похоронах Радегунды, он обнаружил там около 200 монахинь, обезумевших и плачущих из-за потери своей патронессы. Эти слезы и стенания монахинь, судя по всему, не были формальным выражением печали, они были искренними (*Gregorius Turonensis*. Op. cit. IX, 2).

³⁵ В прологе Жития св. Радегунды Баудонивия сообщает нам, что еще ребенком она попала в монастырь св. Креста в Пуатье: «Хотя я лишь скромнейшая из самых ничтожных, однако, именно меня благородная Радегунда воспитывала в детстве как свою собственную смиренную помощницу и служанку».

³⁶ *Baudonivia*. Op. cit. 8.

дегунда охотно разделила все, чем владела сама. Хотя ей принадлежали собственные большие запасы вина (помимо этого, она имела также возможность пользоваться услугами служанки, пуховой постелью и одеждой, соответствующей ее статусу), она пользовалась ими только с разрешения своей аббатисы Агнессы и только для удовлетворения потребностей других людей. Им она предлагала «чистое вино», под которым Баудонивия в соответствии с библейской традицией подразумевает мудрость, радость и милость Божию.

В «Истории франков» Григорий Турский приводит текст «Письма семи епископов», которое было послано Радегунде, когда она основала конвент в Пуатье. В нем отмечено, что монахини «очарованные тобой [Радегундой], загоревшись от искры божьего огня и переполненные любовью к Христу, спешат жадно напиться из источника твоей души и, оставив родителей, идут к тебе, ставшей им матерью не по рождению, а милостью божией (выделено мной – Н.Б.)»³⁷.

Действительно, в обязанности Радегунды в качестве главы женского конвента и наставницы монахинь входили материнские, особенно воспитательные функции. Радегунда называет своих подопечных «сестрами» и «дочерьми», те же в свою очередь обращаются к ней исключительно «мать». Многие послушницы попадали в монастырь в очень раннем возрасте, и возглавлявшая монастырь женщина должна была заменить им мать. Баудонивия, подчеркивая это отношение к Радегунде, рисует картину сильного горя среди собравшихся монахинь монастыря после ее смерти. Вся конгрегация собралась у ее ложа, плача и вопя, ударяя себя в грудь кулаками и камнями и взывая в отчаянии к Небесам. Утром Радегунда умерла, и великий крик, как отмечено в Житии, проник сквозь небеса. Было слышно, как ангелы приветствовали ее, и святая попала в Рай³⁸.

---

³⁷ *Gregorius Turonensis*. Op. cit. IX, 39. («ut passim provocati puellarum animi, divini ignis scentella succensi, raptim festinent avidè in caritate Christi fonte vestri pectoris inrigari et, *relictis parentibus*, te sibi magis elegant, quam *matrem facit gratia, non natura*».

³⁸ *Baudonivia*. Op. cit. 21-22.

Помимо внимания к физическим потребностям сестер, Радегунда также заботилась об их образовании и воспитании. Этим функциям Радегунды по отношению к послушницам уделено достаточно места в текстах. Одной из ее важнейших целей было обучение монахинь чтению и письму. В монастыре св. Креста с момента его основания большое внимание отводилось чтению и изучению христианских текстов. Об этом неоднократно сообщает Баудонивия³⁹.

Радегунда заставляла монахинь искать значение священного писания «в глубине [их] души»⁴⁰. Баудонивия хвалит наставницу за ее стремление обучать монахинь чтению и письму. Она обращает внимание на то, что Радегунда *приказывала* (курсив мой – Н.Б.) читать религиозные тексты послушницам во время приема пищи, настаивала на продолжительной ежедневной проповеди наряду с молитвами и раздачей милостыни. Тем самым основательница монастыря боролась с «неряшливостью» и устраняла невежество.

На страницах сочинения Баудонивии Радегунда предстает перед нами как своего рода духовный щит, сила, способная защитить женский монастырь от любой внешней угрозы. Автор приводит примеры того, как она не раз спасала монастырь от демонов, осеняя его крестным знаменем⁴¹.

При жизни Радегунды монахини ее монастыря могли рассчитывать на ее щедрость. Они жили на земле, которую она получила от своего бывшего мужа⁴² и за счет средств, которые она принесла с собой. Ради нее монастырю делались щедрые подношения от других особ королевского рода, иногда очень значительные. С их помощью она обогатила собрание известнейших реликвий в монастыре. Это в свою очередь способствовало привлечению паломников и их даров. Радегунда защищала монахинь также от враждебности Марова, епископа Пуа-

---

³⁹ Ibid. 9.

⁴⁰ Ibid. 9.

⁴¹ Ibid. 18, 19.

⁴² Ibid. 6-7.

тье, который выступил против помещения реликвий в церкви женского монастыря. Его намеренное отсутствие во время обряда ее похорон было для монахинь зловещим признаком вероятных будущих проблем и опасностей для их монастыря⁴³.

Однако мать бывает не только заботливой, но и строгой, и даже суровой. Радегунда внимательно следила за соблюдением высоко морального образа жизни тех, кто жил рядом с ней. От «сестер» требовалось избегать контактов и даже разговоров с мужчинами. Так, одна из послушниц монастыря св. Креста, Базина была отправлена туда насильно Фредегондой, новой женой своего отца, короля Хильперика⁴⁴. Известно, что некоторое время спустя после попадания девушки в монастырь он решил выдать дочь замуж за сына короля вестготов Леовигильда. Вероятно Базина была бы рада покинуть монастырь, который воспринимался ею как место насильственного заточения, но этому воспрепятствовала Радегунда, заявив, что «не подобает девушке, посвященной Христу, вновь возвращаться к земным радостям»⁴⁵.

От неповиновения и неверия послушниц монастыря должны были также удерживать чудеса, совершенные Радегундой. Об этом свидетельствует история служанки монастыря Виноберги. За то, что та посмела сесть в кресло Радегунды, Виноберга была наказана огнем, горевшим в течении трех дней и трех ночей. В конце концов, после молитвы Виноберги, обращенной к святой за помощью, Радегунда избавила служанку от ее мучений. Баудонивия замечает при этом: «Такое наказание сделало каждую более осмотрительной и более набожной»⁴⁶.

---

⁴³ Ibid. 13-16.

⁴⁴ Григорий Турский сообщает о том, что прежняя жена Хильперика Авдовера и ее сын Хлодвиг были убиты по наущению королевы Фредегонды, а дочь короля Базину «после того как ее опозорили слуги королевы, отослали в монастырь» (*Gregorius Turonensis*. Op. cit. V, 39).

⁴⁵ *Gregorius Turonensis*. Op. cit. VI, 34.

⁴⁶ *Baudonivia*. Op. cit. 12.

Материнские заботы и опека Радегунды касались не только послушниц монастыря св. Креста в Пуатье, она переживала и чувствовала ответственность за все королевство франков. Из Жития, написанного Баудонивией, известно, что Радегунда в период жизни в монастыре в Пуатье продолжала активно интересоваться тем, что происходило за стенами ее монастыря. Всякий раз, когда начинались междоусобные войны, она молилась за жизни всех королей и за прекращение войны. Она посылала письма правителям из рода Меровингов и содействовала заключению перемирий между ними. Баудонивия пишет:

«Поскольку она любила всех королей, она молилась о жизни каждого и учила нас молиться без перерыва о благополучии [их королевств]. Всякий раз, когда она слышала, что они обратились друг против друга с ненавистью, она была сильно обеспокоена этим и посылала письма ко всем соперникам [умоляя их] не вести войну и не братья за оружие друг против друга, но заключить мир так, чтобы страна не погибала. Таким же образом она посылала своих людей, чтобы передать благотворные советы прославленным королям... Она налагала непрерывные ограничения и посты на конгрегацию и призывала нас со слезами на глазах молиться о благе королей без перерыва⁴⁷».

Вот, например, каким образом Радегунда смогла привлечь на свою сторону короля Сигеберта. Баудонивия сообщает, что, по мнению Радегунды, (о чем она написала королю), наличие части древа св. Креста в монастыре в Пуатье будет способствовать не только большему религиозному рвению населения, но и «благополучию всего отечества и стабильности королевства». Здесь Радегунда предстает в образе королевы, которая как мать заботится о благополучии всех своих подданных.

Так, в источниках всячески подчеркивается материнская любовь Радегунды к своим монахиням и подданным королевства, которые в ответ платили ей любовью дочерней. Но какое отношение к реальности имеет этот образ «матери» Радегун-

---

⁴⁷ *Baudonivia*. Op. cit. 10.

ды, созданный агиографами? Мы вправе предположить, что вряд ли в действительности Радегунда любила всех своих подопечных, так же как далеко не все монахини любили и воспринимали ее как мать⁴⁸. Поэтому, несмотря на все уверения авторов Житий Радегунды, ее образ матери не выглядит убедительным. Та же Баудонивия в прологе своего текста пишет, что воспитывалась Радегундой как служанка.

Любила ли она кого-то материнской любовью настоящему? В источниках есть свидетельства ее настоящих чувств, но о них авторы не говорят прямо, это следует из контекста. Вероятно, искренние чувства материнской любви Радегунда испытывала к своей духовной дочери Агнессе.

Происхождение Агнессы неизвестно. Она ребенком попала в монастырь и была воспитана Радегундой как дочь. Григорий Турский в «Истории франков» приводит текст письма Радегунды к епископам:

«...Я учредила в городе Пуатье девичий монастырь... Для паствы, собранной мной с помощью Христа, я ввела устав, заботливо составленный блаженным Цезарием, епископом Арля, по постановлению святых отцов, по которому жила святая Цезария. Я с согласия блаженнейших епископов сего города, так и прочих городов и по выбору наших инокинь поставила для них аббатисой госпожу и сестру мою Агнессу, о которой я заботилась с самого раннего возраста как о своей дочери, наставляла ее, а теперь заставила себя, согласно правилу (уставу), после Бога повиноваться ее приказаниям...»⁴⁹.

---

⁴⁸ Например, уже упоминавшаяся нами Базина, против своей воли помещенная в данный монастырь, едва ли хорошо относилась к Радегунде. Более вероятно, что Базина видела в ней тюремщицу, мешавшую ей покинуть монастырь и выйти замуж. В подтверждение этого можно добавить, что спустя два года после смерти Радегунды в монастыре вспыхнуло восстание, одной из активнейших участниц которого была как раз Базина, мечтавшая жить вне стен монастыря (*Gregorius Turonensis*. Op. cit. V, 39; VI, 34; IX, 39, 43).

⁴⁹ «Et quoniam olim vinclis laicalibus absoluta, divina providente et inspirante clementia, ad relegionis normam visa sum voluntariae duce Christo translata, ac pronaе mentis studio cogitans etiam de aliarum

Когда Агнесса подросла, Радегунда, пользуясь своей властью, назначила ее аббатисой монастыря (*Mother Superior*), но, как следует из текста Григория Турского и из Житий, все же реальная власть оставалась в руках Радегунды. Агнессу в качестве главы монастыря при жизни Радегунды не воспринимали. У нас есть только один факт отношения к ней как формальной главе монастыря. Григорий Турский пишет:

«После того как Радегунда не однажды просила у своего епископа милости и не могла добиться ее, она вынуждена была пойти вместе со своей аббатисой (Агнессой), которую она поставила в монастыре, в город Арль. Здесь... они взяли устав святого Цезария и блаженной Цезарии...»⁵⁰

В действительности же Радегунда с Агнессой никуда не уезжали, а устав им прислала прямо в их монастырь Цезария Младшая (на имя Радегунды!). Тем не менее, Григорий не мог игнорировать тот факт, что аббатисой была Агнесса и поэтому она в данном качестве должна была решать дела монастыря. Но решающее слово было за Радегундой. Не случайно в тексте у Григория написано «Радегунда вместе со своей аббатисой», а не наоборот. Кроме того, именно Радегунда просила у местного епископа «милости», то есть устава для своего монастыря.

Благодаря тому, что Агнесса была назначена аббатисой монастыря св. Креста, ей разрешалось очень многое, в том чис-

---

profectibus, ut, annuente Domino, mea desideria efficerentur reliquis profutura, institute atque remunerante praecellentissimo domno rege Chlothario, monasterium puellarum Pectava urbe constitui conditumque, quantum mihi munificentia regalis est largita, facta donatione, dotavi; insuper congregationem per me, Christo praestante, collectae regulam, sub qua sancta Casaria deguit, quam sollicitudo beati Caesarii antestites Arelatensis ex institutione sanctorum patrum convenienter collegit, adscivi. Cui, consentientibus beatissimis vel huius civitatis vel reliquis pontificibus, electione etiam nostrae congregationis, domnam et sororem meam *Agnitem*, quam ab ineunte aetate loco *filiae* colui et eduxi, abbatissam institui ac me post Deum eius ordinatione regulariter oboedituram conmissi” (*Gregorius Turonensis*. Op. cit. IX, 42).

⁵⁰ *Gregorius Turonensis*. Op. cit. IX, 40.

ле общение с мужчинами. По всей вероятности, у Агнессы были близкие отношения с Венанцием Фортунатом, духовным наставником Радегунды. Об этом можно судить исходя из текста стихов, в которых Фортунат воспел Радегунду и Агнессу.

Радегунда, как любящая мать, обеспечивает будущее Агнессы, оставив ей в наследство богатый монастырь. Она беспокоилась о будущем Агнессы и всячески старалась обезопасить его. В приведенном в сочинении Григория Турского письме Радегунды к епископам Агнесса упоминается несколько раз:

«В случае моей смерти, если кто-либо – первосвященник сего города, либо должностное лицо, либо еще кто-нибудь другой попытается – чего, я думаю, не случится – нарушить спокойствие моей паствы недоброжелательным советом или судебным делом; или попытается нарушить устав, или захочет поставить другую аббатису вместо *сестры моей Агнессы*... – пусть всех их, вслед за гневом божьим, по моей молитве и по воле Христовой, покарает ваша святость и святость преемников ваших так, чтобы они как разбойники и грабители бедных были лишены вашей милости.... Если же – да не будет сего! – кто-нибудь вопреки божьей воле и власти королей пожелает изменить вышеприведенные пункты завещания, врученные вам со смиренной мольбою пред богом и его святыми, или захочет в монастыре нанести вред кому-либо или имуществу и попытается причинить зло упомянутой *сестре моей, аббатисе Агнессе*, пусть того настигнет суд божий, святого креста и блаженной Марии и пусть блаженные исповедники Иларий и Маргин, кому после бога я передала для защиты моих сестер, сами выступят обвинителями и карателями. Вместе с тем я заклинаю королей..., чтобы они приказали управлять монастырем *аббатисе Агнессе* под их покровительством и защитой⁵¹.»

Так беспокоиться можно только о тех, кого действительно любишь. Но человеку невозможно все предусмотреть. Приблизительно через год после смерти Радегунды Агнесса тоже умерла. Возможно, не обошлось без «помощи» завистников. Последних, судя по всему, у нее было достаточно.

---

⁵¹ Ibid. IX, 42.

Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVII в.)¹

I

Долгое время женские голоса в истории были почти не слышны. По крайней мере, такие утверждения часто появлялись на страницах академических изданий. Обычным объяснением в таком случае было отсутствие источников, которые донесли бы до нас голоса женщин прошедших столетий, а также и их имена, мнения о происходившем с ними и событиях вокруг них. И даже когда источники имелись, они, как правило, были составлены мужчинами, и представляли собой интерпретацию женского поведения, отредактированную в соответствии с требованиями жанра, функциями текста и предрассудками его автора. Тексты, написанные женщинами в Средние века и раннее Новое время, были немногочисленными – что неудивительно при практически полной неграмотности женского населения Европы в эти эпохи – и в социальном и культурном контексте эпохи выглядят своего рода аномалиями.

Однако и в Средневековье, и в XVI – XVII вв. существовали группы женщин-авторов. В первую очередь это относится к монахиням. Именно они – по происхождению, как правило, относившиеся к аристократическим или патрицианским семьям – имели достаточный уровень образования и время

---

¹ Статья выполнена по проекту «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций».

для того, чтобы заниматься писательским трудом. Из-под пера монахинь вышло значительное число произведений. Но если религиозные тексты – наставления, жития святых, видения и т.п. – многократно анализировались исследователями из разных областей, то историческим произведениям монахинь повезло куда меньше.

До наших дней дошли десятки рукописей, составленных монахинями. Они содержат истории об основании монастыря, монастырские хроники и/или анналы, биографии аббатис и особо почитавшихся сестер, истории особенно драматических эпизодов – например, реформирования устава обители (введения правила затвора). Они известны исследователям в течение долгого времени. Но для историков XIX – XX столетий они не представляли большого интереса. Предполагалось, что женщины писали истории монастырей и не интересовались событиями, происходившими вне их стен, а в тех редких случаях, когда подобный интерес все же проявлялся, женские хроники оказывались ненадежными – ведь их обитательницы не могли иметь доступа к политической информации.

Скептическое отношение к женским хроникам сохранялось в течение долгого времени. Даже Натали Земон-Дэвис в своей статье 1980 г. выражала сомнение в том, что они могут быть отнесены к историографическому жанру. По мнению Н. Земон-Дэвис, условиями написания исторического произведения был, во-первых, доступ к источникам, или же доступ к центру политической информации и возможность наблюдать придворные интриги и т.п.; во-вторых, способность оперировать со стандартными жанрами исторических произведений, предполагавшая определенный уровень образования и знакомства с классической литературой; и в-третьих, связь с публичной сферой (политической или религиозной). Кроме того, для исторического сочинения требовалась аудитория. Обитательницы монастырей вряд ли могли удовлетворить

всем этим условиям, по крайней мере, на поверхностный взгляд².

Поэтому хроники женских монастырей казались слишком незначительными, чтобы стать самостоятельным объектом исследования, хотя порой их содержание превращалось в источник фактологической информации – например, генеалогического характера. Большая часть рукописей женских монастырских хроник и анналов остается неизданной; в лучшем случае существуют издания транскрипций (полные или частичные) XVIII – начала XX вв.

Лишь в последнее десятилетие женские хроники – средневековые и раннего Нового времени – стали изучаться всерьез. Работа Шарлотты Вудфорд (2002) была посвящена анализу хроник из женских монастырей Германии XVI – XVII вв.³ За ней последовала монография Ребекки Гарбер (2003) о религиозных текстах (включавших в себя ряд исторических жанров)⁴ и фундаментальный труд Кэтрин Лоу (2003) о хрониках, написанных в итальянских конвентах XIV – XVI вв.⁵ Затем к ним прибавилась работа Энн Уинстон-Аллен о женских монастырских хрониках и историях периода реформирования конвентов (XIV – начало XVI вв.)⁶.

Выводы, к которым приходят исследовательницы, во многом схожи, и во всяком случае, они не оставляют сомнения в том, что перед нами исторические сочинения, заслуживающие детального анализа. Полемизируя с Натали Земон-Дэвис, Кэтрин Лоу отметила, что женские хроники удовле-

---

² *Zemon-Davis N. Gender and Genre: Women as Historical Writers, 1400-1820 // Beyond Their Sex: Learned Women of the European Past / Ed. by Patricia H. Labalme. N.-Y., 1980. P. 153-175.*

³ *Woodford C. Nuns as Historians in Early Modern Germany. Oxford, 2002.*

⁴ *Garber R. Feminine Figurae: Representations of Gender in Religious Texts by Medieval German Women Writers N.-Y.-L., 2003.*

⁵ *Lowe K.J.P. Nuns' Chronicles and Convent Culture in Renaissance and Counter-Reformation Italy. Oxford, 2003.*

⁶ *Winstone-Allen A. Convent Chronicles: Women Writing about Women and Reform in the Late Middle Ages. University Park, 2004.*

творяют всем параметрам исторического произведения. Их авторы имели доступ к документам из архива обители, в том числе и переписку с представителями властей церковных и светских. Политическая информация была доступна им в той же мере, что и многим мирянам, и даже в большей, ведь монахини зачастую могли похвастаться родственными связями с представителями правящей элиты той или иной страны или города. Эти связи обеспечивали им непрямой доступ к политической сфере. Кроме того, монастырские хроники всегда имели хотя и небольшую, но гарантированную аудиторию в лице прочих монахинь, настоящих и будущих, а также, возможно, обитательниц сестринских конвентов и членов семей монахинь. Что же до форм исторических сочинений, то по мнению Лоу, монахини вполне могли обойтись без точного следования принятым жанрам: ведь их сочинения не предназначались для публикации⁷. В этом смысле они ближе к свободному смешению жанров, какое порой демонстрируют вернакулярные сочинения, принадлежавшие перу мирян-мужчин, не получивших формального (латиноязычного) образования.

Монастырские хроники получили широкое распространение в XI – XII вв., чему способствовала волна монашеской реформы. От мужских монастырей традиция постепенно перешла к женским обителям. Этому немало способствовала новая волна монашеских реформ, охватившая Европу в XIV – начале XVI вв. (движения обсервантов, обители Общей жизни и др.). А после Тридентского собора церковные власти поощряли ведение хроник или анналов во всех обителях, мужских и женских, даже если до этого в них не было традиции исторического описания.

Женские монастырские хроники трудно отнести к одному жанру, поскольку эти произведения были эклектичными. В них переплетались биографии, религиозные наставления, повествования о чудесах (например, обретении мощей),

---

⁷ Lowe. Nuns' Chronicles. P. 53-55.

методы, истории института (монашеской общины), с вкраплениями текстов документов, и др.

Вопрос о специфическом женском стиле письма остается открытым. Одни исследователи усматривали в его личностном характере и спонтанности приметы «женского стиля»⁸. Другие склонны видеть в этом, скорее, отсутствие формальной подготовки, свойственное не только женщинам, но и многим мужчинам-мирянам того времени⁹.

В отличие от итальянских, нидерландских и немецких текстов, хроники, созданные в стенах английских женских обителей, возникших на континенте в XVII в., не были пока детально проанализированы, хотя ирландским женским монастырским хроникам уделено больше внимания¹⁰. До сих пор были опубликованы только две статьи, в той или иной мере затрагивавшие английские хроники¹¹ (Изобел Гранди, 1992 и Дороти Латц, 1997).

Тем не менее, хроники английских женских монастырей на континенте давно известны историкам. Одна из них – «Хроника конвента Св. Моники» – была частично опубликована в 1904 – 1906 гг. историком-бenedиктинцем Адамом Хэмилтоном¹². Именно эта хроника является объектом анализа в

---

⁸ См., напр., *Walker Bynum C. Holy Feast and Holy Fast: the Religious Significance of Food for Medieval Women. Berkeley-L., 1987. P. 105.* В данном случае речь идет об употреблении термина историками, и прежде всего, историками религии, а не теоретиками феминизма.

⁹ *Lowe. Nuns' Chronicles. P. 40.*

¹⁰ *Coolahan M.-L. Women, Writing and Language in Early Modern Ireland. Oxford, 2010. P. 87-196.*

¹¹ *Grundy I. Women's History? Writing by English Nuns // Women, Writing, History, 1640-1740 / Ed. by I. Grundy and S. Wiseman. L., 1992. P. 126-138; Latz D.L. Neglected Writings by Recusant Women. Part II: English Recusants. Elizabeth Shirley, Winifred Thimelby and Catherine Holland: Building in Medieval Mystics in the 17th c. // Neglected English Literature: Recusant Writings of the 16-17th centuries. Salzburg, 1997.*

¹² *The Chronicle of the English Augustinian Canonesses Regular of the Lateran at St Monica's in Louvain / Ed A. Hamilton. Vol. 1-2. Edinburgh, 1904-1906.*

данной статье. Здесь предполагается рассмотреть жанр/ы и функции хроники, а также способы и задачи репрезентации английского католического сообщества в данном тексте. Монахини-авторы хроники уделили большое внимание женщинам и их действиям в рамках католической общины. Но было ли такое внимание предопределено гендерной принадлежностью авторов, как предполагали другие исследователи? На страницах статьи я постараюсь обосновать другое возможное объяснение, не исключающее, но дополняющее и корректирующее первое. Исследования социальных историков указывают на важную роль, которую женщины-католички играли в своей общине. Возможно, именно важность действий женщин для религиозной жизни общины потребовала столь пристального внимания. В таком случае возникает вопрос о том, почему в других текстах их действия не получили такого отображения. Статья предлагает гипотезу, связывающую особенности представления женщин-католичек в текстах особенностями их функционирования и задачами, а также степенью их «популярности» и предназначенностью для публикации.

II

Обитель канонисс-августинок в Лувене имеет долгую историю, генетически связанную с религиозными движениями позднего Средневековья – и в частности, с *devotio moderna* и братьями общей жизни. В конце XIV в. последние приняли устав каноников-августинцев, а их монастыри в Нидерландах образовали Виндесхаймскую конгрегацию. Братья общей жизни распространяли новый тип религиозной жизни, открытый как для мирян, так и для духовенства, реформировали монастыри, распространяли благочестивые практики – прежде всего, особое почитания Св. Причастия и поощряли частое причащение¹³.

---

¹³ *Van Engen J. H. Sisters and Brothers of the Common Life: the Devotio Moderna and the World of the Later Middle Ages. University Park, 2008.*

В составе конгрегации были и женские обители. Конвент Св. Урсулы был основан в 1415 г. Большинство монахинь здесь составляли уроженки Нидерландов, однако ситуация изменилась с началом Реформации. Роспуск монастырей в Англии вынудил часть монахинь покинуть страну и искать убежища в обителях на континенте. Позднее, во второй половине XVI в. англичанки, выбравшие монашеский образ жизни, были вынуждены следовать их примеру. В 1569 г. приорессой конвента Св. Урсулы была избрана англичанка, Маргарет Клемент. Это обстоятельство сделало монастырь привлекательным для многих ее соотечественниц, который вскоре присоединились к обители. К началу XVII в. английская часть общины сильно возросла, как числом, так и своим влиянием – благодаря родственникам из числа дворян-католиков, делавших значительные вклады в монастырь¹⁴.

Когда в 1606 г. Маргарет Клемент, постаревшая и практически полностью ослепшая, сложила с себя обязанности приорессы, влиятельная английская группа монахинь желала избрать на ее место свою соотечественницу, Мэри Вайзмен. Однако большинство предпочло избрать голландку. Англичанки не сдались без боя, и даже апеллировали в Рим при поддержке своих родственников. Но когда и эта попытка завершилась неудачей, англичанки предпочли отделиться и создать собственную общину канонесс-августинок, предназначавшуюся для соотечественниц (хотя и не исключительно для них). В 1609 г. при финансовой поддержке родственников они арендовали дом в Лувене. Так возник конвент Св. Моники¹⁵.

Обитель довольно быстро привлекла новых монахинь, и уже в 1629 г. от нее отпочковалась дочерняя обитель в Брюгге¹⁶ (она находится там до сих пор). Община Св. Моники переехала в Англию в конце XVIII в., спасаясь от французской армии, и сейчас находится в городке Ньютон Эббот (Девон).

¹⁴ Chronicle of St Monica's Vol. I. P. 25-35.

¹⁵ Ibid. P. 56-79.

¹⁶ Ibid. Vol. II. P. 69-80.

Хранящаяся в монастыре «Хроника» составляет около 600 страниц рукописи, открывающейся биографией Маргарет Клемент, составленной суб-приорессой Св. Моники, сестрой Элизабет Ширли. Рукопись охватывает большую часть XVII столетия. Имя автора (авторов) «Хроники» точно неизвестно. Предполагается, что основной составительницей (за период 1609 – 1660) была сестра Уинифред Таймелби (позднее – приоресса Св. Моники), однако возможно, что был и еще один автор¹⁷.

Текст «Хроники» разделяется только датами (по годам), будучи выстроен по образцу анналов. Издание А. Хэмилтона (которым я пользовалась) искусственно делил текст на главы, отсутствующие в оригинале.

Текст «Хроники» открывается историей возникновения общины английских монахинь – сначала в составе конвента Св. Урсулы, а затем как независимой обители. Эта часть текста соединяет в себе сразу несколько жанров – биографический/агиографический (повествование о жизни первой английской приорессы Св. Урсулы, Маргарет Клемент) и «историю основания», типичный для монастырских хроник. Здесь эта история выполняет важную функцию, выстраивая связь между конвентом Св. Моники – совсем «молодой» обителью, по сравнению с другими – и до-реформационным английским монашеством, а также обеспечивая монастырь святым покровителем из числа особенно чтимых английскими католиками мучеников.

Эта связь обеспечивалась благодаря биографическим вставкам, посвященным первой английской монахине в конвенте Св. Урсулы – Элизабет Вудворд. В 1519 г. она принесла монашеский обет в августинском монастыре в Бёрнеме (Бакингемшир). Спустя двадцать лет монастырь был закрыт, а его обитательницам пришлось искать другое пристанище. Элизабет Вудворд нашла покровительство у врача-католика Джона Клемента, жена которого, Маргарет Гиггс, была при-

---

¹⁷ Grundy I. Women's History. P. 128.

емной дочерью сэра Томаса Мора. Вместе с Клементами Элизабет Вудворд покинула Англию и в 1548 г. приехала в Лувен, где тогда же вступила в общину своего ордена (конвент Св. Урсулы)¹⁸. В 1551 г. к ней присоединилась юная Маргарет Клемент, отправленная в монастырь для получения образования. А в 1557 г. Маргарет и сама принесла монашеский обет¹⁹.

Маргарет Клемент принесла с собой отблеск святости мученика – Томаса Мора – так же, как и реликвии (его власяницу и четки), а вместе с ними и традиции благочестия своей семьи. Мать Маргарет отмечена на страницах «Хроники», благодаря как своему особому благочестию, так и образованию, но прежде всего, за помощь, оказанную ею арестованным и ожидавшим казни монахам-картузианцам, наградой за которую стала «благая смерть» и предсмертное видение святых мучеников, пришедших молиться за душу своей покровительницы²⁰.

Однако биография самой Маргарет Клемент отмечена отнюдь не только исключительным личным благочестием и смирением приорессы, но также и ее эффективным руководством обителью. Э. Уинстон-Аллен показала в своей работе, как в монастырских хрониках XV в. появляется новый тип героинь, выделяющихся своими качествами лидера и эффективным управлением²¹. Это в полной мере применимо и к Маргарет Клемент. Именно она ввела в конвенте Св. Урсулы правило затвора и заставила монахинь строго соблюдать устав, несмотря на протесты части общины. Благодаря ее заслугам престиж конвента значительно возрос, а число монахинь увеличилось за счет англичанок. Почти все они происходили из дворянских семей, которые внесли щедрые вклады, так что именно они обеспечивали благосостояние общины²². Эффективное руководство Маргарет Клемент позволило обители

---

¹⁸ Chronicle of St Monica's. Vol. I. P. 24-26.

¹⁹ Ibid. P. 27.

²⁰ Ibid. P. 25.

²¹ Winston-Allen A. Convent Chronicles. P. 210-213.

²² Chronicle of St Monica's. Vol. I. P. 29-30.

пережить выпавшие ей в конце XVI в. испытания – охватившую Нидерланды войну и угрозу со стороны солдат-протестантов, наводнение (приведшее к потере припасов) и чуму – относительно благополучно²³.

Однако именно действия Маргарет – вернее, ее отставка в 1606 г. – спровоцировала волнения в монастыре. «Хроника» описывает их в разделе, посвященном образованию конвента Св. Моники²⁴. Англичанки хотели видеть свою соотечественницу Мэри Вайзмен в качестве новой приорессы, но на этот пост большинством в 7 голосов была избрана монахиня-голландка. По словам «Хроники», «Англичанки проиграли выборы и не могли с этим смириться». Речь пошла об апелляции в Рим, причем автор «Хроники» указывает на родственников и друзей монахинь как на руководящую силу. Подобной интерпретации вряд ли можно доверять: ведь задачей автора было представить историю «восстания» как вынужденные действия покорных и смиренных монахинь. Стоит предположить, что дело обстояло как раз наоборот: английские монахини задействовали своих родственников для того, чтобы добиться желаемого.

Впрочем, первая попытка оказалась неудачной. Церковные власти (представители архиепископа) подтвердили полномочия вновь избранной голландки и пригрозили английским сестрам отлучением, если те не согласятся с этим решением. И хотя часть сестер желала продолжить борьбу, составив петицию в Рим, отказ Маргарет Клемент, пользовавшейся непререкаемым авторитетом, положил конец таким планам.

Следующий этап образования новой общины, описанный в «Хронике», развернулся в 1608 г., когда монахини узнали о возникновении монастыря английских бенедиктинок в Брюсселе, и немедленно пожелали последовать их примеру. К такому шагу их подталкивали финансовые интересы: автор от-

---

²³ Ibid. P. 30-31.

²⁴ Ibid. P. 34-80.

мечает, что большинство англичан предпочло бы отправлять своих дочерей в английский конвент, тем самым резко сократив приток новых сестер (и вкладов) в другие монастыри, в том числе и конвент Св. Урсулы, привлекавший их ранее из-за того, что настоятельницей была англичанка.

Под влиянием таких соображений Маргарет Клемент изменила свое мнение, не без помощи других сестер. Лидерами нового «восстания», на этот раз успешного, стали Кэтрин Аллен (племянница кардинала Аллена) и Элизабет Ширли, которая, по мнению автора «Хроники», приобрела «в миру большой опыт в светских делах»²⁵. Эти сестры, заручившись поддержкой родственников и друзей из числа клириков, сумели убедить настоятельницу в том, что сравнительно небогатый конвент Св. Урсулы только выиграет, если из него уйдет часть монахинь. На этот раз церковные власти в лице епископа Лувенского и архиепископа Мехельнского оказались на стороне англичанок, хотя «Хроника» подробно не говорит о том, каким образом их удалось переубедить. Однако очевидно, что сестры задействовали своих влиятельных родственников. Маргарет Клемент заручилась поддержкой племянника, доктора Клемента, генерального vicararius армии Испанских Нидерландов и настоятеля собора Св. Гудулы в Брюсселе, который фактически представлял общину в ее переговорах с церковными властями всех уровней²⁶.

Все действия, предпринятые англичанками, совершались фактически за спиной остальных монахинь, которые были поставлены перед фактом получения сестрами-англичанками разрешения создать новый конвент.

«После этого начались неприятности и затруднения <...> Поднялось волнение в самом монастыре. Одни монахини желали этого, другие же – нет, говоря, что англичанки поступили так из отвращения [к другим сестрам]. Прочие же считали, что теперь, потратив то, что они принесли с собой, они уходят, остав-

---

²⁵ Ibid. P. 59: 'had in the world experience of temporal things'.

²⁶ Ibid. P. 66.

ляя монастырь в худшем положении, чем раньше, потому что им помогали пожертвования англичан.»²⁷

Тем не менее, враждебность оппозиции удалось преодолеть стараниями Элизабет Ширли, занимавшейся всеми хозяйственными делами, связанными с переездом – и прежде всего, поиском и арендой нового дома, в котором мог бы разместиться конвент. Затем дом гужно было оборудовать всем необходимым для жизни маленькой общины, а также и для богослужения. Элизабет Ширли фактически просила милостыню у оставшихся в конvente Св. Урсулы монахинь, даривших новой обители все необходимое – от богослужебных книг до постельного белья²⁸.

Наконец, в 1609 г. конвент Св. Моники обрел самостоятельность. «Хроника» перечисляет ядро общины, первых сестер, которым было дозволено покинуть материнскую обитель. Это Маргарет Клемент, Кэтрин Аллен, Элизабет Ширли, Маргарет Гарнет, Барбара Уилфорд и Мэри Уэлш²⁹. Через несколько месяцев, осенью 1609 г., к ним присоединились другие сестры-англичанки: Мэри и Бриджет Вайзмен, Фрэнсис Бёрроу, Энн Бромфилд, Сьюзан Лабурн и сестры Тремейн³⁰.

Существование общины финансировали родственники и/или патроны отдельных сестер, обеспечившие каждую из них небольшим, но стабильным годовым доходом. «Хроника» указывает имена тех, кто наделил монахинь «пенсиями». В большинстве случаев в роли патронов выступали родственники. Однако «пенсию» Элизабет Ширли – временной настоятельницы (до избрания приорессы) и одновременно procuratrix – выплачивали неназванные «друзья». Фрэнсис Бёрроу, Энн Бром-

---

²⁷ Ibid. P. 60: 'Hereupon begun crosses and troubles to arise <...> For, firs, in the same monastery began commotion; some were willing hereunto and some were unwilling, saying that The English did this out of disgust; others, that now when they had spent what they brought they would depart, and leave them in greater misery than before, by reason that the alms of the English helped them'.

²⁸ Ibid. P. 61-68.

²⁹ Ibid. P. 68-69.

³⁰ Ibid. P. 78.

филд и Сьюзан Лабури обеспечивали патронессы их семей – Элинор Бруксби (Вокс), леди Питер (Кэтрин Сомерсет) и графиня Эрендел (Энн Дейкр) соответственно³¹.

История образования нового конвента завершается рассказом об избрании новой приорессы – Мэри Вайзмен, и суб-приорессы – Элизабет Ширли³². Далее повествование приобретает форму, в которой выдержана основная часть «Хроники», за исключением нескольких эпизодов, о которых пойдет речь ниже. Здесь текст выдержан в жанре монашеских жизнеописаний (*sisterbook*); начинается он рассказов о семье Мэри Вайзмен и об обращении Элизабет Ширли. За ними в хронологическом порядке следуют сообщения о принесении монашеских обетов послушницами и о смертях монахинь. Каждое сообщение о появлении в обители новой монахини сопровождается подробным рассказом о ее семье, а упоминания о смерти порой (но не всегда) – повествованием о жизни усопшей в монастыре, ее добродетелях как духовного, так и вполне практического свойства. Иногда, впрочем, и в этой части повествования появляются биографические детали – в том случае, если они не были приведены раньше, при упоминании о вступлении этой монахини в общину.

Все эти мини-истории следуют одной схеме. Если речь идет о вступлении новой монахини в конвент и ее семье, то в рассказе почти всегда присутствует упоминание о хорошем образовании, полученном девочкой, причем зачастую подчеркивается знание латыни. Этот момент стоит отметить особо: судя по количеству переводов с латыни, предназначенных для английских женских монастырей на континенте – в том числе монашеских уставов, житий святых и наставительной литературы – руководство Английской миссии не считало познания женщин (и мирян в целом) в латыни, а, следовательно, и в теологии и полемическом богословии, достаточными³³. Тем

---

³¹ Ibid.

³² Ibid. P. 79.

³³ См. Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI первой половины XVII вв. // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 22-44.

не менее, сами монахини придерживались иного мнения. В «Хронике» многократно подчеркивается важность чтения в духовном становлении членов общины.

Всегда упоминается конфессиональная принадлежность родителей и ближайших родственников будущей монахини. Если семья была католической, речь идет о благочестивых порядках, царивших в ней, и о воспитании, данном девочке. Очень часто в таких историях присутствует рассказ об обращении в католичество – либо самой будущей монахини, либо кого-либо из ближайших родственников, а также и о страданиях, которые претерпели родные и друзья героини во имя веры. В этой части повествования часто появляются истории о чудесах – истории об избавлении от преследователей благодаря вмешательству Провидения – а также присутствию духа и даже изворотливости самих героев. Например, в «Хронике» присутствует рассказ о том, как 11-летняя Фрэнсис Бёрроуз встретила группу преследователей у входа в дом и, сделав вид, что возвращается туда, чтобы принести вина упавшей в обморок матери (а точнее, женщины, которую она представила преследователям как свою мать), успела предупредить находившихся в доме католических священников и помогла им спрятаться в специально оборудованные убежища³⁴.

Финальная часть такого повествования занимал рассказ о том, каким образом молодые женщины выбирали монашескую жизнь вообще и общину августинок в частности, обычно преодолевая сопротивление родственников. В этом разделе тоже часто присутствуют упоминания о вмешательстве Провидения, позволявшем героиням достичь желанной цели – конвента Св. Моника.

Повествования о кончине монахинь также следовали единой схеме. Эти биографические вставки, как правило, были сконцентрированы на жизни в монастыре. В них подчеркивается добродетельная жизнь монахини – ее благочестие и усердие в молитве, смирение и стойкость, с какими она встречала испытания и болезни, но также и практические дела, то

---

³⁴ Chronicle of St Monica's. Vol. II. P. 165.

есть, эффективное выполнение тех обязанностей, которые были на нее возложены. Как и в случае с приорессами, организаторские и управленческие способности, рассматривались автором «Хроники» как безусловно положительное качество. Завершаются повествования рассказом – или, по крайней мере, упоминанием – о благой смерти.

В отличие от средневековых женских текстов, в «Хронике» практически (хотя и не полностью) отсутствуют видения. А если в тексте и появляется что-то, на них похожее, например, в связи с Элизабет Ширли, автор осторожно называет их «снами» или еще каким-то образом указывает на то, что они могут быть продуктом воображения. При этом такие «видения» могут иметь связь (хотя и неявную) с визионерской литературой. Таково, например, описание «видения» Элизабет Ширли, случившегося с ней накануне принятия решения о принесении монашеского обета, во время молитвы в церкви иезуитов в Лувене перед образом Спасителя:

«Наконец, возведя глаза и руки к исполненному благочестия изображению Господа нашего в терновом венце, с лицом, залитым слезами, она в этот момент предположила в своем сердце [supposed in her heart], что Спаситель, глядя на нее, трижды произнес – *‘Не бойся, все будет хорошо’* [fear not, all will be well]»³⁵.

В данном отрывке примечательна осторожность автора «Хроники», не желавшей классифицировать произошедшее с Элизабет как видение. Ведь церковные власти с подозрением относились к видениям вообще и женщинам-визионеркам в частности. Подобная информация могла скорее скомпрометировать монастырь, нежели добавить ему славы.

Кроме того, важна и фраза, которую автор вкладывает в уста Христа. Это практически прямая цитата из «Откровения Божественной любви» Юлианы Нориджской. На момент со-

---

³⁵ Ibid. Vol. I. P. 106: 'at last lifting up her hands and eyes towards the picture which indeed was a very devout one of our Lord crowned with thorns and his face bedewed with tears, at the time she supposed in her heart that our Saviour looking at her said three times: Fear not, all will be well'.

ставления «Хроники» текст «Откровения» был известен только в рукописях, средневековых и копиях XVII в. Первое печатное издание «Откровения» появилось в 1670 г.; оно было сделано монахом-бенедиктинцем Сереном Кресси, капелланом монастыря английских бенедиктинок в Париже. Первый автор «Хроники», работавший над текстом до 1660 г., не могла с ним познакомиться.

Однако глава парижского аббатства, Бриджет Мор – одна из потомков Томаса Мора – была связана узами родства с монахинями Св. Моники (прежде всего, с Маргарет Клемент), так что вполне возможно предположить, что монахини из Лувена могли получать рукописи от своих родственниц и знакомых из Парижа³⁶.

Хотя автор «Хроники» явно использовала хранившиеся в обители документы в качестве источников – в одном случае такой документ, послание епископа, дарующее английской общине право создать свой монастырь, приведен в тексте полностью – все же основным источником для нее были рассказы свидетелей. Автор даже оговаривает ситуацию, когда невозможность получить достоверные свидетельские показания заставили ее сократить рассказ об одной из монахинь и ее семье. Мэри Филлот (монахиня с 1635 г.) воспитывалась в монастыре с раннего детства и поэтому была не в состоянии рассказать о семье, которую не видела в течение многих лет. Поэтому автор вместо рассказа о ее родственниках ограничивается ремаркой:

«Мы не могли узнать деталей, потому что она прибыла в монастырь совсем юной, и еще не знала света и своих друзей»³⁷.

Возможно, именно поэтому политические события занимают не так много места в хронике. Перипетии войны за независимость Нидерландов никак не отражены в тексте. Одна-

---

³⁶ Lutz D. Op. cit. P. 39.

³⁷ Chronicle of St Monica's. Vol. II. P. 163: 'further particulars we could not learn by reason that she came so young to the cloister as not to know the world or her friends'.

ко, они, строго говоря, не касались конвента Св. Моники, ведь речь идет о периоде до его основания. Сестры Св. Моники вряд ли могли знать детали этих событий, так как авторы Хроники явно оказались в Лувене как минимум на десятилетие позже. Кроме того, в Св. Моники практически не было голландок или фламандок, которые могли обладать большей информацией, а англичанки далеко не всегда хорошо знали голландский язык, так что возможности их общения с горожанами Лувена были ограничены.

Совсем иначе представлены события 1635 г. Осада Лувена голландскими войсками под командованием принца Оранского вынудили часть сестер бежать из города. Другие же остались, став непосредственными свидетелями осады. Автор «Хроники» явно оставалась в городе, так как события, связанные с осадой Лувена, описаны ярко и подробно³⁸. Почти так же ярки и картины бегства остальных сестер в Брюгге³⁹, где с 1629 г. существовала дочерняя обитель английских августинок. Таким образом, автор/ы «Хроники» конвента Св. Моники, как и другие составители женских монастырских хроник XVII в. в Германии или Нидерландах⁴⁰, не чуждались политических сюжетов. Хотя их повествование было сфокусировано на самой обители, события, связанные с религиозными войнами, не обходили их стороной и получали отражение на страницах исторических сочинений. Из описания явствует, что английские монахини – возможно, в силу родственных связей с эмигрантами-католиками, служившими в испанской армии в качестве офицеров или капелланов – неплохо представляли стратегическое положение и ход военной кампании. Однако повествование строится вокруг жизни горожан, оказавшихся в осаде и подвергавшихся обстрелам, а также вокруг действий тех защитников города, кого монахини могли назвать «своими», хотя и с небольшой натяжкой – а

---

³⁸ Ibid. P. 124-132.

³⁹ Ibid. P. 139-148.

⁴⁰ Woodford C. Nuns as Historians. P. 31-77.

именно, Ирландского полка под командованием полковника Престона⁴¹.

Повествования об осаде Лувена и о бегстве части общины в Брюгге представляют собой редкие отступления от основной темы. Еще одним отступлением была вставка с рассказом об образовании дочерней обители в Брюгге (1629г.), не освещенном, впрочем, слишком подробно, так как автор «Хроники» отослала своих потенциальных читателей к хронике нового конвента⁴², тем самым указывая на циркуляцию рукописей между английскими монастырями на континенте.

Но основная часть повествования, как уже отмечалось, была сосредоточена на жизни сестер, причем период до вступления в монастырь и семейные связи освещались едва ли не более детально, чем собственно монашеская жизнь. Хотя присутствие информации о семьях монахинь вряд ли является чем-то уникальным – ведь такие сведения присутствовали практически во всех монастырских хрониках – ее объем выделяет «Хронику» из общего ряда.

Жанр «Хроники» невозможно определить однозначно. Выше уже отмечалось ее сходство с *sister-books*, а также присутствие в тексте вставок-историй (основание конвентов в Лувене и Брюгге, осада Лувена, бегство сестер в Брюгге). А сама форма *sister-book* отсылает читателя к биографической и агиографической литературе.

Вместе с тем, значительная часть историографического наследия монахинь имеет мемориальный характер. Записи о пожертвованиях и списки покровителей, за которых конвент молился, велись отдельно, поэтому далеко не все они упоминаются в «Хронике». Зато в ней присутствуют упоминания о других католиках, которые могли и не быть патронами монастыря. Таким образом, «Хроника» является еще и *memoria*, но по отношению не только к общине и патронам, но и ко всем

---

⁴¹ Chronicle of St Monica's. Vol. II. P. 131.

⁴² Ibid. P. 66-80.

английским католикам, а конвент Св. Моники – хранителем памяти обо всех единоверцах на родине.

Подчеркивание связи монастыря с Англией было принципиально важным для авторов «Хроники». В конце концов, основной функцией текста было формирование идентичности конвента, который и возник-то как *английская* обитель (в противопоставление голландской). Обстоятельства его возникновения, а также тот факт, что община была вынуждена существовать за границей, в иноязычной среде, делала связи с английской католической общиной жизненно важными. Были они существенны и для престижа самой обители у единоверцев на родине. Ведь конвент Св. Моники не только считался одним из духовных центров английского католического общества, но и хранил память о нем.

III

Второй важной особенностью текста «Хроники» было внимание, какое автор/ы уделила/и действиям женщин-мирянок. Каждая семейная история, представленная на ее страницах, упоминает обоих родителей, и в тех случаях, когда отец или другие родственники мужского пола прославились стойкостью в вере, о них непременно упоминается (например, знаменитый юрист-католик Плауден⁴³, или строитель церквей сэр Джеймс Хьюберт)⁴⁴. Порой в тексте появляются истории о том, как мужчины-родственники будущих монахинь отражали атаки преследователей при помощи хитрости (брат Кристины Джергингэм)⁴⁵ или даже силой (отец Дороти Масгроув)⁴⁶.

Однако женщинам – близким и дальним родственницам, подругам, патронессам и даже случайно встреченным католичкам-простолоудинкам – в «Хронике» уделяется значительно больше места. Исследовавшие текст ученые (по большей части, филологи) были склонны объяснять такой фокус текста ген-

---

⁴³ Ibid. P. 15.

⁴⁴ Ibid. P. 47.

⁴⁵ Ibid. P. 42-43.

⁴⁶ Ibid. P. 90.

дерной принадлежностью ее автора/ов, которая предопределяла их внимание к женскому миру, ограниченному семейными (зачастую матрилинейными) связями и рамками домохозяйства. Мне, впрочем, представляется, что помещение «Хроники» в подобающий ей социальный контекст дает возможность усмотреть в этом обстоятельстве нечто большее, чем описание «восхитительной материнской заботы»⁴⁷ (Гранди).

Особенность «Хроники» заключается отнюдь не только объеме текста, посвященного женщинам. Этого стоило ожидать, ведь авторы текста, и его героини и в самом деле проводили большую часть своей жизни в женском окружении. Но женщины и их действия описываются в «Хронике» иначе, чем в других текстах XVII в. – прежде всего, в опубликованных сочинениях биографического и/или наставительного характера – написанных мужчинами, мирянами или клириками. На страницах «Хроники» женщины-католички поступают не так, как в биографиях, составленных их капелланами (например, в «Жизни леди Монтегю» (1627 г.), задавшей параметры жанра в рамках английского католического сообщества; однако подобные действия подтверждаются другими источниками, прежде всего, материалами церковных судов.

Выше уже отмечалось, что «Хроника» уделяет много внимания образованию героинь. Хорошее образование – и прежде всего, знание латыни, подразумевало возможность знакомства с богословской и полемической литературой. А это, в свою очередь, имело большое значение для историй обращения, которыми изобилует текст. Следует уточнить, что под обращениями автор порой понимает различные ситуации. Иногда речь идет о «церковном папизме» – практике посещения приходских (протестантских) церквей по воскресеньям и праздникам в соответствии с требованиями закона, и об отказе от него, переходу к практике *recusancy*. Порой же речь идет об обращении из протестантизма в католичество. Однако автор употребляет термин «примирение с церковью»

---

⁴⁷ Grundy J. 'Women's History?', much admirable mothering?.

(*reconciliation*), который подразумевал грех схизмы (а не ереси) и должен был употребляться применительно к первой группе случаев, слишком часто, и это порой мешает понять, какого рода «обращение» имело место на самом деле.

Как бы то ни было, обращения в католичество (и к практике *recusancy*, если речь идет о социальной практике) упоминаются в «Хронике» часто, и в основном, хотя и не исключительно, в отношении женщин. При этом описания обращений зачастую отличаются от подобных описаний, присутствующих в «благочестивых биографиях». В последних женщины обычно описываются как объект миссионерских усилий мужчин – родственников, или, гораздо чаще, священников; мужчины дают им наставления, как в отношении вероучения, так и в отношении религиозных практик (часто причастия, ежедневного самоанализа [*examination of conscience*]).

Обращения мужчин в таких текстах выглядят несколько иначе: чаще встречаются, так называемые «интеллектуальные» обращения, когда мужчины-миряне, испытывавшие сомнения в отношении своей веры, обращались к богословским и/или полемическим текстам. Чтение последних затем убеждало их в истинности католической веры и приводило к их обращению. Считалось, что подобное обращение женщин невозможно из-за недостаточно хорошего образования и отсутствия способностей к рациональному мышлению и, следовательно, восприятию рациональных доводов.

Тем не менее, «Хроника» описывает целый ряд «интеллектуальных» обращений, как самих героинь, так и их родственниц. Элизабет Ширли «тайно искала католические книги»⁴⁸. Элизабет Клиффорд

«<...> предалась чтению Писания, чтобы иметь возможность убедительнее опровергать доводы противоположной стороны. Ведь обнаруживая заблуждения еретиков, как в отношении бла-

---

⁴⁸ Chronicle of St Monica's. Vol. I. P. 103: 'she now would steal Catholic books'

гой жизни, так и в отношении их мнений, она спорила с приходскими священниками и красноречиво говорила в защиту католиков»⁴⁹.

Мать Энн Мор обратилась в католичество благодаря чтению книг «об истинной вере»⁵⁰. Мать Сьюзан Брук также обратилась в результате чтения книги.

В этой книге, посвященной, как кажется, полемическому богословию, она обнаружила такое ясное опровержение мнений еретиков и доказательство истинности католического учения по всем пунктам, что окончательно решила стать католичкой⁵¹.

Женщины-мирянки не только обращались сами, но и обращали других, чаще всего других женщин – родственниц и подруг. При этом в их действиях соединялись катехизация (в теории допускавшаяся для женщин) и более тонкие практики обращения, использовавшиеся священниками-миссионерами. Это явствует из примера Джейн Хаттон. Она была обращена другими женщинами из своего окружения, прежде всего, Мэри Скудамор:

«У нее [Джейн] была возможность оказаться в обществе вышеупомянутой молодой дворянки; та стала расспрашивать, почему она так грустна. Она отвечала: потому что не знает, как служить Богу. После этого другая стала учить ее «Богородище», Десяти Заповедям, а также как вопрошать свою совесть, и сказала ей, что она должна стать католичкой и исповедать свои грехи перед священником»⁵².

---

⁴⁹ Ibid. P. 155-156: 'she <...> gave herself to the reading of Scripture that she might the better confute the adverse part. For finding the heretics in fault, both in good life and in their opinions, she would dispute with the parsons and speak so well in the defence of Catholics'.

⁵⁰ Ibid. Vol. II. P. 60.

⁵¹ Ibid. P. 191: 'In this book, which it seems was of controversy, she found all heretical objections confuted, and Catholic religion so manifestly proved in all points, that she fully resolved to become a Catholic'.

⁵² Ibid. Vol. I. P. 118: 'she got means to have access to the forenamed young gentlewoman, who examined her why she was so sad. She answered, because she knew not how to serve God. Hereupon the other began to teach her Ave Maria and also the Ten Commandments and how

В обязанности женщин традиционно входило обучение детей и домочадцев молитвам и основам вероучения. Однако *examination of conscience* представляло собой новую благочестивую практику, принесенную в Англию миссионерами-иезуитами в конце XVI в.; подразумевалось, что обучать мирян этой практик должны были священники.

Мать Кристины Джернингэм (урожденная Филпот) обратила в католичество свою подругу-пуританку⁵³, что явно требовало не только простой катехизации, но и полемики с ней, и хорошего знания Писания и богословской литературы.

Усилия героинь распространялись не только на других женщин; в «Хронике» многократно упоминаются «примирения с церковью» их мужей, отцов и других родственников-мужчин⁵⁴. Хотя в данном случае речь идет не о переходе от одной конфессии к другой, а об изменении социальной практики – отказе от церковного папизма (порой на смертном одре) и переходе к *recusancy*, на что указывает термин '*reconciliation*'.

На страницах «Хроники» встречаются и другие примеры женской активности. Леди Бабторп и уже упоминавшаяся выше леди Брук полемизировали с протестантами⁵⁵. Леди Джернингэм была ответственна за выкапывание тела казненного католика – мученика за веру – сохранение его мощей и, по всей видимости, переправку их за границу⁵⁶.

Наконец, в «Хронике» упоминается помощь другим женщинам при родах. Такие действия имели двоякие последствия в конфессиональной сфере. Во-первых, женщины-повитухи часто крестили детей, тем самым позволяя их родителям-католикам избежать необходимости крестить ребенка в приходской церкви по протестантскому обряду. Подобная ситуация могла быть мучительной для благочестивых католи-

---

to examine her conscience, and told her if she would be a Catholic she must confess her sins unto a priest'.

⁵³ Ibid. Vol. II. P. 41.

⁵⁴ Ibid. Vol. I. P. 156; Vol. II. P. 42, 61 etc.

⁵⁵ Ibid. Vol. I. P. 191, 203-213.

⁵⁶ Ibid. Vol. II. P. 40-41.

ков, но отказ от крещения в церкви подвергал их опасности лишиться имущества и попасть в тюрьму. В тексте упоминается мать Урсулы Гиффорд, которая, оставшись после короткого первого брака беременной, была сурово наказана за католическое крещение ребенка: она попала в тюрьму, и потеряла треть своей вдовьей доли. После перенесенных испытаний она помогала другим женщинам при родах и, несомненно, помогала крестить их⁵⁷. Ведь крещение, совершенное мирянином, было конфессионально нейтральным и признавалось как католической, так и англиканской церковью. Такие крещения помогали решить проблему конфликта интересов. Крещение предполагало включение ребенка в общину христиан и одновременно делало его членом социальной группы, состоявшей из соседей и родственников. В отличие от Средневековья, в раннее Новое время эти две общности могли не совпадать. И в этой ситуации крещение, совершенное женщиной, оставляло родителям пространство для маневра. Ведь формула крещения в данном случае была, по сути, неконфессиональной, приемлемой и для католиков, и для протестантов. Она могла сделать ребенка членом любой христианской общности. Впоследствии такое крещение могло быть дополнено обрядом экзорцизма, совершенного католическим священником, так что ребенка можно было считать настоящим католиком. И одновременно этот же ребенок получал благословение местного vicaria, а его имя вносилось в приходский регистр. Таким образом, он становился членом местного сообщества – прихода⁵⁸.

Кроме того, помощь при родах открывала возможность для обращения. Например, повитухи или другие женщины могли убедить роженицу обратиться с молитвой к Богородице, и в случае облегчения страданий успешного разрешения такая молитва рассматривалась как убедительное доказатель-

---

⁵⁷ Ibid. P. 18-21.

⁵⁸ Серегина А. Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII вв. // Адам и Ева. Вып. 12. 2006. С. 118-144.

ство чудесного вмешательства Девы Марии и, соответственно, истинной веры. Подобные ситуации также упоминаются в «Хронике»⁵⁹.

И в случае с обращениями, и при крещении младенцев женщины вступали на территорию, теоретически являвшуюся для них (и для мирян в целом) запретной, так как богословские наставления и вопросы вероучения, и тем более таинства относились к прерогативе священников, какой она представлялась в контексте пост-Тридентского католицизма.

Однако в данном случае – как и во многих других – теория далеко отстояла от социальной практики. Женская активность в религиозной сфере была необходима для выживания преследуемого католического сообщества в Англии и сохранения его конфессиональной идентичности. Это обуславливалось, прежде всего, правовым статусом замужних женщин, которые находились под покровительством мужа и не несли ответственности за свои действия, за исключением тяжких уголовных преступлений. Начиная с 1563 г. главы домохозяйств должны были платить штраф за отказ от присутствия на англиканской литургии. Однако штрафы за жен, не посещавших церковь, ввели только через тридцать лет. Но и позднее у женщин было больше шансов избежать наказания: штрафам за *recusancy* чаще подвергались незамужние женщины или вдовы, лишённые мужского покровительства (и юридически полностью правоспособные). Таким образом, «неполноправность» в глазах закона оборачивалась большей свободой действий в религиозной сфере. Согласно господствовавшим в обществе представлениям, контролировать веру жены и домочадцев должен был муж. Однако на практике мужья далеко не всегда были в состоянии это делать, а порой и вовсе к этому не стремились: конформизм мужа «уравновешивался» католическими взглядами жены (а также и ее действиями), успокаивая его совесть.

---

⁵⁹ Chronicle of St Monica's. Vol. I. P. 103.

Правительство также предпочитало избегать прямых преследований женщин (хотя немалое их число и побывало в тюрьмах). Из 35 мирян, казненных в 1577 – 1603 гг. за причастность (реальную или мнимую) к католическим заговорам и укрывательство католических священников, только 3 были женщинами⁶⁰, хотя именно они обычно организовывали убежища для священников. Как показали религиозные преследования 1530 – 1550-х гг., казни женщин вызывали у толпы отнюдь не благоговейный ужас перед властью, а жалость к жертвам и негодование. Кроме того, наказания женщин означали публичное признание факта нарушения «правильного» общественного устройства: ведь будучи католичками и помогая священникам в их «подпольной» деятельности, эти женщины бросали вызов патриархальной власти главы семьи и государства.

Впрочем, вызовом протестантским властям дело не ограничивалось. В силу того, что католицизм в Англии XVI – XVII вв. был верой гонимого меньшинства, степень контроля духовенства над мирянами (в том числе и женщинами) была значительно ниже, чем в других странах, где эта религия была официальной. Более того, поддержка мирян была необходимым условием выживания католической общины. Подобные обстоятельства давали женщинам больше свободы действий, позволяя вторгаться в традиционно «мужские» сферы религиозной жизни.

В таком контексте объем информации, посвященной женщинам в «Хронике» не кажется удивительным: он, скорее отражает их реальную роль в религиозной жизни католиче-

---

⁶⁰ Маргарет Клитероу (1586, Йорк), Маргарет Уорд (1588, Лондон), Энн Лайн (Лондон, 1601). В 1598 г. к смерти была приговорена Джейн Вайзмен, однако Елизавета I личным вмешательством заменила казнь тюремным заключением. В тюрьме Джейн пробыла до самой смерти королевы в 1603 г. О жизни Джейн Вайзмен подробно говорится в «Хронике». См. *Серегина А.Ю.* Сбой системы: применение формулы *reine forte et dure* в английском судопроизводстве XVI вю // *Право в средневековом мире.* М., 2008. С. 224-249.

ского сообщества. Однако в других источниках, посвященных женщинам, прежде всего, в «благочестивых биографиях», нет такой подробной информации. А упоминания об обращении в католичество или о крещении младенцев женщинами присутствуют только в тех из них, которые не были изданы в XVII в., и были опубликованы историками в XIX (биографии Дороти Лаусон и Энн Дейкр)⁶¹ или XX вв. (биография Элизабет Кэри)⁶².

Все «благочестивые биографии» строились по канонам агиографического жанра, ориентируясь на надгробные проповеди. Они были призваны наставлять читателя через примеры благочестивой жизни героинь. В них подчеркивались традиционные женские добродетели – кротость, покорность, смирение и забота о ближнем. Акцент на покорности и повиновении был особенно важен на рубеже XVI – XVII вв., как потому, что в это время активно дискутировалась проблема «природы женщин», так и из-за положения, в котором оказалось английское католическое духовенство. Ведь верность католичеству сама по себе представляла вызов властям, неповиновение патриархальной власти. В протестантской полемической литературе католичество описывалась как религия непокорных женщин, отрицающих власть (мужа и государства) и нормы морали (подчинение католическим священникам зачастую описывалось как адюльтер), и феминизированных мужчин, лишившихся мужской рациональности и подавляемых страстям – ведь в противном случае они, следуя доводам разума, выбрали бы истинную (читая – протестантскую) веру. Чтобы избежать обвинений в том, что католики подстрекают женщин отбросить надлежащий порядок вещей, в биографиях описывались идеальные взаимоотношения женщин-католичек с мужским миром, их подчинение власти отца

---

⁶¹The Life of Mrs. Dorothy Lawson. Newcastle-upon-Tyne, 1855; The Life of Lady Anne Countesse of Arundell and Surrey. L. 1877.

⁶²The Lady Folkland: Her Life by One of Her Daughters. Berkeley, 1994.

и мужа, настолько, насколько оно не противоречило их религиозному долгу⁶³.

Кроме того, выходявшие из-под пера католических полемистов тексты, предназначавшиеся для публикации – как памфлеты, так и «благочестивые биографии» – несли в себе полемический заряд. В создававшихся проповедниками «благочестивых» биографиях и жизнеописаниях мучениц за веру выстраивались модели женского поведения для единоверцев. Подобные биографии были неотъемлемой частью религиозной полемики того времени, очерчивавшей границы «своего» конфессионального сообщества и определявшего модели поведения его членов, противопоставленные «хаосу» еретиков или идолопоклонников, подрывавших устои патриархального миропорядка. Поэтому любые отклонения от предписанных норм женского смирения и покорности не должны были появляться на страницах подобных текстов, даже если речь шла о социальных практиках, необходимых для общины и поощрявшихся духовенством. В биографии леди Магдален Монтегю, изданной в 1627 г., (и переведенной на немецкий язык под красноречивым заглавием «Зерцало женщины»⁶⁴) отсутствовали упоминания о том, что виконтесса принимала роды у женщин своей свиты и жен арендаторов и крестила их детей с тем, чтобы они могли избежать крещения по протестантскому обряду, хотя из других источников известно, что она поступала так с согласия и благословения своего капеллана⁶⁵.

«Хроника» сильно отличается от других посвященных женщинам текстов тем, что такого рода информация не подверглась здесь серьезному редактированию. Причиной тому, по моему мнению, является то обстоятельство, что «Хроника» не создавалась как полемический текст и не предназначалась

---

⁶³ См. *Dolan F.E.* Whores of Babylon: Catholicism, Gender, and Seventeenth-Century Print Culture. Ithaca, 1999.

⁶⁴ The Life of Lady Magdalene Montague, 1627; *Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das leben der ... Frawen Magdalena [Browne], Marggräfin zu Scharpffenberg, Augspurg, [1611.]*

⁶⁵ British Library, Harleian MS 6998. P.143

О.И. Тогоева

Жанна д'Арк между католиками и протестантами во Франции XVII в.

Сюжет, которому посвящена данная статья, насколько можно судить, является практически неисследованным в историографии эпопеи Жанны д'Арк. С одной стороны, это кажется странным: источник, о котором пойдет речь ниже, опубликован впервые еще в конце XIX в. и хорошо известен специалистам по *études johanniques*¹. С другой стороны, отсутствие к нему интереса вполне объяснимо: полемика католиков и протестантов относительно личности Жанны д'Арк и ее особой роли во французской политической и религиозной истории имеет самое непосредственное отношение к проблеме святости, к постепенному формированию во французском обществе (его образованных кругах) восприятия девушки как святой, что, как я уже имела возможность отмечать ранее, пока не стало предметом специального исследования². Однако решение данной проблемы – исследование постепенного проевращения Жанны д'Арк в святую в глазах ее соотечественников – безусловно связано, с моей точки зрения, с рассмотрением вопроса о том, как к этой героине относились французские протестанты, и как на их исторические выкладки реагировали авторы-католики.

---

¹ Он, в частности, упоминается в наиболее полной библиографии по эпопее Жанны д'Арк, составленной Пьером Ланери д'Арком: *Lanéry d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc. P., 1894. N 1309.*

² См., к примеру: *Тогоева О.И.* Как Жанна д'Арк стала ангелом: споры современников, мнение потомков (XV-XIX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2010. Вып. 18. С. 61-83.

Формирование протестантской историографии во Франции пришлось на период, последовавший за Религиозными войнами, т.е. на конец XVI-начало XVII в., когда, по справедливому замечанию Мишеля де Серто, протестантизм из «ереси», каковым его воспринимали на протяжении практически всего предшествовавшего столетия, превратился во вполне официальную «религию», право на существование которой уже не нужно было отстаивать³. Впрочем, даже в этот период сочинения историков-протестантов носили, скорее, «частный», мемуарный характер, трактуя преимущественно события Религиозных войн и историю участия в последних самого автора, его покровителей и/или его семьи. Таковы были, к примеру, «Мемуары» Жана де Мерже, в 1554-1589 гг. принимавшего участие в религиозных столкновениях в Сантонже⁴, или «История Франции» Анри де Ла Попелиньера, изданная в 1581 г. и охватывавшая период с начала Религиозных войн и до конца 70-х гг. XVI в.⁵ Исследований всеобщей истории Франции в этот период авторами-протестантами создавалось крайне мало (особенно в сравнении с авторами-католиками, для которых XVI в. стал периодом расцвета жанра исторических сочинений⁶). Среди них следует, в частности, назвать «Историческую библиотеку» Николя Винье, историографа Генриха III, начавшего работать над своим

---

³ *Certeau M. de. Christianisme et "modernité" dans l'historiographie contemporaine // Certeau M. de. Le lieu de l'autre. Histoire religieuse et mystique. P., 2005. P. 21-43, здесь P. 22-23.*

⁴ *Mémoires militaires di sieur M., sur les guerres de Flandre et la guerre de religion en Saintonge, faits en 1613. Troyes, 1619.*

⁵ *La Popelinière H. de. Histoire des troubles et guerres civiles en France pour le fait de la religion, depuis 1555 jusqu'en 1581. La Rochelle, 1581.*

⁶ Согласно подсчетам Шарля Болье, между 1550 и 1610 гг. их было опубликовано свыше 650: *Beaulieux C. Histoire et historiens // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle / Sous la dir. de M. Simonin. P., 2001. P. 604-606.*

главным произведением, еще будучи протестантом⁷, а также «Общий свод истории Франции» Жана де Серра, также являвшегося с 1596 г. королевским историографом, но уже при дворе Генриха IV, посвятившего достаточно много внимания Жанне д'Арк и давшего вполне взвешенную оценку ее деятельности⁸. К особенностям его восприятия эпопеи французской героини мы обратимся чуть ниже, а пока следует отметить, что в целом история последней не вызывала у авторов-протестантов конца XVI-начала XVII вв. особого интереса. Тем ценнее оказывается для нас источник, к анализу которого мы теперь обратимся.

Речь идет о корпусе писем, которыми в 1646-1648 гг. обменялись французская писательница Мадлен де Скюдери, основатель и первый пожизненный секретарь Французской Академии Валентин Конрар, известный протестантский министр, профессор Лейденского университета, а впоследствии ректор коллежа в Бреде Андре Риве и племянница последнего, Мари дю Мулен⁹. Данная переписка сохранилась в архиве Андре Риве в Голландии, где и была обнаружена в конце XIX в.¹⁰ Поводом к ее началу послужили

---

⁷ Bibliothèque historique de Nicolas Vignier. P., 1587. О Н. Винье и его отношении к Жанне д'Арк см. прежде всего: *Huppert G.* The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Chicago-L., 1970. P. 82-132, 203-206.

⁸ *Serre J. de.* Inventaire général de l'histoire de France. P., 1597.

⁹ Об участниках данной переписки см., в частности: *Schapira N.* Un professionnel des lettres au XVIIe siècle. Valentin Conrart: une histoire sociale. Seysell, 2003. P. 352-364; *Baar M. de.* "God has chosen you to be a crown of glory for all women!". The international network of learned women surrounding Anna Maria van Schurman // "I have had heard about you". Foreign Women's Writing Crossing the Dutch Border / Ed. by S. van Dijk, P. Broomans, J. van der Meulen, P. van Oosrum. Hilversum, 2004. P. 108-135 (там же – литература по теме).

¹⁰ *Un tournois de trois pucelles en l'honneur de Jeanne d'Arc. Lettres inédites de Conrart, de Mlle de Scudery et de Mlle du Moulin / Publ. par MM. Ed. de Barthélemy et René Kerviler. P., 1878.*

более ранние письма Риве, которыми он обменивался в 30-40-е годы XVII в. с протестанткой Анной Марией ван Шурман, нидерландской поэтессой и ученым, первой женщиной, окончившей университет, знавшей 14 древних и новых языков и обладавшей глубокими познаниями в самых разных областях – истории, праве, литературе, богословии, географии и астрономии¹¹. Переписка Шурман и Риве велась на латыни, но в 1646 г. она была переведена на французский и издана в Париже Гийомом Кольте под названием «Наиглавнейший вопрос о том, необходимо ли девушкам получать образование»¹². Иными словами, переписка двух ученых протестантов касалась роли женщин в современном им обществе и подобающих им занятий.

Именно здесь, в письме от 18 марта 1638 г., Риве, в частности, касался истории Жанны д'Арк и отмечал, что в Орлеане до сих пор почитают ее как освободительницу города и вторую Афины Палладу. Тем не менее, писал он далее, он также знал, что самые большие почитатели ее военных талантов, а также самые злые ее ненавистники говорят о ее достоинстве и чистоте с большим сомнением¹³. Иными словами, Риве высказывал сомнения в том, что девушка, находясь постоянно в войсках, т.е. среди солдат, могла сохранить невинность. Подобная трактовка событий прошлого не являлась новой для французской историографии, представители которой в XVI в. далеко не всегда

---

¹¹ *Baar M. de. Op. cit.*

¹² Question célèbre s'il est nécessaire ou non que les filles soient sçavantes, agitée de part et d'autre par Mademoiselle Anne Marie de Schurman... et le Sr André Rivet, le tout mis en françois par le Sr Colletet. P., 1646.

¹³ "Je sçais bien que nostre ville d'Orleans la respecte encore comme sa liberatrice, et que tout son peuple l'estime une seconde Pallas. Mais aussy sçay-je bien que les plus grands adoreurs de sa vaillance, et ceux qui sont le plus ialoux de sa gloire ne parlent de son honneur et de sa chasteté qu'avec beaucoup d'incertitude" (Ibidem. P. 41-68, здесь P. 60-61).

придерживались провиденциалистского взгляда на историю. Наиболее полно «рациональное» видение эпопеи Жанны д'Арк было изложено в сочинении католика Бернара де Жирара дю Айяна «О состоянии и успехах Франции», первое издание которого вышло в 1570 г. Дю Айян полагал, что не следует расценивать появление Жанны на политической сцене как удивительное событие, тем более, как чудо, явленное самим Господом. С его точки зрения, девушка была всего лишь игрушкой в руках ближайших советников Карла VII, использовавших ее в собственных целях¹⁴. Он также подозревал, что Жанна являлась любовницей одного из капитанов королевского войска¹⁵. Тем не менее, не широко известное сочинение дю Айяна¹⁶, а краткое замечание Андре Риве вызвало негодование м-ль де Скюдери, получившей «Наиглавнейший вопрос» от Валентина Конрара и пожелавшей встать на защиту французской героини. Любопытно при этом отметить, что самому протестантскому министру Скюдери писать не стала. Она сочинила небольшой трактат (письмом его в силу немалого объема назвать

---

¹⁴ “Ainsi ces Seigneurs l'instruisirent auparavant de tout ce qu'elle devoit respondre aux demandes qui...lui seroient faites...Quelques uns trouvent mauvais que ie die ceci, d'autant que c'est oster à nos François une opinion qu'ils ont si longuement eu d'une chose sainte et miraculeuse, pour la convertir en fable. Mais ie l'ai voulu dire, pource qu'ainsi a esté descouvert par le temps; item, ce n'est chose si importante, qu'on la doive croire comme article de foy” (*Haillan B. de Girard du. De l'estat et succez des affaires de France. Lyon, 1596. P. 238.*)

¹⁵ “Aucuns disent que ceste Ieanne estoit la garce de Iean bastard d'Orleans, autres du sieur de Baudricourt, et autres de Poton” (*Ibidem. P. 237.*)

¹⁶ За 1570-1619 гг. книга выдержала 12 изданий: *Lanéry d'Arc P. Op. cit. N 88.* После публикации “De l'estat et succez”, а также проекта написания всеобщей истории Франции дю Айян получил от Карла IX пост официального историографа королевства: *Beaulieux C. Du Haillan, Bernard de Girard // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle. P. 424-426.*

представляется весьма затруднительным) и 1 декабря 1646 г. отправила его Конрару, бывшему протестантом и поддерживавшему личную переписку с Риве.

Весь последующий обмен письмами между заинтересованными сторонами – м-ль де Скудери и племянницей Риве, м-ль дю Мулен – также велся не напрямую, а через Конрара, которому обе отправляли свои послания. Таким образом, секретарь Французской Академии выступал в данном споре (или, как он сам называл его, «маленьком судебном процессе»¹⁷) третейским судьей.

Спор двух дам о Жанне д'Арк любопытен для нас с разных точек зрения. Прежде всего – это размышления о том, чем пристало, а чем не пристало заниматься девушке, по мнению двух образованных женщин XVII в., принадлежавших к разным религиозным общинам. Данная полемика, как мне представляется, была отзвуком спора, который шел на протяжении всего XVI в. и получил название «Спора о женщинах» (*Querelle des femmes*), являясь логичным продолжением средневекового «Спора о Розе»¹⁸. С учетом изменившихся условий в XVI в. полемика разворачивалась по нескольким основным направлениям, среди которых следует прежде всего назвать обсуждение вопросов о свободе волеизъявления женщин, об их моральной реабилитации, о возможности получения ими образования, о возможности общения женщин между собой и, наконец, о реальном положении женщины в современном ей обществе, ее

---

¹⁷ «Ce n'est pas que je croye qu'il faille faire davantage d'écritures sur ce petit procès» (*Un tournois de trois pucelles*. P. 54).

¹⁸ См. о нем прежде всего: *Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col. Le débat sur le Roman de la Rose* / Ed. par E. Hicks. P., 1977; *Badel P.-Y. Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre*. Genève, 1980. P. 411-489; *Smith G.L. Jean de Meun in the "Cité des Dames": Author versus Authority // Fifteenth Century Studies*. 2010. N 35. P. 132-142 (там же – новейшая литература по теме).

отношениях с мужчиной, ее равноправии с ним¹⁹. Именно этот, последний вопрос более всего, как кажется, волновал двух наших корреспонденток.

Второй, причем наиболее значимой темой данной полемики стало отношение м-ль де Скюдери и м-ль дю Мулен к самой Жанне д'Арк и их различное понимание того, кого и на каких условиях следует признавать святым. В этом вопросе особенно важной оказывалась конфессиональная принадлежность спорящих сторон, поскольку в отличие от всех предыдущих французских писателей (к какому бы жанру их сочинения ни относились) в данном случае у автора-католика (Скюдери) возникла необходимость подробнейшим образом *обосновать* собственное восприятие французской героини как святой, указать *конкретные причины*, по которым ее можно было считать таковой. Иными словами, перечислить *признаки* ее святости. Именно этому вопросу и были в целом посвящены все письма м-ль де Скюдери, написанные ею в ходе полемики с противниками данного тезиса – протестантами Андре Риве и Мари дю Мулен.

Проблема, с точки зрения Скюдери, заключалась в том, что Риве, усомнившийся в личных добродетелях Орлеанской Девы, был – как и англичане, которые в свое время являлись противниками французов и самой Жанны – протестантом. Его вера, по мнению писательницы, не позволила ему понять суть самого феномена Жанны и признать ее святость²⁰, а также побудила его отнестись к девушке «негуманно» и поставить под вопрос ее целомудрие и невинность²¹.

---

¹⁹ Winn C.H. *Féminisme // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle*. P. 510-514 (там же – литература по теме).

²⁰ “Ce n'est pas que je ne croye qu'estant de mesme religion que les Anglais...cette conformité luy fait haïr la mémoire de celle qui les battit” (Un tournois de trois pucelles. P. 18).

²¹ “Il me pardonnera...si je l'accuse d'un peu d'inhumanité et de préoccupation d'avoir voulu mettre en doute la pureté de cette innocente bergère” (Ibidem. P. 17).

Важным, с точки зрения Скюдери, являлось и знакомство с источниками по эпопее Жанны д'Арк: в своем первом письме, полностью посвященном проблеме святости французской героини, она укоряла Риве в их плохом знании. В отличии от протестантского министра сама она уделила этим текстам большое внимание, прочла как сторонников, так и противников Жанны д'Арк и на основании их сочинений пришла к одному-единственному возможному выводу: Жанна являлась настоящей посланницей Свыше²², святой воительницей, избранной Господом в качестве ангела-воителя для избавления Франции от врагов²³.

Что заставляло м-ль де Скюдери думать, что в случае Жанны д'Арк речь идет о святой? Прежде всего, по ее мнению, на это указывали личные качества девушки, развернутый перечень которых писательница приводила в своем первом послании-трактате. Она писала о «невинности» ее образования, что подразумевало прежде всего наставление в истинной вере. Она упоминала скромность поведения Жанны, простоту ее обращения с окружающими, чистоту ее нравов, скромность в одежде (отсутствие стремления к роскоши), то малое внимание, которое она уделила факту аноблирования ее семьи, заботу о чистоте нравов в армии²⁴.

---

²² «Je m'en suis informée à tous ceux qui m'en pouvoient apporter des nouvelles: j'ai escouté ses ennemis aussy bien que ses amis...j'ay examiné autant que j'ay peu faire toute la conduite de sa vie avec une exactitude extrême; et après cela j'ay trouvé que cette personne estoit une personne envoyée du ciel” (Ibidem. P. 20).

²³ “De qui Dieu voulut se servir comme d'un ange exterminateur pour chasser les ennemis de son royaume et pour delivrer sa patrie” (Ibidem. P. 17).

²⁴ “L'innocence de son éducation, la modestie de ses regards, la simplicité de ses paroles, la pureté de ses moeurs, le peu de magnificence de ses habillements, le peu d'ambition qu'elle témoigna pour l'agrandissement de sa famille, le soin qu'elle eut de faire chasser de l'armée toutes les personnes infâmes qui s'y trouvèrent” (Ibidem. P. 20). Под изгнанием из армии «недостойных личностей» подразумевалось изгнание проституток – сюжет, получивший во

Иными словами, Скюдери видела в своей героине все возможные достоинства, которыми, с точки зрения творцов доктрины *discretio spirituum*, должны были обладать люди, претендовавшие на звание истинного пророка - Божьего избранника, святого, устами которого говорил сам Господь²⁵.

Для первой половины XVII в. интерес к доктрине *discretio spirituum* был вполне закономерным, если учесть, что именно этот период в современной историографии принято называть «католическим Возрождением»²⁶. Это было время, когда французская католическая церковь, пережившая трудности времен Религиозных войн, пыталась активно наверстать упущенное, отстоять собственные позиции и собственную доктрину. С этим процессом был связан, в частности, повышенный интерес к проблеме святости, попытки создания новых национальных святых²⁷. Канонизационные процессы, практически исчезнувшие из французской церковной практики в XVI в., вновь стали набирать силу в XVII в.²⁸ Эта общая тенденция находила

французских источниках большую популярность и основывавшийся на показаниях герцога Алансонского на процессе по реабилитации Жанны д'Арк в 1455-1456 г.: "Dicit insuper quod ipsa Johanna erat casta, et multum odiebat illas mulieres que sequebantur armatos. Vidit enim ipse loquens, in Sancto Dionysio, in regressu coronationis regis, quod ipsa Johanna prosequebatur cum ense evaginato quamdam juvenulam existentem cum armatis, adeo quod, eam insequendo, dirupit suum ensen" (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. 5 vol. P., 1977-1988. T. I. P. 387).

²⁵ О доктрине *discretio spirituum* подробнее см.: Тогоева О.И. Указ. соч.

²⁶ Термин Люсьена Бели: *Bély L. La France moderne, 1488-1789. P., 2006. P. 328.*

²⁷ «Веком святых» назвал XVII в. во Франции Люсьен Бели, писавший, что не менее 22 французов, родившихся в этом столетии, были впоследствии канонизированы: *Ibidem. P. 327-328.*

²⁸ Как отмечает Сьюзан Брумхолл, на протяжении 65 лет, начиная с 1523 г., католической церковью не было канонизировано ни одного святого. Первая канонизация – святого Диего де Алькала –

явное отражение и в сочинениях, в той или иной степени затрагивавших эпопею Жанны д'Арк. Многие авторы конца XVI-первой половины XVII в. прямо называли девушку святой. Наиболее показательной, с этой точки зрения, следует признать так называемую «Хронику Анонциады», созданную в 50-60-е гг. XVI в. и посвященную истории возникновения самого ордена Анонциады (Благовещения), а также жизни его основательницы – Жанны Французской²⁹. Собственно, хроника и предназначалась прежде всего для возможной канонизации последней – тем более интересно, что наряду с официальными святыми, которым автор – сестра ордена Франсуаза Гуйяр – уподобляла свою героиню (к примеру, Людовику Святому), в ее тексте нашлось место и Жанне д'Арк, почитавшейся автором святой за ее долготерпение и активное участие в боевых действиях за правое дело³⁰. Тем не менее, никакой развернутой характеристики святости французской героини Гуйяр не приводила.

Точно так же действовал и Жан Шаплен, работавший над поэмой «Девственница, или Освобожденная Франция» с 30-х гг. XVII в. и опубликовавший в 1657 г. 12 первых песен: из 202 эпитетов, использованных здесь, определение «святая»

состоялась в 1588 г., в тот же год, когда папа Сикст V, исполняя решения Тридентского собора, создал Конгрегацию обрядов, призванную выработать стандартную процедуру канонизации и определить отличительные черты истинных святых: *Broomhall S. Women and Religion in 16th-century France*. N.-Y.-L., 2006. P. 50.

²⁹ Подробнее о самом ордене и «Хронике Анонциады» см.: *Drèze J.-F. Raison d'Etat, raison de Dieu: politique et mystique chez Jeanne de France*. P., 1991; *Broomhall S. Op. cit.*

³⁰ «La dite Pucelle fist de grandes vaillences et eust en bataille de grandes victoires es villes d'Orleans, de Paris et autres lieux, lesquelles nous laissons a cause de briefveté a desclarer, sinon que c'estoit chose divine qui faisoit en elle ce que les hommes ne pouvoit faire... Aussi sa vie estoit tant bonne et sainte comme dit est» (*Guyard F. La Chronique de l'Annonciade / Ed. par J.-F. Bonnefoy. P., 1937. P. 57-58*).

применительно к Жанне д'Арк повторялось 96 раз³¹. Любопытно, что именно на Шаплена как на главного «специалиста» по святости своей героини постоянно ссылались в письмах м-ль де Скюдери, очевидно, хорошо знакомая с первыми частями поэмы, ходившими в литературных кругах Парижа в списках³². Однако Шаплен, как и Франсуаза Гуйар, как и другие авторы XVI-начала XVII вв., не уделял внимания собственно *доказательствам* святости Жанны д'Арк. Для него это был факт, не требовавший никаких дополнительных подтверждений. Совсем иначе дело обстояло с Мадлен де Скюдери, которой необходимо было в данном вопросе противостоять протестантам. А потому, помимо перечисления качеств истинного пророка, делавших из ее героини святую, писательница особое внимание уделила «знакам» избранности Жанны, то есть чудесам, которые та якобы совершила, лично продемонстрировав Божественный характер своей миссии.

Прежде всего – как и многие ее предшественники – она останавливалась на главном, с ее точки зрения, «откровении» французской героини – узнавании дофина Карла при их первой встрече в Шиноне³³, что стало возможным, по мнению

---

³¹ На втором месте стояла «Дева» (71 упоминание), на третьем – «воительница» (35 упоминаний): Michaud-Fréjaville F. *Personne, personnage: Jeanne d'Arc en France au XVIIe siècle // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. N 12 spécial: Une ville, une destinée: Recherches sur Orléans et Jeanne d'Arc. En l'honneur de Françoise Michaud-Fréjaville. P. 231-248, здесь P. 246.*

³² “Cette sainte fille dont nostre illustre amy, M. Chapelain, chante la gloire avec tant d'esclat” (Un tournois de trois pucelles. P. 17); “Nostre sainte amazone qui est devenue fille par adoption de M. Chappelain” (Ibidem. P. 20).

³³ О возникновении данной легенды см., к примеру: Райцес В.И. «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2003 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42-59;

Скюдери, исключительно при помощи Свыше³⁴. В подобной трактовке событий писательница была совершенно уверена и достаточно резко критиковала Жана де Серра, указывая, что его приверженность протестантизму не позволила ему допустить возможность вмешательства святых в дела людей³⁵.

Столь же чудесным явлением представлялась Скюдери и та участь, что постигла судей Жанны д'Арк после ее казни: как она полагала, все они умерли страшной смертью³⁶. Эта идея не являлась выдумкой самой писательницы, в данном случае она следовала давней традиции, берущей начало еще в

Тогоева О.И. Событие и его интерпретации: «свидание в Шиноне» // Диалог со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 467-494.

³⁴ “Sans parler mesme de ses révelations, de la cognoissance qu'elle eust du roy d'une façon merueilleuse” (Un tournois de trois pucelles. P. 20).

³⁵ “En effet dans l'histoire de France que de Serres a faicte, vous voyez l'injustice de sa condamnation sy claire que l'on n'en sçauroit doubter...Celuy qui deffend cette sainte fille...n'approuvoit par l'intercession des saints. Il estoit de la religion de M. Rivet” (Ibidem. P. 21). Жан де Серр действительно более сдержанно излагал эпизод с узнаванием дофина Карла: “Le Roy prend l'habit d'un villageois pour se desguiser. Ceste fille, introduite en la chambre, va trouver droit le Roy en cest habillement, le saluë d'une contenance autant civile, comme se elle eust esté nourrie à la Cour toute sa vie. Comme on luy dit qu'elle se mesprenoit elle asseura que c'estoit le Roy...Commence à luy discourir de ce nouveau commandement qu'elle disoit avoir du Dieu du ciel. Elle convertira foy et les yeux, et les esprits de tous” (*Serre J. de. Op. cit. P. 288*).

³⁶ “Il estoit mort en cette personne une fidelle chrestienne qui seroit sans doute cause de la perte de ceux qui l'avoient condanné, comme en effet et vous sçavez qu'ils périrent tous misérablement. L'évesque de Beauvais mourut d'une façon toute extraordinaire; le promotcur...fust chassé par les Anglois et mourut de désespoir et de confusion; peu de jours après un autre fut frappé de cette maladie terrible dont jamais personne n'a guéri sans miracle, et tous enfin par une mort précipitée ont donné une instruction forte et convaincante que la vie de l'illustre Jeanne a esté sans tache” (Un tournois de trois pucelles. P. 22).

сочинениях конца XV в. – «Джиневере знаменитых дам» Джованни Сабудино дельи Арьенти 1483 г. и «Истории знаменитых дам» Джакомо Филиппо Форести да Бергамо 1497 г.³⁷. Позднее данная легенда охотно воспроизводилась и во французских сочинениях: в «Больших анналах» Франсуа де Бельфоре 1579 г.³⁸, «Деяниях Жанны д'Арк, Орлеанской Девы» Леона Триппо 1583 г.³⁹, в «Орлеанской девственнице» Франсуа д'Обиньяка 1642 г.⁴⁰ и в «Истории Франции» Франсуа де Мезере 1646 г.⁴¹. Однако никто из этих авторов, в отличие от Мадлен де Сюдери, не рассматривал ужасную судьбу судей Жанны как чудо, явленное самой девушкой.

Не менее важное (а, может быть, и самое главное) доказательство святости Жанны писательница усматривала в ее девственности. Особый упор на этом сюжете Сюдери делала не только потому, что именно он всегда оставался наиболее дискуссионным в эпопее Жанны д'Арк⁴², но и потому, что для

³⁷ "Per la qual cosa condannarano li dui viventi consiglieri et le ossa di defonti nel foco, publicando li loro beni" (*Sabadino de li Arienti J. Gynevera de le Clare Donne / A cura di C. Ricci e A. Bacchi della Lega. Bologna, 1888. P. 113*); "Atque hic damnationi additum est ut duorum aliorum iudicum mortuorum ossa, e sepulchris effossa, igni similiter concremata" (*Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841-1849. T. 4. P. 528*).

³⁸ *Belleforest F. de. Grandes annales, et Histoire generale de France. P., 1579. Fol. 1100v.*

³⁹ *Trippault L. Ioannae Darciae Obsidionis Aurelianae liberatricis res gestae, imago, et iudicium. Les faits, Pourtraict et iugement de leanne d'Arc, dicte la pucelle d'Orleans. Orléans, 1583. P. 35.*

⁴⁰ *Aubignac F.H. d'. La pucelle d'Orleans: tragédie en prose. P., 1642. P. 162-167.*

⁴¹ *Mezeray F.E. de. Histoire de France depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le juste. 3 vol. P., 1685. T. 2 P. 619.*

⁴² См. об этом, в частности: *Тогоева О.И. Блудница и город: казус Жанны д'Арк // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2004 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 6. М., 2005. С. 237-271; Она же. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // Власть и образ. Очерки*

протестантов проблема девственности являлась одним из важнейших религиозных вопросов, в частности, применительно к трактовке образа Девы Марии. Собственно, и критика поведения французской героини со стороны Андре Риве касалась именно ее распущенности, первым признаком которой он почитал пребывание Жанны в армии.

Скюдери всячески укоряла своего оппонента за подобную интерпретацию событий. Она писала, что те библейские примеры, которые он приводил в подтверждение собственных слов (истории Деборы и Иавели), напротив, свидетельствуют не о распущенности библейских героинь и не об утрате ими невинности, но о том, что любая женщина способна заниматься в том числе и ратным делом, оставаясь при этом чистой и непорочной, если на это дело ее направил Господь⁴³. Для самой Скюдери Жанна являлась второй Афиной Палладой, девой-воительницей⁴⁴, а вовсе не какой-нибудь фривольной героиней Тассо или Ариосто, то есть не героиней-любовницей⁴⁵. Ту же мысль она развивала и в своем втором письме (написанном в начале 1647 г.), где подробно останавливалась на историях Зенобии, Артемис, Агриппы и Пентесилеи, каждая из которых участвовала в военных действиях, что, однако, не помешало им сохранить свою

потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 207-232.

⁴³ "Il nomme deux femmes de l'écriture qui n'ont pas esté deshonorées pour avoir employé des armes et pour avoir tué des hommes...En effet, en l'histoire de deux femmes que M. Rivet a nommées qui sont...Débora et Jahel, on n'y voit rien qui ne soit fort opposé à cette bienséance dont je parle... Dieu a ses regles à part et lorsqu'il se mesle d'une chose, ce n'est plus aux hommes à s'en mesler" (Un tournois de trois pucelles. P. 23-24).

⁴⁴ "La fable grecque et romane... voulant nous représenter la Pudicité, a creu mesme ne le pouvoir mieux faire qu'en la dépeignant armée en la personne de Pallas" (Ibidem. P. 70-71).

⁴⁵ "Les Clorindes, les Marphises et les Bradamantes ne me semble aymables dans le Tasse et dans l'Arioste" (Ibidem. P. 23-24).

чистоту⁴⁶. Им она противопоставляла Елену, Флору и Клеопатру, красота которых привела к войне и хаосу, хотя сами они воинами не были. «Пентесилея лучше жены Менелая,» – восклицала Мадлен де Скюдери⁴⁷.

Писательница сравнивала девушку с библейской Юдифью, в чьей чистоте также можно было бы усомниться⁴⁸, хотя на самом деле и в данном случае героиней руководил Господь⁴⁹. А ведь Жанна, продолжала далее писательница, находилась даже в лучших условиях, нежели Юдифь: на протяжении всей ее военной карьеры девушку повсюду сопровождали братья, которые оберегали ее от посторонних мужчин⁵⁰. Наконец, у Жанны имелось прозвище, само по себе

⁴⁶ “Après tous, je ne voy pas que toutes les vaillantes ayent eu le malheur d'estre soupçonnées d'impurité” (Ibidem. P. 69).

⁴⁷ “Mais au contraire, j'ay remarqué que toutes les personnes de son sexe de qui la vie a eu le plus de dérèglement dans l'Antiquité et de qui la beauté a rendu les crimes fameux n'ont point este guerrières, comme Hélène, Flore, Cléopatre, Faustine, et tant d'autres; et qui si Homère attribue des sentimens peu vertueux à cette belle et infidèle femme de Ménélas, il y en a d'autres qui en donnent de plus raisonnables à Pentasilée” (Ibidem. P. 70).

⁴⁸ “Il est certain qu'à juger des choses par les apparences humaines, l'action de Judith pouvoit estre plus propre à estre mal expliquée que celle de nostre guerrière” (Ibidem. P. 28). Данная фраза указывала на прекрасное знание Мадлен де Скюдери различных средневековых трактовок образа Юдифи, которая далеко не всегда представляла в текстах целомудренной вдовой. См. подробнее: *Тогоева О.И.* Блудница и город.

⁴⁹ “Pour faire voir que sur des simples apparences il ne faut pas tirer des mauvaises conjectures contre des personnes choisies dont Dieu se veut servir pour des grandes choses...je me serve encore de la courageuse Judith...affin de faire paroistre à M. Rivet que s'il eust en la mesme indulgence pour la Pucelle que les habitans de Béthulie eurent pour cette sainte vefve, il n'en auroit pas parlé comme il a fait” (Un tournois de trois pucelles. P. 26).

⁵⁰ “Puisque si l'illustre Jeanne fust à la cour et à l'armée, elle y fust sous la conduite de ses frères qui ne l'abandonnèrent jamais” (Ibidem).

свидетельствовавшее о том, что ее невинность осталась неприкосновенной⁵¹.

Таким образом, делала вывод м-ль де Скуюери, Риве обязан был прекратить порочить образ святой воительницы Франции⁵², поскольку (и здесь Скуюери вновь возвращалась к своей излюбленной теме незнания протестантским министром основополагающих источников по эпохее Жанны д'Арк) он даже не читал важнейший трактат по данному вопросу – “De mirabili victoria” Жана Жерсона, как раз и посвященный превращению женщины в воина и его целесообразности⁵³. Для самой же Скуюери смена Жанной женского платья на мужское прочитывалось посредством весьма интересной аллегории: она полагала, что Жанна, которой руководил Господь, обрела свой образ, сменив платье пастушки на одежду воина, как настоящий ангел, который может стать видимым, обретя тело⁵⁴.

Наконец, последним доказательством святости Жанны д'Арк для Мадлен де Скуюери оказывалась мученическая смерть девушки на костре. При этом Жанна, по мнению писательницы, выступала не в роли «обычной» мученицы за веру (что являлось одним из наиболее ранних типов святости в христианской и, в частности, в католической церкви⁵⁵), она

Р. 28). Подобная трактовка событий впервые, насколько можно судить, была дана Франсуа де Мезере: *Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 614-615.*

⁵¹ “Je diray encore que ce fameux nom par lequel elle a esté sy connue et que ses plus grands ennemys ne luy ont pas osté dans leurs histoires faist quasy voir son innocence” (Un tournois de trois pucelles. P. 37).

⁵² “Que M. Rivet cesse donc d'accuser la sainte guerrière d'un crime si opposé à sa modestie” (Ibidem. P. 30).

⁵³ “L'apologie qu'en a faicte le grand Gerson” (Ibidem. P. 30).

⁵⁴ “Pourquoy ne voulez-vous pas que Dieu qui vouloit opérer de si grandes choses par le moyen de cet ange visible luy ait permis non pas de se former un corps... mais de changer ses habillemens de bergère en ceux de redoutable héros” (Ibidem. P. 33).

⁵⁵ Подробнее о нем см.: *Vaucher A. La saintété en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988. P. 186-203.*

страдала и «славно и свято» умерла во имя своей военной миссии⁵⁶.

Таким образом, для м-ль де Скюдери недостаточно было лишь контактировать с святостью Жанны д'Арк. Она выстраивала целую систему доказательств своего тезиса и была совершенно уверена в собственном мнении, приводя в заключении к своему первому письму ссылку на, возможно, самого главного французского католического авторитета – кардинала Ришелье, который, по мнению писательницы, так почитал Жанну д'Арк, что пожелал, чтобы ее портрет висел в галерее его дворца⁵⁷.

Трактат Мадлен де Скюдери о Жанне д'Арк являлся таким образом настоящим панегириком французской героине

⁵⁶ “Ce n'est pas que l'on ne puisse dire que Dieu ne pouvoit rien de plus avantageux pour la sainte que de luy accorder la couronne de martyr; elle ne mouroit pas pour la foy, mais elle mouroit pour soutenir sa mission, et de cette sorte, elle mouroit glorieusement et saintement” (Un tournois de trois pucelles. P. 35).

⁵⁷ “En nostre siècle le plus grand ministre d'Etat qui fust jamais a bien voulu que son portrait fust placé dans sa galerie au mesme rang de plus excellens hommes qui ayent soutenu la puissance de la monarchie” (Ibidem. P. 38-39). Насколько можно судить по источникам XVII в., такой портрет действительно существовал. Гравюра, выполненная с него, присутствовала в сборнике Вюльсона де ла Коломьера 1648 г.: *Vulson, sieur de la Colombière. Les portraits des hommes illustres françois, qui sont peints dans la Galerie du Palais Cardinal Richelieu*. P., 1648. P. 83. Стихотворное описание портрета дал в 1646 г. Бенинь Григет: *Grigette B. Eloges des hommes illvstres peints en la gallerie dv Palais Roial*. Dijon, 1646. P. 29-31. Тем не менее, Мадлен де Скюдери, видевшая в Жанне д'Арк святую и ссылавшаяся при этом на кардинала Ришелье, несколько грешила против истины. Жанна, очевидно, интересовала Ришелье прежде всего как герой, многое сделавший для утверждения французской монархии наряду с аббатом Сугерием, Симоном де Монфором, Бертраном Дюгекленом, Жаном Бусико, Жаном, бастардом Орлеанским, Анн де Монморанси, Карлом, кардиналом Лотарингским, и некоторыми другими, чьи портреты также были представлены во дворце кардинала (*Vulson, sieur de la Colombière*. Op. cit.).

(именно так назвал его Валентин Конрар⁵⁸). Да и сам он, как кажется, поддерживал точку зрения автора. Большинство людей, писал он Мари дю Мулен 28 декабря 1646 г., отправляя ей опус Скюдери, почитают Жанну д'Арк как святую⁵⁹. Однако племянница протестантского министра (и сама убежденная протестантка), дю Мулен имела собственное мнение на сей счет. Для нее святость представлялась явлением, скорее, институциональным, неким официальным статусом (практически должностью), присвоить который тому или иному человеку мог лишь папа римский. Общественное мнение, с ее точки зрения, не играло в данном процессе никакой роли, а потому м-ль де Скюдери, сколь прославленной и образованной она ни была (в одном из более поздних писем дю Мулен сравнивала ее с мудрой Афиной⁶⁰), не имела права наделять Жанну д'Арк подобным званием.

Именно в этом – самоличном провозглашении Жанны святой, в буквальной канонизации ее – и обвиняла Мари дю Мулен свою оппонентку-католичку⁶¹. «Потерпит ли папа (такое самоуправство)?» – спрашивала она у Валентина Конрара в ответном письме ему⁶². Для самой же дю Мулен проблема восприятия французской героини лежала совершенно в иной плоскости. Важнее для нее (как и для ее дяди – министра Риве, на которого она постоянно ссылалась) оказывалось понять, чем может, а чем не может заниматься молодая девушка. Литературное творчество представлялись им прекрасным занятием для молодой женщины, оно было

---

⁵⁸ “Le panégyrique...de la Pucelle” (Un tournois de trois pucelles. P. 56).

⁵⁹ “Une fille que la plupart du monde tient pour une sainte” (Ibidem. P. 44).

⁶⁰ “La solidité d'élégance de son discours fait assès cognoistre qu'elle a plus demeuré en l'échole de Minerve” (Ibidem. P. 81)

⁶¹ “L'appologie que nostre élégante fait en faveur de la Pucelle qu'elle canonise en passant” (Ibidem. P. 48).

⁶² “Le pape le souffrira-t-il?” (Ibidem).

значительно лучше воинского дела, неизбежно ведущего к утрате девственности. Именно эту простую мысль, проиллюстрировав ее историей Жанны д'Арк, и хотел, по мнению Мари дю Мулен, донести до своих читателей Андре Риве в письме, столь возмутившем м-ль де Скюдери⁶³. Дю Мулен вообще не понимала, почему замечание ее дяди вызвало подобную реакцию: ведь идея об утрате французской героиней невинности в военных походах высказывалась и ранее, например, дю Айяном, который, по мнению племянницы протестантского министра, являлся «почитателем» Жанны д'Арк⁶⁴.

Любопытно, что подобная трактовка образа девушки, рассмотрение его в совершенно ином контексте, вызвало противодействие не только м-ль де Скюдери, посвятившей свое второе послание, как я уже упоминала выше, перечислению героинь прошлого, что сохранили невинность в условиях военных действий⁶⁵. Сам Валентин Конрар, первым получивший письмо дю Мулен, также призвал своих респонденток вернуться к проблеме святости, представлявшейся ему, нужно полагать, более актуальной. Правда, будучи сам протестантом, писал он о ней более сдержанно, нежели м-ль де Скюдери: в своем ответе Мари дю Мулен от 15 февраля 1647 г. Конрар лишь указывал на недопустимость именовать дю Айяна «почитателем» Жанны,

---

⁶³ “Il me semble qu'elle n'a pas compris l'intention de celui qu'elle combat qui n'a jamais eu pour but en ce qu'il a escrit de rabattre rien de la gloire de cette héroïne, mais de soutenir en général que les lettres sont un exercice plus sortable à notre sexe que les armes, plus convenable à la modestie qui doit estre en une fille...et pour preuve de son dire il s'est servi de cet exemple fort propre pour montrer que malaisément une fille pourroit manier les armes sans être soupçonnée d'impudicité” (Ibidem. P. 49).

⁶⁴ “Mesme ses admirateurs ont révoqué en doute sa chasteté comme vous l'aurez vu en du Haillan, en son livre de l'estat des affaires de France” (Ibidem).

⁶⁵ См. прим. 46.

когда на самом деле он был ее врагом⁶⁶, сама же девушка являлась для него «воином и святой»⁶⁷. В письме министру Риве от 22 февраля 1647 г. Конрар был более осторожен в своих оценках. «Совсем уж святой» он, если судить по этому посланию, Жанну не считал⁶⁸, но вместе с тем призывал своего оппонента обратить внимание на «Исследования о Франции» Этьена Паскье, начавшие выходить в 1560 г. и в полном объеме опубликованные в 1621 г.⁶⁹, мнение которого о французской героине считал значительно более взвешенным⁷⁰, нежели суждения дю Айяна, сочинение которого оценивал как совершеннейший вымысел⁷¹. Он также

---

⁶⁶ “Lipse ne du Haillan ne peuvent passer que pour ennemis de la Pucelle bien loin d’avoir esté ses adoreteurs et jaloux de sa gloire” (Un tournois de trois pucelles. P. 55). Юст Липс (Липсий) (1547-1606), известный нидерландский гуманист, историк и политический мыслитель, уделил внимание Жанне д’Арк в своей «Политике» (1589 г.). Он, как и дю Айян, полагал, что действия девушки представляли собой всего лишь обман, к которому – как к эффективному политическому средству, рассчитанному, правда, на короткое время – прибегли Карл VII и его советники (*Iusti Lipsi Politicorum sive civilis doctrinae libri sex*. P., 1596. I, 3).

⁶⁷ “Cette guerrière qui toute sainte que l’on l’estime” (Un tournois de trois pucelles. P. 54).

⁶⁸ «Quant a moy...je ne la vouldrois pas faire passer absolument pour une sainte” (Ibidem. P. 60).

⁶⁹ О трактовке образа Жанны д’Арк у Этьена Паскье см. прежде всего: *Arnould J.-C. La crise du mythe johannique entre 1570 et 1580* (E. Pasquier, F. de Belleforest, A. Thevet et quelques autres) // *Images de Jeanne d’Arc / Sous la dir. de J. Maurice et D. Couty*. P., 2000. P. 143-150.

⁷⁰ “Que feu M. Pasquier qui estoit homme de grande lecture et fort versé aux Antiquités de la France dont il a fait de si curieuses recherches, rapportant cette histoire bien plus amplement et avec beaucoup plus d’ordre et de lumière que ceux qui l’avoient précédé” (Un tournois de trois pucelles. P. 59-60).

⁷¹ “Lipse et du Haillan (qui n’estoient point ses adoreteurs, mais ses ennemis déclarés, puisqu’ils tiennent tous deux son histoire pour une fable et que ce n’est qu’en cette qualité que le dernier l’a rapportée)” (Ibidem. P. 59).

писал, что Господь позволяет некоторым представительницам слабого пола заниматься ратным делом, и именовал этих женщин «святыми амазонками», в полной мере относя к ним и Жанну д'Арк⁷². Наконец, в письме Мари дю Мулен Конрар предлагал прибегнуть к помощи еще одного третейского судьи – той самой Анны Марии ван Шурман⁷³, с письма к которой и начался весь последующий спор.

Таким образом, вторая часть переписки между Мадлен де Скюдери, Валентином Конраром, Андре Риве и его племянницей представляла собой затянувшееся ожидание ответа от ван Шурман⁷⁴. Только в мае 1647 г. Конрар получил от нее некое послание, переданное ему Мари дю Мулен, бывшей ученицей знаменитой протестантки⁷⁵. Однако ни самого письма, ни даже его краткого пересказа до нас не дошло. Единственное, что можно сказать точно: Анна Мария ван Шурман встала на защиту Жанны д'Арк, о чем свидетельствовало восторженное послание м-ль де Скюдери неизвестному адресату, написанное летом 1647 г.⁷⁶ Однако, в

---

⁷² “Car puisque cette opinion générale est que la Pucelle a esté suscitée et inspirée de Dieu et qu’il a bény son entreprise en délivrant la France par son bras, n’a-t-elle pas raison (м-ль де Скюдери – *O.T.*) de dire que le Ciel l’a dispensée, comme ces autres Saintes Amazones, de la défense qu’il avoit faite aux femmes dans la loy de prendre les habits et de faire le métier des hommes” (Ibidem. P. 62).

⁷³ “J’ay grande envie de sçavoir quel jugement cette savante Fille aura fait de la pièce que vous luy avez envoyée” (Ibidem. P. 56).

⁷⁴ О желании получить ее ответ Конрар упоминал в письмах Андре Риве от 5 апреля и 17 мая 1647 г.: Ibidem. P. 64, 76.

⁷⁵ Ibidem. P. 77-78. Об отношениях, связывавших Мари дю Мулен и Анну Марию ван Шурман см.: *Pal C. Forming families d’alliance: Intellectual Kinship in the Republic of Letters // Early Modern Women and Transnational Communities of Letters / Ed. by J.D. Campbell and A.R.Larsen. Farnham-Burlington, 2009. P. 251-280.*

⁷⁶ “Il est juste que je vous témoigne la joye que j’ay que l’illustre mademoiselle de Schurman ait été assez équitable pour ne se déclarer point contre la Pucelle” (Un tournois de trois pucelles. P. 87).

каком контексте знаменитая писательница-протестантка «прочла» образ французской героини, узнать уже, к сожалению, невозможно.

Впрочем, даже после вмешательства ван Шурман спорящие стороны остались каждая при своем мнении, и их «турнир», как назвали эту переписку издатели XIX в., не выявил победителя. Сложно также сказать, получила ли эта последняя какой-либо отклик в католической и/или протестантской среде. Насколько можно судить, система доказательств святости Жанны д'Арк, предложенная Мадлен де Скюдери, не нашла отражения в более поздних сочинениях французских католиков XVII в. Мы не увидим ее влияния ни в поэме Шаплена, для которого Жанна являлась прежде всего мученицей за веру и выдающимся героем своего времени⁷⁷, ни в первом из дошедших до нас панегириков в честь Жанны д'Арк, произнесенном в Орлеане 8 мая 1672 г. ораторианцем отцом Сено, который также почитал ее как мученицу за веру, избавившую свою страну от неверных⁷⁸.

Тем не менее, данный спор представляется весьма интересным этапом в процессе формирования образа Жанны д'Арк во Франции и, в частности, свидетельством того, что французское католическое общество уже в середине XVII в. было готово к признанию святости девушки. Поэма Жана

---

⁷⁷ Уже первая песня «Девственницы» начиналась фразой: “*Le chante la Pucelle, et la sainte Vauillance /...Triomphante Martyre, au bucher comme au fers, / Elle flechit les Cieux, et domta les Enfers*” (*Chapelain J. La Pucelle ou la France delivrée. Poëme heroïque. P., 1657. P. 1*).

⁷⁸ “L’Eglise, qui permet que son nom soit escrit dans les martirologes et qui veut bien que l’on apelle sa mort un véritable martire, *martirium Joannae Puellae* (c’est ainsi que cette mort est marquée dans le martirologe de France), l’Eglise, qui par son oracle a justifié la mémoire de Jeanne d’Arc...entend que nous la réclamions comme une sainte” (*Panégyrique de Jeanne d’Arc prononcé dans l’église Sainte-Croix d’Orléans le dimanche 8 mai 1672 / Publ. par H.Stein. Orléans, 1887. P. 23*).

И.И. Лисович

**Репрезентация теории магнетизма
в английской культуре XVII века:
У. Гилберт «О магните» и
Б. Джонсон «Магнетическая Леди»**

В античных и европейских натурфилософских, теологических, алхимических и художественных дискурсах магнит упоминается в связи с широким спектром контекстов: стремление понять онтологические причины магнетизма; при помощи аналогии с магнетизмом объяснить природные и/или божественные связи; магнетизм как метафора для репрезентации различных социальных отношений; возможность применять необычную способность камня в утилитарных целях – навигационных, астрономических, геодезических, металлургических и медицинских. Основной загадкой вплоть до XVII века в репрезентациях магнита была его уникальная способность притягивать железо, что практически всегда экстраполировалось на социальные властные отношения, которые часто были представлены в виде гендерной иерархии или витального дискурса.

В философии и поэзии от Античности до раннего Нового времени видимые свойства магнита служили, в основном, дополнительным аргументом или иллюстрацией по принципу подобия для интерпретации связей или отношений. Так, например, у Платона в диалоге «Ион, или об Илиаде» Сократ уподобляет божественной силе магнита распространение власти вдохновения от Музы к Иону, от Иона к слушателям¹. В

---

¹ Сократ: «Твоя способность хорошо говорить о Гомере ... это ... не уменье, а божественная сила, которая тобою движет, как в том

английской литературе и культуре конца XVI – первой половины XVII вв. алхимические, философские и научные концепции часто служили основой для создания изысканной метафорики маньеризма и барокко, основанной на остроумии (wit), сближении «далековатых идей» («far-fetched ideas») в виде концепта / кончетти.

Свойства магнита практически не становились объектом самостоятельного теоретического осмысления или экспериментального исследования до фундаментального труда президента Королевской медицинской коллегии Уильяма Гилберта (англ. William Gilbert, 1544 – 1603), «О магните, магнитных телах и большом магните Земля»², опубликованного в 1600 году, который он писал на протяжении двадцати лет. Как справедливо заметил У. Гилберт:

«Почти вся эта физиология является новой и неведомой: до сих пор лишь очень немногие авторы сообщили скудные сведения об общеизвестных магнитных силах. Поэтому мы очень редко обращались за помощью к древним писателям и к грекам...»³

Несмотря на то, что практическое освоение магнита становится доминирующим с началом эпохи Великих географических открытий, У. Гилберт часто критикует и опровергает мнения современных натурфилософов из-за неточности на-

---

камне, который Эврипид назвал магнесийским, а большинство называет гераклейским. Этот камень не только притягивает железные кольца, но и сообщает им такую силу, что они, в свою очередь, могут делать то же самое, что и камень, то есть притягивать другие кольца, так что иногда получается очень длинная цепь из кусочков железа и колец, висящих одно за другим; у них у всех сила зависит от того камня. Так и Муза сама делает вдохновенными одних, а от этих тянется цепь других восторженных.» *Платон. Ион, или об Илиаде // Платон. Собрание сочинений в 4 тт. М.: Мысль, 1990-1994. Т. 1. 533d-534a.*

² De Magnete, Magneticisque Corporibus, et de Magno Magnete Tellure.

³ Здесь и далее Уильям Гилберт цит. по изд.: *Гильберт В. О магните, магнитных телах и большом магните – Земле. Новая физиология, доказанная множеством опытов и аргументов. М., 1956. С. 9.*

блюдений и отсутствия экспериментальных подтверждений. Основные интерпретации качеств магнита возникли еще в Античности, они реактуализировались в европейской культуре в той или иной форме вплоть до У. Гилберта, и он был вынужден полемизировать с ними в силу их постоянной воспроизводимости.

Посредством опытов У. Гилберт опроверг многие мнения как древних, так и современных ему философов, начиная с Платона, который полагал, что магнитного притяжения не существует, а движение к магниту железных тел заполняет пустоту.⁴ Платоновскую точку зрения развил римский поэт и натурфилософ Тит Лукреций Кар (ок. 99 – 55 до н. э.), соединив ее с атомизмом Демокрита в поэме «О природе вещей». По Лукрецию, «семена» магнита создают пустоту, а тельца железа стремятся ее заполнить, подгоняемые ветром, который пронизывает поры железа:

«... из магнита должны семена выделяться
Множеством или же ток истекать, разбивая толчками
Воздух, который везде между камнем лежит и железом.
Только что станет пустым пространство меж ними, и много
Места очистится там, как тотчас же, общию кучей,
Первоначала туда стремглав понесутся железа <...>
Он, этот воздух, идя через частые поры железа
И незаметно внутри доходя до мельчайших частичек,
Мчит и уносит его, как корабль, подгоняемый ветром.»⁵

---

⁴ «Подобным образом следует объяснять также все, что случается при струении вод и падении молний, а равно и пресловутое притяжение, будто бы исходящее от янтарей и гераклейских камней. На деле ничто не обладает притяжением, но по причине отсутствия пустоты все вещи передают друг другу круговой толчок, то разделяясь при этом, то сплачиваясь и постоянно меняясь местами; в переплетениях всех этих состояний истинному исследователю природы и откроются причины всего чудесного». *Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений. Т. 3. 803 в-с.*

⁵ *Лукреций. О природе вещей. М.: АИ СССР, 1946. С. 419-429, стих 910-1089.*

Если Лукреций полагал, что движение железа к магниту обусловлено насильственным воздействием такого внешнего фактора как воздух, поскольку он бьёт и увлекает атомы железа к магниту, то У. Гилберт доказал, что существует взаимное притяжение магнита и железа, так как магнетические движения основаны на взаимном согласии, а не насилии, подчинении и войне.

Но самой распространенной интерпретацией взаимодействия магнита и железа была эротическая аналогия, которая сохранила свою актуальность вплоть до восемнадцатого века. Позднеримский поэт Клавдий Клавдиан (ок. 370 г. – ок. 404 г.) в стихотворении «Магнит» описывает храм, где свершается таинство божественного брака между Венерой с магнитным камнем на поясе и окованным в железо Марсом:

«Он у железа заимствует жизнь, и сила железа
 Пищею служит ему, и пиром, и пастбищем тучным;
 Черпает новую мощь он в железе; в суставы вливаясь,
 Эта суровая пища дает ему тайную силу;
 А без железа он гибнет...
 Видом несхожи они: железом блестящим окован
 Марс, а Венеры кумир украшен камнем магнитным. <...>
 Брак их свершает Природа сама: и железного мужа
 Мощная тяга влечет. Так боги союз свой скрепляют.
 Как же в два металла вливается жар обоюдный?
 Как же приходят к согласью и к миру суровые силы? <...>
 Мальчик жестокий [Купидон] скажи: над кем же ты в мире не
 властен?...
 В камне огонь твой горит, поддается соблазну железо.⁶»

Магнит репрезентирован как женский камень Венеры, который непостижимо властвует над железным Марсом, будучи при этом слабым и зависимым от него, поскольку сама богиня нежной любовью смягчает суровый и яростный нрав Марса, даруя ему мир и покой. Эта концепция феминной вторичности магнита, который питается железом, заимствует и

⁶ Клавдиан. Магнит. // Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература, 1982. С. 277-278.

тем самым отнимает его силу, воспроизводилась в большинстве европейских средневековых текстов. Ее поддерживали, например, такие философы, как перипатетик Александр Афродизийский из Карики (*греч.* Ἀλέξανδρος ὁ Ἀφροδισιεύς ок. II в. н.э.) и алхимик Джамбаттиста делла Порта (*итал.* Giambattista della Porta, 1535 – 1615).

Представление о магните как камне Венеры вполне вписывалось и в алхимическую концепцию, согласно которой металлы и другие вещества делились на мужские и женские, а процесс получения Философского камня (божественного Андрогина) описывался в терминологии брака. Но алхимики тоже терпели неудачи в выявлении скрытых свойств магнита, поскольку он разрушал их концепцию соотношения части и целого: растертый в порошок или нагретый, он теряет свои магнитные качества.

У. Гилберт последовательно разрушает алхимическую иерархию металлов, а вместе с ней и алхимический гендерный дискурс, составной частью которого была астрология:

«...астрологи, со свойственным им пустомыслием и сумасбродством, назначают каждой планете свой металл. Однако количество и особенности металлов не соответствуют количеству и особенностям планет, и наоборот. В самом деле, в чем соответствие между Марсом и железом? Разве только в том, что из последнего изготавливаются не только многие инструменты, но и мечи и метательные орудия. Какое отношение к Венере имеет медь? И разве олово или белый свинец в чем-нибудь сходны с Юпитером? Скорее их следовало бы посвятить Венере⁷.»

Ученый рассматривает алхимическую систему как экстраполяцию человеческих практик и отношений на законы Природы.

Гилберт так же избегает описания взаимодействия магнита и железа в традиции любовной гендерной иерархии, как Клавдиана, так и Джероламо Кардано (*лат.* Hieronymus Cardanus, *итал.* Gerolamo Cardano, 1501 – 1576)⁸, который в

⁷ Гильберт В. О магните. С. 47.

⁸ Там же. С. 75.

книге «О пропорциях» воспринимал магнит или Геркулесов камень как воплощение маскулинности, поскольку писал, что «...сила железа Земли-супруги является совершенной в своем роде, когда она примет плодотворную силу от мужского начала, то есть от геркулесова камня»⁹. Гилберт переворачивает логику Кардано, заявляя, что «... всякое движение магнита и железа, всякий поворот, наклонение и устойчивость происходят от самих магнитных тел и от всеобщей матери – Земли, которая является источником, распространительницей и началом всех этих свойств и особенностей».¹⁰ Если Кардано считал магнит носителем магнетизма, то Гилберт – Землю, не упоминая при этом, о каком-либо мужском начале, которое наделяет Землю этими свойствами.

Уже в самом начале и на протяжении всей книги он описывает магнитные явления не только с точки зрения механики, но и использует витальный дискурс, ставя перед собой цель – выяснение «...благородной сущности совершенно не известного до сих пор большого магнита, *всеобщей матери (Земли)*, и замечательной и выдающейся силы этого шара».¹¹ Ученый выстраивает совершенно другую иерархию отношений между Землей, железом и магнитом, где Земля порождает железную руду и магниты: «В верхней части земного шара, или в его непрочной оболочке, как бы в его коре, эти два тела возникают и зарождаются большей частью в одной и той же *матке*, в одном и том же руднике, как *близнецы*».¹²

У. Гилберт полностью уничтожает предшествующую любовную терминологию и соответствующий ей дискурс «женского» и «мужского» в дескрипции как отношений между планетами и металлами, так и между магнитом и железом:

---

⁹ *Cardano G. Opus novum de proportionibus. Basle: Henricus Petri, 1570. P. 92: «...terræ maritæ, quæ perfecta in suo genere, ubi uim fecundam acceperit à masculo scilicet Herculeo lapide...»*

¹⁰ *Гильберт В. О магните. С. 206.*

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. С. 66.

«Они являются истинными и близкими частями земли, сохраняющими в себе первые имеющиеся в природе способности – друг друга взаимно притягивать, приводить в движение и располагать в соответствии с расположением мира и земного шара. Этими способностями они взаимно наделяют друг друга, один повышает и подкрепляет, воспринимает и удерживает силы другого. Более слабый подкрепляется более сильным не потому, чтобы от вещества последнего или от присущей ему силы что-либо отнималось, не потому, чтобы впускалось какое-либо телесное вещество, но усыпленная способность одного возбуждается другим без убыли последнего.¹³»

Ученый подчеркивает принципиальное равенство магнита и железа, называя их близнецами по рождению от матери-Земли, которая имеет железную природу и обладает магнетическими свойствами. Железо и магнит так же обладают магнитными свойствами, которые они принимают от железного тела Земли, и их воздействие друг на друга не подчиняется законами властной апроприации и насилия над слабым.

Для Гилберта уподобление Земли живородящему материнскому началу является не метафорой, а основой его эгалитарной физики движения и космологии, где доминирующей оказывается материнская природа, полностью лишенная эротического контекста. Он принимает и интерпретирует мнение Фалеса Милетского, что магнит обладает душой, известное из диалога «О душе» Аристотеля, который также полагал, что душа придает движение живым предметам.¹⁴ Такие свойства магнита, как стремление соединиться с железом или другим магнитом и утрата магнетических свойств при разрушении структуры камня, часто рассматривались как признаки одушевленности магнита. Гилберт пишет, что магнит – это

---

¹³ Гильберт В. О магните. С. 68.

¹⁴ «Фалес, по тому, что о нем рассказывают, считал душу способной приводить в движение, ибо утверждал, что магнит имеет душу, так как движет железо.» Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. в 4-х томах. М., 1976. Т.1. С. 371-448 (405а, 20).

«...одушевленный камень, так как он есть часть и любимое детище одушевленной *матери* – Земли»¹⁵.

Гилберт последовательно уничтожает такое важнейшее представление как для алхимиков, так и для перипатетиков, что в основе мира лежит первоэлемент:

«...аристотелевский простой элемент и совершенно пустой земной призрак перипатетиков – грубый, бездеятельный, холодный, сухой, простой, подоснова всего, *мертвый*, лишенный силы – не является никому даже во сне и не имел бы никакого значения в природе вещей. Наши философы только и бредили о некоей *бездеятельной и простой матери*».¹⁶»

То есть, у Гилберта, при помощи архаичного концепта «Земли-матери», опосредованно опровергается патриархальная интерпретация феминного начала как холодного, влажного и пассивного, способного воспринимать движение только от маскулинного.

Ученый высказывает идею, что Земля и другие планеты обладают особой формой души или силой – магнетизмом, который позволяет сохранять мировой порядок и порождать других живых существ, населяющих ее:

«...*магнитная сила* Земли и *оформленная душа* или одушевленная форма шаров ... обладает во всей своей материальной массе врожденной способностью действовать – живой, определенной, постоянной, направляющей, движущей, повелевающей, согласующейся, от которой происходит *рождение и гибель* всего, что существует на поверхности. <...> С теми движениями изначала соединены разум, строгий порядок, знание, правильный выбор, от чего и происходят точные и определенные действия с самого основания и начала мира».¹⁷»

Феминное материнское начало Земли описывается в терминах репродукции и инкультурации: Земля не только зарождает в «матках» руды и металлы, но и наделяет их своими ка-

¹⁵ Гильберт В. О магните. С. 271.

¹⁶ Там же. С. 75.

¹⁷ Там же. С. 271.

чествами, тем самым подчиняя их себе, что и становится основной разумной гармонии в мире.

Таким образом, Гилберт предпочитает властно-эротической оппозиции мужское/женское, другой социальный дискурс, основанный на витальной терминологии любви, свойственной отношениям мать/дети, подчеркивая принципиальное естественное равенство детей Земли и справедливость мирового порядка от его сотворения. Концепция Гилберта отражает стереотип матриархальной модели общества, который присутствовал в дискурсах европейской культуры как маргинальная форма, свойственная диким племенам Нового света.

Репрезентация магнетического дискурса английским драматургом Беном Джонсоном (*Benjamin Jonson*, 1572 – 1637) в комедии «Магнетическая Леди» (поставлена в 1632 г., опубл. в 1641) во многом соответствует теории У. Гилберта и потому также выходит далеко за пределы вышеописанных мистических, мифологических и эротических интерпретаций его свойств и природы.

В пьесе Бен Джонсон соединяет свою теорию гуморов, близкую к классицистической типологии комедийных характеров, с концепцией магнетизма У. Гилберта. Имея репутацию женоненавистника, Бен Джонсон занимает патриархальную гендерную позицию, но при этом уподобляет взаимоотношения между мужчиной и женщиной механике гилбертовского магнетизма. Кроме того, драматург первоначально задал матримонийный вектор развития сюжета своим эпиграфом из Клавдиана: «*Jam lapides suos ardor agit ferrumq; tenetur, Illecebris*» (В камне огонь твой горит, поддается соблазну железо).

Питер Хаппе в предисловии к изданию «Магнетической леди» 2000 года¹⁸ рассматривает стремление Б. Джонсона

---

¹⁸ Здесь и далее «Магнетическая Леди» Б. Джонсона цит. по изд.: *Jonson B. The Magnetic Lady*. Edited by Peter Happe. Manchester: Manchester University Press, 2000.

примиришь гуморы¹⁹, которые враждовали в его пьесах на протяжении тридцати четырех лет,²⁰ в контексте политических и личных обстоятельств жизни драматурга. Перенесенный в 1628 году инсульт и финансовые осложнения после смерти патрона драматурга Якова I, а так же тенденция правящего режима Карла I «...продвигать идею послушания и стабильности» стали основой лояльности Б. Джонсона молодому королю и совпали с периодом смягченной сатиры, который был не менее плодотворным, чем предшествующие²¹. Безусловно, эти факторы могли повлиять на желание Б. Джонсона примирить гуморы, в которые драматург вносит, кроме гиппократовской медицинской составляющей, социально-экономическую и гендерную.

Мартин Батлер полагает, что в своих комедиях Б. Джонсон осуществлял фантастический проект, когда разные люди с разными интересами случайно оказываются в одном месте и их выбор абсолютно не мотивирован. И в «Магнетической Леди» такое стечение обстоятельств происходит благодаря магнетизму.²² Но если принять гипотезу, что в пьесе Б. Джонсон попытался осмыслить и изложить «...новое и неслыханное мнение о Земле»²³ королевского врача и физика

---

¹⁹ Теория гуморов была заложена Гиппократом и развита Галеном, основавшими терапию на восстановлении баланса между холодом (флегма) и жаром (желтая желчь), влагой (кровь) и сухостью (черная желчь). В зависимости от преобладающей субстанции, он выделил такие типы гуморов как холерический, флегматический, сангвинический и меланхолический. Бен Джонсон наделил гуморы социальной составляющей, которая проявляет себя в одержимости человека какой-либо страстью: к деньгам, знатности, карьере, хвастовству и т.п.

²⁰ С появлением пьесы «Каждый в своем гуморе» (1598).

²¹ *Happe P. Introduction // Jonson B. The Magnetic Lady. Manchester: Manchester University Press, 2000. P. 3.*

²² *Butler M. Jonson's London and its theatres // Cambridge Companion to Ben Jonson. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 21.*

²³ *Гильберт В. О магните. С. 71.*

Уильяма Гилберта, то можно найти ряд точных соответствий, касающихся не только основных принципов построения сюжета, расстановки, функций и соотношения персонажей, но даже и стратегий репрезентации нового знания.

Например, нетрудно заметить, что концепция джонсоновского социального согласия коррелирует с фундаментальной идеей У. Гилберта:

«Нет беспорядочного и неясного схождения, нет насильного наклонения тела к телу, нет случайного и неоправданного слияния. Здесь не совершается насилия над телом, нет борьбы и раздоров, но есть согласие, нужное для того, чтобы мир не обрушился, то есть аналогия совершенных и однородных частей мира, именно шаров, с целым, а в них – взаимная соразмерность главнейших сил для поддержания невредимости, непрерывности, положения, направленности и единства.²⁴»

Об этом заявляет дворецкий Компас/Циркуль (*Mr. Compass* – круг, циркуль, компас) в акте I сцене 1, указывая, что все персонажи противоположны: «...так диаметрально / Один к другому и так противоположны, / Что только мне удастся их удержать вместе».²⁵ Но при этом в финале пьесы не наказан ни один персонаж, более того, все они оказываются способными найти свой интерес в сложившейся ситуации.

Как У. Гилберт, так и Б. Джонсон не рассчитывали на то, что их творения будут понятны многим:

«...препороучаю эти основания науки о магните – новый род философии – только вам, истинные философы, благородные мужи, ищущие знания не только в книгах, но и в самих вещах ...ведь мы решили изложить нашу философию для немногих²⁶».

---

²⁴ Там же. С. 106.

²⁵ *Jonson B. The Magnetic Lady. P. 73: «...so diametral / One to another, and so much opposed, / As if I can but hold them all together».*

²⁶ *Гильберт В. О магните. С. 8-9. «Однако, после того как философия стала занятием многих и получила широкое распространение, умами большинства завладели мнения, приносившие к уровню черни или опиравшиеся на софистические ухищрения; при сочувствии толпы они затопили все наподобие потока.»*

Рассуждения том, что драматург предлагает свою пьесу только избранным, которые смогут ее понять и по достоинству оценить являются основной темой беседы «хора» (мальчишка, Дампная и Проби).²⁷

У. Гилберт не только на протяжении всей работы критикует по разным позициям мнения философов-перипатетиков, но на первых страницах книги говорит о дискурсивной стратегии, её основным принципом является простота, ясность и прозрачность языка, что также было близко аскетическому стилю Б. Джонсона:

«Мы не придали этому нашему произведению никаких прикрас красноречия и словесного убранства, но имели в виду одно: излагать трудные и не известные до сих пор вещи в той словесной форме и такими словами, какие необходимы для того, чтобы эти вещи стали вполне понятными. Иногда мы пользуемся некоторыми новыми и неслыханными словами не для того, чтобы с помощью словесных покровов окружить вещи туманом и мраком (как это обычно делают химики), а для того, чтобы ясно и полно выразить тайны, не имеющие названия и ни разу еще до сих пор не подмечавшиеся²⁸.»

Таким образом, Гилберт занимает позицию характерную для открытого публичного демонстрационного пространства экспериментальной науки Нового времени. Она диаметрально противоположна алхимии, чей дискурс был построен на максимальной метафорической зашифрованности всех процессов «Великого деланья», коррелирующих с астрологическими и гиппократовскими представлениями. Эта же неприязнь к алхимическим метафорам звучит в пьесе Б. Джонсона «Алхимик» (поставлена в 1610, опубли. 1612), причем, ее персонаж – Серли (карточный игрок) – воспринимает закрытость алхимического языка как основу для мошенничества, что подтверждается сюжетом пьесы:

---

²⁷ "... will not woo the Gentile ignorance so much. But careless of all vulgar Censure, as not depending on common Approbation, he is confident it shall super-please judicious Spectators". *Jonson B. The Magnetic Lady*. P. 70.

²⁸ *Гильберт В. О магните*. С. 9.

«Серли: Алхимия – забава вроде карт,/ Где можно, человека
распалив,/ Его обжудить...

Серли: А что ж иное / Все эти термины, насчет которых / У
авторов такое разногласье? <...>

Сатл: Вс, что вы назвали,/ Имеет цель у авторов одну – /
Смысл истинной науки затемнить.

Маммон: ... Цель – только в том, чтоб первый встречный не-
уч / Не мог, ее усвоив, исказить.»

Сатл: Изложена же мудрость египтян / Мистическими симво-
лами, сударь!/ Священное писанье – целиком / Иносказанье.
Лучшие из басен/ Талантливых поэтов – этот ключ,/ Первоисточ-
ник мудрости – полны/ Сложнейших аллегорий. Вы согласны?²⁹»

Но как же совместить желаниис использовать простой и
ясный язык с тем фактом, что новое знание понятно немно-
гим? Здесь мы наблюдаем факт одновременной смены науч-
ных парадигм и художественных стилей. Старое знание о ми-
ре было представлено двумя основными тенденциями:
схоластической аристотелианской в средневековых универси-
тетах и алхимической при дворах европейских монархов.
Старый художественный стиль ассоциировался с прихотли-
вой петраркистской и барочной метафорикой. Эти поэтиче-
ские и ученые дискурсы, создавшие сложную систему логи-
ческих условностей и базовых концептов за время своего
трехсотлетнего существования в средневековой Европе, были
привычны и приемлемы для большинства образованных лю-

---

²⁹ Джонсон Б. Алхимик // Джонсон Б. Пьесы. М.-Л., 1960. (Акт II,
сцена 2).

Surly. Rather than I'll be brayed, sir, I'll believe / That Alchemy is a
pretty kind of game, / Somewhat like tricks o' the cards, to cheat a man /
With charming. <...> *Surly*. What else are all your terms, / Whereon no
one of your writers 'grees with other? *Subtle*. And all these named, /
Intending but one thing; which art our writers / Used to obscure their art.
Mammon. Sir, so I told him – / Because the simple idiot should not learn
it, / And make it vulgar. *Subtle*. Was not all the knowledge / Of the
Aegyptians writ in mystic symbols? / Speak not the scriptures oft in
parables? / Are not the choicest fables of the poets, / That were the
fountains and first springs of wisdom, / Wrapp'd in perplexed allegories?
Jonson B. The Alchemist. Charleston, 2006. P. 115.

дей, в то время, как классицистическая рациональная простота и эмпирическая или математическая рациональность нового знания была приемлема для немногих. Если закрытое средневековое знание и элитарная поэзия ранее требовала от реципиента экзегезы, то для ученого Нового времени и поэта-классициста становится неприемлема затемненность научного или поэтического высказывания.

Примером этого может служить особая неприязнь Гилберта к «бесплодной философии», которая «...держится лишь на некоторых греческих или необычных словечках, уподобляясь нашим знахарям и цирюльникам, которые выставляют напоказ перед необразованным народом некоторые латинские слова в качестве вывески для своего искусства и ловят благосклонность толпы. Сами философы по большей части ничего не ищут, не сильны в познании вещей опытом, праздно и ленивы; поэтому они своими трудами ничего не достигают и не видят того, что может внести свет в их рассуждения.»³⁰ Капитан Айронсайд (Ironside – Железобок) в пьесе Джонсона так же категорически утверждает, что «...для мудрых / И опытных людей слова – это лишь означающие, / Они не имеют власти, кроме как для занудных грамматиков, / У которых вместо души – синтаксис»³¹.

Джонсоновскую близость к гилбертовской критике аристотелианского дискурса и мнений «вульгарных философов» можно усмотреть в образе доктора Рата, который является представителем коллегии врачей-терапевтов (физиков) и любит употреблять греческие и латинские термины. Он не способен не только адекватно поставить диагноз, но и элементарно наблюдать пациента, его мнение не выходит за теоретические пределы гиппократовской теории гуморов. Он объясняет бо-

³⁰ Гильберт В. О магните. С. 80.

³¹ «...to wise / And well experienc'd Men, words do but signifie; / They have no power, save with dull Grammarians, / Whose Souls are nought, but a *Syntaxis* of them...» *Jonson B. The Magnetic Lady*. P. 76-77. (I акт, I сцена).

лезненное состояние Плацентии и портного Нидла (Needle – Игла) исключительно с помощью нарушения баланса между жарой-холодом, влагой-сухостью. Тогда как необразованная, но имеющая большой практический опыт акушерка Чейр (chair – *англ.* «кресло», *франц.* – «плоть») вместо предложенной доктором водянки и опухоли определяет тайную беременность и успешно принимает роды, выявляя скрываемые от всех причины «болезни» Плацентии. У. Гилберт так же настаивает, что «...при исследовании тайн и отыскании скрытых причин вещей, благодаря точным опытам и опирающимся на них аргументам, получают более сильные доводы, нежели от основанных на одном только правдоподобию предположений и мнений вульгарных философов...»³²

В «Магнетической Леди» основным негативным персонажем является Полиш (полировка), компаньонка леди Лоудстоун (магнетит), которая подменила в младенчестве племянницу Леди на свою дочь. Полиш отличается невероятной болтливостью, за которой кроется стремление скрыть истинное положение вещей, в комедии ей отводится традиционно феминная позиция: «уговаривающая, успокаивающая и иногда управляющая роль».³³ Ее появление на сцене неизменно сопровождается длиннейшими монологами, которые раздражают не только дворецкого Компаса, но и доктора Рата: «... я подумал, что у нее взята аренда на разговор на девять поколений».³⁴ Она тоже любит вставлять латинские и греческие словечки в свои рассуждения, но, не будучи образованной, она их употребляет некорректно. Если употребление терминологии доктором Ратом свидетельствует о его корпоративной

---

³² Гильберт В. О магните. С. 7.

³³ Jonson B. The Magnetic Lady. P. 82: «... talking, soothing, sometimes governing role».

³⁴ Ibid. P. 85: «I sure thought / She had a Lease of talking, for nine lives». В Средние века и ранее Новое время была распространена практика аренды земли или помещений на несколько поколений наследников.

принадлежности, то Полиш можно причислить к профанам, удваивающим комический пародийный эффект пьесы.

Понимание концепции пьесы Б. Джонсона все еще требует от зрителя не только интеллектуальных усилий, но и определенного уровня образованности. Это отвечало и запросам публики того времени, что отражено в Интродукции, когда делегаты от зрителей, джентльмены Дамплай и Проби, требуют пьесы хорошего качества в «поэтической лавке» от мальчика-продавца, предлагающего на разные вкусы «прекрасные фантазии, фигуры, гуморы, характеры, идеи и описания»³⁵.

Таким образом, очевидно сходство методологических позиций Джонсона и Гилберта, которое проявляется в отношении к опыту, индукции, наблюдению, дискурсивным и публичным формам репрезентации знания. Но возникает вопрос: насколько далеко продвинулся Джонсон в освоении частных и практических моментов работы Гилберта? Роланд Макфарлен полагает, что факт прямого знакомства Б. Джонсона с работой У. Гилберта «О магните» не установлен и не доказан³⁶, хотя священник Палат (Palate – «Небо») ссылается на доктора Марка Ридли³⁷ и архидьякона Солсбери Уильяма Бароу³⁸, излагавших теорию Уилберта, описывая отношения между персонажами:

---

³⁵ Ibid. P. 65.

³⁶ McFarland R.E. Jonson's Magnetic Lady and the Reception of Gilbert's *De Magnete* // *Studies in English Literature (1500-1900)*, 1971. Vol. 11. № 2 (Spring). P. 283-293.

³⁷ М. Ридли (Mark Ridley, 1560 – ок. 1624) на английском языке в популярной и краткой форме изложил учение У. Гилберта в книге 1613 г. «Магнетические тела и движения» (*Magneticall Bodies and Motions*).

³⁸ У. Барлоу (William Barlow, ? – 1625) – архидьякон собора в Солсбери с 1615 г. В 1618 в книге «Магнетические заявления по поводу природы и свойств магнетита» (*Magneticall Advertisements concerning the nature and property of the Loadstone*) не принял коперниканской составляющей теории У. Гилберта, сосредоточившись только на практическом аспекте работы У. Гилберта и интерпрети-

«Наша Леди, все еще Леди Магнит, / Который притягивает и привлекает гостей всех сортов: / Придворных, солдат и ученых, / Путешественников, врачей и богословов, / Как писал доктор Ридли и доктор Барлоу. / Они писали о Вас и мистере Компасе.³⁹»

Вероятно, что Б. Джонсон, в совершенстве владевший латинским и греческим языками и бывший помощником профессора риторики Грэшем-колледжа, скорее предпочел бы обратиться к оригиналу У. Гилберта, поскольку в хоре он причисляет себя к избранным умам. Очевидно, он так же был знаком с этими книгами, излагавшими в упрощенном варианте теорию У. Гилберта, а реплика в устах священника свидетельствует о популярности этих книг. Выскажу предположение, что ряд персонажей или их диспозиции выражают конкретные наблюдения и изобретения У. Гилберта.

Специфическую позицию занимают центральные женские персонажи, к которым устремляются желания мужчин: леди Лоудстоун, Плацентия и Плезанс. Хелен Остович рассматривает эту составляющую сюжетной линии не только как характерный для комедии свадебный мотив, но как соперничество за контроль над наслаждением между мужчинами и женщинами, что подчеркивают имена Плезанс, Плацентия, Нидл⁴⁰. Эти женские персонажи все время находятся в центре сюжетной линии, не присутствуя на сцене. Уже в Интродукции мальчик характеризует Леди Лоудстоун как магнит и добродетельную вдову ("virtuous Widow"), а ее юную племянницу как «... центр притяжения, который привлекает раз-

---

ровая свойства магнита с теологических позиций. Обвинил М. Ридли в плагиате английской версии текста У. Гилберта.

³⁹ *Jonson B. The Magnetic Lady. P. 70: «Our Ladiship is still the Lady Loadstone, / That draws, and draws unto you, Guests of all sorts: / The Courtiers, and the Soldiers, and the Scholars, / The Travellers, Physicians, and Divines, / As Doctor Ridley writ, and Doctor Barlow. / They both have wrote of you, and Mr. Compass».*

⁴⁰ *Ostovich H. The Appropriation of Pleasure in The Magnetic Lady // Studies in English Literature (1500-1900), 1994. Vol. 34. № 2, (Spring). P. 425-442.*

нообразных гостей с различными гуморами, которые составляют ее периметр»⁴¹. Таким образом, репрезентируется гилбертовское представление о том, что «... магнит и все магнитные тела ... обладают отличительными способностями шара [Земли] – притягивать, направлять, располагать, вращаться, останавливаться, приняв определенное положение в мире сообразно с нормой целого...»⁴²

У. Гилберт оспаривает представление алхимиков, что все в природе стремится к тому, чтобы стать золотом⁴³, утверждая, что «В железе, преимущественно в лучшем, Земля имеет свою истинную и подлинную природу».⁴⁴ Также и Джонсон вводит сцену, когда сэр Мот (Sir Moth Interest – мотылек, моль-процент) за раскрытие тайны клада покойной вдовы Полли, некогда жившей в этом доме, (который так и не был найден) обещает в награду сделать бороду доктора золотой, а аптекаря – серебряной (акт II, сцена 6). Кроме того, У. Гилберт полагает, что – «Магнит в большей степени, чем все видимые у нас тела, содержит в себе истинную, менее искаженную и обезображенную внешними повреждениями землю, как бы взятую от земного шара истинную однородную часть его»⁴⁵. Так и у Джонсона Леди Лоудстоун воспринимается всеми персонажами как воплощение истинного совершенства, а Плезанс Стил – молодости, чистоты и добродетели. Их также связывают родствен-

---

⁴¹ Jonson B. *The Magnetic Lady*. P. 70: «...his Center attractive, to draw thither a diversity of Guests, all Persons of different Humours to make up his *Perimeter*».

⁴² Гильберт В. О магните. С. 73.

⁴³ Там же С. 52: «...пустое говорят те химики, которые думают, что природа желает превратить все металлы в золото, по той причине, что золото выделяется своим блеском, тяжестью и крепостью, а также тем, что среди всяких невзгод оно остается непобежденным; как будто природа подготавливает превращение всех камней в алмазы только потому, что алмаз превосходит все камни своим блеском и твердостью».

⁴⁴ Гильберт В. О магните. С. 48.

⁴⁵ Там же. С. 74.

ные связи как магнит и сталь, причем, сталь вторична по отношению к магниту, как и племянница младше тети.

Капитан Айронсайд (железный бок), участвовавший в военных походах, косвенно спровоцировавший обнаружение беременности Плацентии и завоевавший госпожу Лоудстоун (магнетит), полностью соответствует утилитарным свойствам железа, описанным У. Гилбертом: геологическим, навигационным, военным, геодезическим и научным.⁴⁶ Конфликт Айронсайда и придворного модника Силкворма (Silkworm – шелковый червь, шелкопряд) во время обеда вопреки ожиданиям приводит не только к обнаружению беременности Плацентии, но помогает жениться ему на леди Лоудстоун, которую вначале возмущал яростный и грубый характер капитана, ярко выражающий эталон воинствующей маскулинности XVI – XVII вв. Но этот поворот сюжета так же согласуется с теорией У. Гилберта, который писал, что «...природа не допускает неподобающего и несправедливого мира и согласия, она пускает в ход войну и насилие для того, чтобы тела пришли в хорошее и подобающее состояние покоя».⁴⁷

Капитан Айронсайд на протяжении всей комедии маркируется как «брат» мистера Компаса. В акте I, сцене 1, он назван “scholar and part soldier” (ученый и солдат), возможно, он был университетским другом м-ра Компаса. М-р Компас яв-

---

⁴⁶ Там же. С. 200: «С помощью висящего в состоянии равновесия и обработанного магнитом железного стержня распознаются богатые и обильные металлом железные руды и определяются магнитные камни, глины, сырые или обработанные земли. Железный стержень (душа морского компаса), изумительный руководитель в плавании и, как бы перст божий, указывает путь <...> С его помощью ведутся подкопы при осаде городов, ночью направляются ядра и военные снаряды. Он служит для топографической съемки мест, для определения занятого постройками пространства и их положения, а также положения проходящих под землей водопроводов. От него зависят приборы, придуманные для исследования как его склонения, так и вариации».

⁴⁷ *Гильберт В. О магните.* С. 42.

ляется центральным персонажем, и он определяет основные повороты сюжета и примиряет гуморы. В связи с этим Хелен Остович высказала предположение, что м-р Компас репрезентирует прибор, изображенный в книге У. Барлоу.⁴⁸

Но в акте II, сцене 4 м-р Компас назван «мухой»: «И мистер Компас, который – везде; мушка, согласно которой она [Леди] направляется»,⁴⁹ – кроме того, он владеет математикой и точно указывает всем персонажем, куда им ориентироваться. Вероятно, что Б. Джонсон воспроизвел более сложный инструмент для определения склонения по звездам, описанный и изображенный в книге У. Гилберта⁵⁰, где коробка с намагниченной железной стрелкой – Айронсайд, а мистер Компас – это полуциркуль с линейкой-мушкой, через ушки с отверстиями которой точно определяются координаты объектов по шкале (лимбу) прибора. Если Айронсайд спровоцировал роды Плацентии и тем самым сменил направление сюжета, то дворецкий воспользовался этим вектором и в процессе конфликта между нянькой и Полиш, вычислил истинную наследницу и женился на ней до того, как всем стал известен ее истинный социальный и экономический статус.

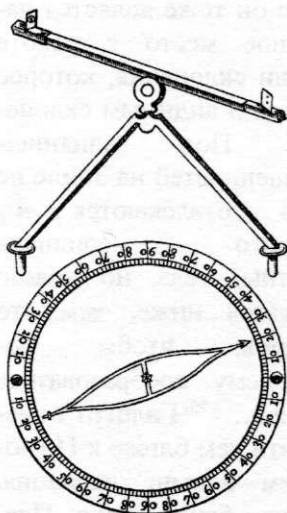
---

⁴⁸ *Ostovich H. The Appropriation. P. 439.*

⁴⁹ *Jonson B. The Magnetic Lady. P. 111: «And Mr. Compass, who is all in all; / The very Fly she moves by».*

⁵⁰ «На краю висящего компаса – в противоположащих точках, отмечающих начало четвертей, – следует водрузить полу циркуль, поднимающийся в середине в виде конуса (причем ножки полуциркуля закрепляются с обеих сторон в ямках), таким образом, чтобы вершина конуса была перпендикулярна к плоскости компаса. На вершине конуса укрепляется своей серединой, как бы на середине оси, наподобие коромысла весов, линейка в шестнадцать дюймов так, чтобы она могла двигаться вокруг точки скрепления. На концах линейки должны быть маленькие крылышки с отверстиями, через которые мы можем наблюдать Солнце или звезды». *Гильберт В. О магните. С. 228.*

Дворецкий Компас не только направляет действия персонажей, но и предвидит, какой выбор они сделают, ведомые своим гумором, и сводит их конкурирующие интересы в едином социальном пространстве. Мистер Компас точно визирует диаметрально противоположные гуморы всех персонажей,

включая себя, и примиряет их в ходе пьесы:

«Если Вы стоите / На точке зрения чести – у Вас нет никаких шансов, / Тогда я Вас разубеждаю, и наоборот: / Если Вы стоите на позициях гуморов и мести, / Тогда я Вас поощрил. Я считаю что, / С любой стороны я исполнил роль друга: / Сначала определил Ваш страх перед этим делом, / Если он у Вас есть, а если Вы решили драться –/ Тогда я увеличиваю и подтверждаю Вашу решимость⁵¹.»

Дэвид Риггс полагает, что м-р Компас является совершенной проекцией в пьесе самого Бена Джонсона⁵², поскольку его импресса⁵³

⁵¹ *Jonson B. The Magnetic Lady. P. 133: «...If you stand / On point of Honour, not t' have any odds, / I have rather then dissuaded you, than otherwise: / If upon terms of humour and revenge, / I have encourag'd you. So that I think, / I have done the part of a Friend on either side: / In furnishing your fear with matter first, / If you have any: Or, if you dare fight, / To heighten, and confirm your resolution. (Акт III, сцена 3).*

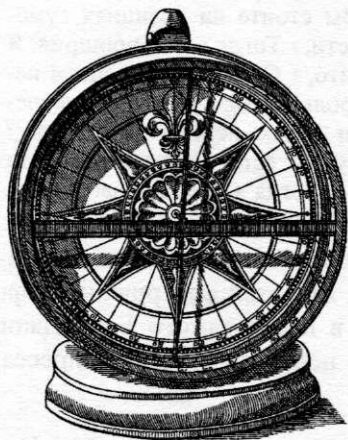
⁵² *Riggs D. Ben Jonson: a life. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 206, 332-34.*

⁵³ Импресса – геральдический значок, который сочетал символическое изображение и девиз к нему. В XV веке появилась в Италии, широко распространились к XVI веку, причем, импрессы стали использовать не только дворяне, но и купцы, ученые. Импресса стремилась отразить интенции конкретной личности, заказавшей или составившей ее себе. Из импрессы появился остроумный жанр эмблемы, имевшей морально-дидактическую окраску.

изображала сломанный полуциркуль, чья ножка стоит в центре круга, и сопровождалась девизом: «Deest quod duceret orbem» (Не хватает того, что должно провести круг).

Хотя сюжет о подмененных в младенчестве детях и можно рассматривать как исключительно традиционный литературный прием, но в данном случае он тоже является частью теории о магнетизме. Огромное место в работе У. Гилберта уделено проблеме вариации склонения, которое «...есть дуга меридиана между истинным и видимым склонением.

66. Прибор для определения склонения (наклона)

Под влиянием возвышенностей на Земле не только отвлекаются от истинного меридиана магнитные тела, но железо склоняется ниже, чем это требуется, чтобы по настоящему сообразоваться с Землей...»⁵⁴ Гилберт отмечает, что чем ближе к Полюсу, тем больше вариация. Поэтому беременную Плацентию, дочь Полиш, можно рассматривать как возвышенность материка, которая

и создает вариацию, притягивая ошибающихся женихов, ищущих богатое наследство, тогда как к истинной наследнице, горничной Плезанс, права возвращаются в пятом акте.

В пользу этой интерпретации образа Плацентии можно привести высказывание Гилберта о том, что верхние слои Земли обезображены чуждыми осадками, разложившимся и перемешанным с выделениями земной поверхности и продуктами гниения ее порождений.⁵⁵ Их Полировка тщательно старается скрыть, а Плацентии – придать блеск Плезанс Стали.

⁵⁴ Гильберт В. О магните. С. 264.

⁵⁵ Гильберт В. О магните. С. 70.

Полиш так же названа «Пу», но в данном случае имеется в виду назойливая муха, которая не только своим надоедливым жужжанием-болтовней отвлекает внимание персонажей от истинной наследницы Плезанс, но и прячет ее в шкафчике для домашней утвари.

А упомянутая Гилбертом склоняющаяся к центру Земли железная игла, напоминает портного Нидла, который по скабрезному намеку акушерки достаточно прошил своей иголкой: «Вы уже и так слишком много сделали / Стежков вашей швейной иглой, мистер Нидл»,⁵⁶ – что одновременно указывает на дефлорацию и механику коитуса, поскольку слово «prick» имеет и фаллические коннотации.

Эту конфигурацию персонажей, необходимых для раскрытия истинного положения вещей, также можно экстраполировать на гилбертовский текст. Для того, чтобы в самых сложных условиях морской качки (энтропии), можно было определить магнитное склонение на море⁵⁷, Гилберт рекомендует соединить вместе прибор для определения склонения/вариации (илл. 1) и прибор для определения наклона к Земле (илл. 2). Таким образом, в пьесе, чтобы определить истинное положение Плацентии и ее место в социуме, потребовалось не только присутствие Айронсайда, Циркуля (прибор для определения вариации), но и Нидла (прибор для определения наклона к Земле).

Таким образом, в пьесе противостоят властные интенции «fly»-Компаса и «fly»-Полиш, которые воплощают типы «верного слуги» и «коварной служанки». Полиш-«fly» оказывается антиподом Кампаса-«fly», они оба пытаются манипулировать персонажами пьесы и присвоить себе наследство Плезанс. Побеждают те маскулинные персонажи, которые являются реципиентами нового знания, основанного на математической валидности. Полиш репрезентируется как профан,

---

⁵⁶ *Jonson B. The Magnetic Lady. P. 162: «You ha' done too much already, / With your Prick-seam, and through-stitch, Mr. Needl».*

⁵⁷ *Гильберт В. О магните. С. 260.*

поскольку она поверхностно восприняла некоторые фрагменты дискурса нового знания, не освоив его методологии, используя его для фальсификации с целью незаконного захвата власти, статуса, денег. У Гилберт также расщепивает недостоверные, неподтвержденные расчетами или опытами сведения как порождения фантазии старух:

«... не умея подходить к явлениям природы, не проделывая опытов с магнитом, они только из книг и обманутые ложными физическими учениями усваивали некоторые порожденные пустым мнением слабые рассуждения и по-бабьи бредили о том, чего нет⁵⁸.»

Бен Джонсон накладывает на социальные отношения между гуморами/характерами только физико-механистическую часть теории Гилберта, объясняющую истинную сущность и причины движения Земли, которые он находит в ней самой в виде магнетической силы и законов магнетизма. Так и Джонсон репрезентирует все мотивы и поступки людей не как следствие гилбертовской природной материнской любви или внешних влияний (астрологических, политических, государственных), а как стремление к деньгам. Но драматург различает способы обогащения, поэтому достойные персонажи (мистер и леди Лоудстоун, семья Сталь, капитан Айронсайд и т.п.) честным путем приобретают свое богатство в отличие от обманщицы Полиш, ростовщика Мота и т.п.

Любовный сюжет, обманчиво заявленный в эпиграфе к комедии как цитата из Клавдия: «В камне огонь твой горит, поддается соблазну железо», – приобретает амбивалентность, поскольку Джонсон вырезает ее из контекста и становится непонятно, каким именно соблазном движутся персонажи, поскольку большинство из них – явно страстью к богатству, статусу, карьере. А женитьба Плезанс и Компаса, Айронсайда и леди Лоудстоун также неожиданна и стремительна, как притяжение магнитных веществ.

---

⁵⁸ Там же. С. 24. В оригинале употребляется словосочетание «aniliter somniarent». *Gilbert W. De Magnete, Magneticisque Corporibus, et de Magno Magnete Tellure*. London, 1600. P. 3.

Союз брачных пар Б. Джонсоном вообще не описывается в любовных терминах так же как у Гилберта, который пишет, что магнетизм «... свойственная светилам магнитная форма, безразлично – является ли она силой или душой».⁵⁹ Соединение в браке Айронсайда с Леди Лоудстоун и обретение ею истиной племянницы связано с родством их природы:

«...магнит является железным по своему происхождению и по своей природе, а железо – магнитным; оба принадлежат к единому виду. Железная руда выделяет в печах железо; магнит также выпускает из себя в печах железо, но более превосходное, называемое сталью⁶⁰.»

Брак Леди Лоудстоун и Айронсайда в пьесе практически не мотивирован. Священник остроумно объясняет заключение брачного союза аллюзией на магнетическую теорию: «Тогда есть работа и для священника / Вижу, что Лоудстоун надо покрыть Железнобоком»,⁶¹ – которая в социальном контексте приобретает сексуальные коннотации. Эту мотивацию, основанную на взаимной выгоде и согласии можно обнаружить у Гилберта:

«Магнит частично теряет свое свойство притягивать и как бы дряхлеет от старости, если его долго держать на открытом воздухе, а не хранить в железном футляре, опилках, железной чешуе. Поэтому его и следует покрывать чем-нибудь подобным⁶².»

---

⁵⁹ Гильберт В. О магните. С. 293.

⁶⁰ Гильберт В. С. 70-73.

⁶¹ *Jonson B. The Magnetic Lady. P. 213: «More work then for the Parson; I shall cap / The Loadstone with an Ironside, I see».*

⁶² «... магнит и железная руда, заключенные в могиле из той же материи, не выдыхают своего врожденного сока, не вянут, но сохраняют свое здоровье. Магнит долгие сохраняет постоянство, находясь в опилках кованого железа, и железная руда – в опилках магнита, как и кованое железо – в опилках магнита и даже железа. Следовательно, истинная и настоящая форма обоих связанных между собою веществ принадлежит к одному и тому же виду... Этими способностями они взаимно наделяют друг друга, один повышает и подкрепляет, воспринимает и удерживает силы другого ... усып-

Здесь же Гилберт оспаривает мнение Альберта Великого, что «... был найден магнит, который одной своей стороной притягивал к себе железо, а другой, противоположной, отталкивал его. Но Альберт плохо наблюдал явление: ведь всякий магнит одной стороной привлекает к себе железо, тронутое магнитом, а другой стороной отстраняет его, если оно намагничено, и притягивает намагниченное железо с большей силой, чем не намагниченное.» И в пьесе Джонсона недовольство леди Лоудстоун служит только тому, чтобы придать нужное направление Айронсайду и соединиться с ним, что и подтверждает муж, готовый покинуть войну и сражаться только под ее знаменем.⁶³ Таким образом, конфликты в комедии, в том числе и первоначальная неприязнь впечатлительной Леди Лоудстоун к яростному Айронсайду, приводят исключительно к согласованности позиций, поскольку «...магнитное схождение есть действие магнита и железа – не действие одного из них, а обоих ... Ведь отталкивание и отклонение концов или поворот целого есть движение того и другого к объединению посредством совместного действия»⁶⁴.

Если Гилберт описывает магнетит как повелевающий железной стрелкой, поскольку он способен менять полюса железа, то у Бена Джонсона доминирующими оказываются маскулинные персонажи и патриархальная модель общества: Айронсайд женится на Леди Лоудстоун и Компасс – на Плезанс. Это убедительно доказала Хелен Остович, полагающая, что неподконтрольное мужчинам общество женщин, которое возглавляет вдова Леди Лоудстоун, из-за внутренних конфликтов попадает под юрисдикцию мужчин через институт брака, где власть принадлежит мужчинам, а статус матери-Плацентии девальвируется из-за отсутствия приданного и

ленная способность одного возбуждается другим без убыли последнего». *Гильберт В.* О магните. С. 68.

⁶³ *Jonson B.* The Magnetic Lady. P. 213: «And vow to quit all thought of War hereafter; / Save what is fought under your Colours, Madam».

⁶⁴ *Гильберт В.* О магните. С. 107.

маргинализации родов, причем судьба её ребенка остается неясной.⁶⁵ Отношения между Айронсайдом и Лоудстоун не выходят за рамки куртуазного служения рыцаря даме, традиционно описываемого античной и средневековой поэзией в милитаристских терминах.

У. Гилберт разрушает жесткие иерархические отношения, свойственные аристотелианскому геоцентрическому Космосу, в пронизанном магнетическими силами Космосе ученого «Верхние сферы не обладают тиранической властью над нижними: ведь небо философов и богословов должно быть кротким, счастливым, спокойным и не подверженным изменениям; над ним не будет господствовать сила, ярость, стремительность и быстрота Первого двигателя.»⁶⁶ Распределения силы, власти и богатства осуществляют сами персонажи пьесы, как и у Гилберта «...светила, благодаря собственным силам, симметрично ходят по кругам при взаимном согласии и гармонии»⁶⁷. А представители божественного и государственного закона необходимы только для того, чтобы засвидетельствовать это согласие: священник в пьесе нужен, чтобы обвенчать соединившиеся пары, а юрист – подтвердить права законных наследников и истцов.

Но у Б. Джонсона наблюдается лишь частичное разрушение традиционной социальной иерархии. Рыцари Мот и Силкворм лишены достоинств своего сословия: Мот выполняет функции буржуа-ростовщика, а придворный Силкворм с трудом напоминает рыцаря, поскольку заботится только о своем внешнем виде и впадает в панику при мысли о дуэли с Айронсайдом, который и репрезентирует архаичный образ истинного воина. Властные полномочия распределения ресурсов и регулирования социальных отношений, умение видеть истину присвоены ученым-дворецким Компасом, тогда как власть монарха обозначена в нескольких строках эпилога.

---

⁶⁵ *Ostovich H. The Appropriation. P. 425-442.*

⁶⁶ *Гильберт В. О магните. С. 282.*

⁶⁷ Там же. С. 299.

А.В. Стогова

История одного непонимания: Кэтрин Филипс и Джереми Тейлор*

Ключевой фигурой в истории английских идей женской дружбы в XVII веке является поэтесса Кэтрин Филипс – «непревзойденная Оринда». Значительная часть ее поэтического творчества посвящена репрезентации своей эмоциональной привязанности к подругам и размышлениям о природе дружеских отношений. В 1657 году по ее просьбе было написано и вскоре опубликовано «Рассуждение о природе, обязанностях и пределах дружбы в ответ на письмо искуснейшей и превосходнейшей М. К. Ф. (миссис Кэтрин Филипс)» англиканского священника Джереми Тейлора¹, в котором он отвечает на три ее вопроса: 1. насколько дружба согласуется с принципами Христианства 2. как долго она может продолжаться 3. каковы обязанности в присутствии и отсутствии друзей, может ли друг наслаждаться другом так же, как и дружбой. Фигура самого ирландского епископа, каковым Тейлор стал после Реставрации, в XX веке почти не привлекала внимания ученых, однако этот текст оказался задействован в исследованиях, посвященных Кэтрин Филипс, которые активно ведутся с 80-х годов прошлого столетия. В отношении ее поэтического творчества, посвященного проблемам дружбы, сложилось две основных интерпретации: «роялистская» и «лесбийская»². В

---

* Работа выполнена в рамках проекта «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

¹ Taylor J. Discourse of the Nature, Offices and Measures of Friendship with Rules of Conducting it. L., 1657.

² Подробнее об этом см.: Стогова А.В. Роялистка или лесбиянка? Конфликт интерпретаций творчества Кэтрин Филипс // Диалог со временем, 2010. № 31. С. 268-287.

рамках этих двух традиций интерпретируется и текст Тейлора, поскольку он позиционирован как «ответ», что подразумевает его определенную корреляцию с проблематикой поэзии Кэтрин Филипс, как бы она не интерпретировалась. Но поскольку эти интерпретации очень различны – от дружбы как политической лояльности по отношению к королю и отношений между роялистами до дружбы как лесбийской привязанности – то, соответственно и отношение к «ответу» также сильно варьируется. Тем не менее, можно найти и одно общее обстоятельство: с точки зрения исследователей, какую бы подоплеку они ни усматривали в вопросах поэтессы, ответ на них Тейлора не отвечал ее чаяниям.

Хиро Чалмерз видит в его трактате, так же как и в поэзии К. Филипс высокую степень политизированности и полагает, что вопросы, заданные Ориндой, были инициированы ее озабоченностью несопадением собственных политических взглядов с позицией супруга³: «Обе работы и Финча⁴, и Тейлора имплицитно связывают дружбу с роялизмом»⁵. Этому прочтению «дружбы», о которой идет речь в трактате, как связей политической поддержки можно найти основания в тексте. Говоря о выборе друга по его достоинствам и приносимой пользе, Тейлор приводит рассуждения, которые явно имеют подобные коннотации:

«Тот, за кого мы умираем, должен быть достойным и полезным человеком; лучше для общества, а еще лучше – для религии. Так Рибихиус Немецкий храбро умер, когда принес себя в жертву ради своего владыки, Морица, герцога Саксонского, за-

---

³ Сама поэтесса была умеренной роялистской, тогда как ее муж, полковник Джеймс Филипс, являлся сторонником Кромвеля.

⁴ Кэтрин Филипс был посвящен еще один трактат о дружбе – члена ее кружка Фрэнсиса Финча, написанный в 1653 и напечатанный в нескольких экземплярах в 1654. *Finch F. Friendship. L., 1654.* О нем еще пойдет речь ниже.

⁵ *Chalmers H. Royalist Women Writers, 1650 – 1689. Oxford, 2004. P. 64.*

крыв тело своего господина своим собственным, так что тот смог избежать ярости турецких солдат⁶»

По его мнению тот факт, что и Тейлор, и Финч в своих текстах уделяют внимание соотношению интересов дружбы и брака, говорит о том, что это имеет отношение к «политической дилемме, лежащей в самом сердце ее личной жизни: конфликта роялистской и парламентаристской лояльности, выказываемой ею самой и ее супругом».⁷ Иными словами, Кэтрин Филипс волновал вопрос о том, насколько ее роялистские предпочтения («дружбы») совместимы и ее положением и обязанностями жены сторонника Кромвеля, и она желала получить своего рода церковную поддержку своей деятельностью. Однако Чалмерз оговаривается, что ответ Тейлора достаточно осторожен, и потому он вряд ли удовлетворил поэтессу.

Согласно другой интерпретации творчества поэтессы, ее волновала «дружба» в совершенно ином понимании, и она обращается к Тейлору с просьбой разрешить ее сомнения относительно того, насколько позволительна сильная эмоциональная привязанность одной женщины к другой и насколько она совместима с ее супружеским долгом. Исследователи рассуждают о том, что этот ее интерес был неправильно прочитан Тейлором, который дал ей совершенно традиционный ответ о превосходстве брака над всеми прочими взаимоотношениями между людьми. «Вновь подтверждая традиционные взгляды, Тейлор отрицает способность женщин к истинной дружбе и игнорирует дружбу между женщинами», – пишет одна из исследовательниц.⁸ И эта версия тоже представляется обоснованной, поскольку Тейлор действительно приводит вполне традиционные суждения на этот

---

⁶ *Taylor J.* Discourse of the Nature and Offices of Friendship with Rules of Conducting it // *Taylor J.* The Whole Works of the right rev. Jeremy Taylor in ten volumes. London, 1854. V. 1. P. 83.

⁷ *Chalmers H.* Royalist Women Writers. P. 63.

⁸ *Andreadis H.* Sappho in Early Modern England: Female same-sex Literary Erotics, 1550 – 1714. Chicago; L., 2001. P. 76.

счет: «...брак это королева дружб, в которой есть все связи, которые только могут быть в дружбе...»⁹.

Уже тот факт, что столь разные версии находят свое подтверждение в одном и том же тексте, по-видимому говорит о том, что обе они предлагают несколько однобокое его понимание.

Очевидно, подобные рассуждения следовало бы начать с вопроса, почему со своими тремя вопросами о дружбе поэтесса обратилась именно к Джереми Тейлору, человеку, хоть и имевшему известность, но мало знакомого ей лично. Скорее всего, он познакомился с миссис Филипс в 1656 – 1657 годах, когда, стремясь отвлечься после смерти сыновей, стал навещать в Лондон. Наиболее вероятно, что знакомство состоялось через леди Карбери (урожденную Эгертон). В молодости, как и одна из подруг Оринды, Мэри Харвей, леди Карбери была ученицей музыканта и композитора Генри Лоуса. Сама Кэтрин Филипс также поддерживала с Лоусом отношения¹⁰. Когда леди Эгертон вышла замуж и впервые приехала к мужу в Уэльское поместье Голден Гров в 1652 г., Оринда написала ей приветственное стихотворение. Лорд и леди Карбери были патронами Джереми Тейлора, который служил капелланом в их поместье. Кроме того среди покровителей Тейлора были члены семейства Финч (лорд Конвей, муж Энн (или Анны) Финч) и Монтегю (супруга сэра Кристофера Хаттона), с которыми Оринда также поддерживала тесные отношения (Фрэнсис Финч, Мэри Обри, в замужестве – леди Монтегю).

В каком качестве он мог быть ей известен? Прежде всего, как блестящий проповедник – в свое время карьера молодого Тейлора началась с того, что, прочтя несколько проповедей в Лондоне, он приобрел популярность и заинтересовал архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода. Он и потом

---

⁹ *Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 90.*

¹⁰ Генри Лоус переложил на свою музыку несколько ее стихотворений.

сохранял известность, как свидетельствует запись в дневнике Джона Ивлина за 15 апреля 1654 года: «Я поехал в Лондон, чтобы услышать знаменитого др. Джереми Тейлора...»¹¹. Хотя, учитывая, что последние годы он редко бывал в Лондоне и не выступал с публичными проповедями, этой популярности Тейлор обязан скорее своим богословским трудам.

Во-вторых, как роялист и капеллан Карла I (на эту должность он был назначен перед самым началом Гражданской войны и сопровождал короля в военных походах, куда не попал в плен в 1645 г. в сражении у замка Кардиган в Уэльсе). И наконец, как сторонник терпимости и смирения и идсй неоплатонизма. Как раз после освобождения из плена Тейлор пишет книгу «Свобода предсказаний» (вышла в 1647 г.), в которой старается обосновать понятие религиозной терпимости через практическое благочестие и лояльное доверие. Затем появляются два самых известных его труда: «Правило и упражнения святой жизни» и «Правило и упражнения святого умирания» (1650 и 1651 гг.) – по сути дела, наставления в том, как вести себя пастве в условиях религиозной распри и, зачастую, отсутствия какого бы то ни было священника в приходе (их часто не успевали назначить при смене власти). Они надолго определили его славу как одного из самых известных и красноречивых меланхоликов XVII столетия. Но вот пожалуй и все, чем он успел прославиться к этому времени.

«Роялистская» версия основывается на его известности как сторонника короля, следовавшего за ним во время первых сражений Гражданской войны. «Лесбийская» – на менее очевидной его репутации как платоника (платонические идеи лежали и в основе творчества К. Филипс), которой он, во многом, обязан своим связям с Кембриджем¹². Мы вряд ли когда-

---

¹¹ Evelyn J. The diary of John Evelyn. Oxford, 1955. V. 3. P. 94.

¹² Тейлор был родом из Кембриджа и учился в Гевилл-энд-Каус колледже, уже потом Лод перевел его в Оксфорд. В Кембридже существовала известная группа профессоров «кембриджские платоники» (Р. Кедворт, Г. Мор, Д. Смит, к ним были близки и

то сумеем дать ответ на вопрос, что в действительности привлекло Оринду в этом человеке, никогда до сих пор не писавшем специальных рассуждений о дружбе и вообще светских сочинений¹³. Единственное, что мы можем добавить к этим множественным ответам – это ответ на вопрос, почему с вопросами о дружбе она обратилась именно к священнику. Здесь может иметь значение тот факт, что именно в английской религиозной мысли в XVII столетии активно разрабатывается дружеский дискурс. К 1650 – 1660-м годам стало уже довольно привычным, что на эту тему рассуждают священники. В этом смысле обращение поэтессы к одному из них выглядит вполне оправданным. И вдвойне оправданным, если ее волновал вопрос, насколько поддерживаемые ею дружеские связи (как бы мы их ни интерпретировали) совместимы с ее статусом замужней женщины, поскольку брак – это была традиционная прерогатива церкви, хотя от священника и сложно было ожидать высказываний не в пользу брачных отношений.

В любом случае, здесь интересен гендерный аспект. В тех вопросах, которые, по словам Тейлора, были ему заданы, нет ничего необычного, если не учитывать тот факт, что их задает женщина. И Тейлор прекрасно отдает себе отчет в том, что пишет для женщины. Более того, он прилагает усилия для того, чтобы специально подчеркнуть свою толерантность в отношении слабого пола:

Дж. Гленвиль и Д. Норрис из Оксфорда), которые пытались дать рационалистическое обоснование христианской веры, используя идеи неоплатонизма. К числу «кембриджских платоников» причисляют Анну Конвей, супругу лорда Конвея, покровителя Тейлора. Порой и самого Тейлора включают в эту группу, или, по меньшей мере, упоминают в числе близких к «кембриджским платоникам» религиозных мыслителей. См., например: *Brown S. British philosophy and the Age of Enlightenment. Oxford: Routledge, 2003. P. 23.*

¹³ Его авторство сочинения «Рассуждение о добавочной красоте, или Искусственная привлекательность» спорно и не признается многими исследователями.

«Но между прочим (Мадам), - пишет он, - вы могли заметить, насколько я отличаюсь от мрачности тех циников, которые не допустили бы ваш пол в сообщество благородных дружб¹⁴.»

Подобная позиция, да еще публично озвученная (трактат, судя по всему, был опубликован почти сразу же после написания) действительно делает из Тейлора мыслителя достаточно передового в гендерных вопросах, волновавших умы со времени начала «споров о женщинах». Надо отметить, что в защиту способностей женщин чаще всего выступали сами женщины, авторы-мужчины, за небольшим исключением, обычно отстаивали «обвинительную» позицию.

Тейлор отмечает те качества, за которые женщина может цениться как друг («они обладают всем, что может быть необходимым и важным для дружбы»¹⁵), рассматривает возможность дружеских отношений между мужчиной и женщиной. И рассуждения о браке появляются в его тексте именно в этой (отнюдь не традиционной) логике: для него брак – это наилучшая возможность, имеющаяся в распоряжении женщины (как, впрочем, и мужчин), для того, чтобы поддерживать совершенные дружеские отношения («Я верю, что некоторые жены были лучшими друзьями на земле»¹⁶).

Кроме того, коль скоро мы говорим о непонимании, необходимо отметить, что его произведение зачастую очень четко перекликается со стихотворениями Кэтрин Филипс. К примеру, он выстраивает иерархию земной и небесной дружбы:

«Я признаю, что не следует ожидать этого от нас в этом мире; но так же, как несовершенны все наши милости, что означает – они являются лишь стремлением к славе, так же несовершенны и наши дружбы, и они – лишь начало дружбы небесной, благодаря которой мы будем любить любого так сильно, как он только может быть любим.¹⁷»

---

¹⁴ Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 94.

¹⁵ Ibid. P. 95.

¹⁶ Ibid. P. 94.

¹⁷ Ibid. P. 73.

Подобную иерархию дружеских отношений можно найти и в ее творчестве:

«Следующая за любовью ангелов, если не равная ей,
Крепче страсти, хотя и не столь пышная,
Она предшествует приятной вечности
И она – небеса в миниатюре.¹⁸»

Его тезис о том, что при всем стремлении к универсальной дружбе люди, в силу своей ограниченности, должны дарить ее в наибольшей мере тем, кто рядом и кто достоин ее («дружба это теснейшая любовь и теснейшие отношения, на которые способны люди»¹⁹), вполне отвечал ее пылким отношениям с подругами. И вполне возможно, что именно под влиянием его рассуждения о том, что и на земле «мы должны быть друзьями для всех»²⁰, ее «Общество дружбы» обрело тот амбициозный замысел, о котором поведал Эдвард Деринг:

«Оринда замыслила самый великодушный план, который, на мой взгляд, когда-либо рождался в чьей-то груди, объединить всех ее знакомых, которых она считала достойными или желала сделать таковыми (среди последних она была любезна выделить место и мне) в общество. И с помощью связей дружбы создать альянс более крепкий, чем те, что могут создать природа, наша страна или равное образование²¹.»

Тейлор очевидным образом старается дать ответ именно на те вопросы, которые по-видимому волновали Кэтрин Филлипс – могут ли женщины поддерживать дружеские отношения (хотя и не пишет о сугубо женской дружбе). И при этом столь же очевидна неудовлетворительность его ответа. Когда историки гендера отмечают, что Тейлор дал Оринде сугубо патриархальный ответ, это действительно так, и это вполне ожидаемая реакция от священника. Парадокс заключается в

¹⁸ *Philips K. Friend // Philips K. The Collected Works of Katherine Philips, The Matchless Orinda. Stump Cross, 1990. V.1. P. 166.*

¹⁹ *Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 76.*

²⁰ *Ibid. P. 73.*

²¹ Цит. по: *Thomas P. Katherine Philips ("Orinda"). Aberystwith, 1988. P. 13-14.*

том, что на самом деле Тейлор не дает ответа *женщине*, он рассуждает, исходя из маскулинного образа дружбы. То понимание дружеских отношений, которое он вкладывает в свой текст, предполагает отношения между мужчинами. И именно по этой причине там находится место и такому проявлению дружбы, как политическая лояльность.

Каковы же причины этого? Во-первых, безусловно, они лежат в самом образе дружбы, существовавшем на тот момент и особенно том, который сложился под влиянием религиозной литературы. Дружеский дискурс никогда раньше не был характерен для религиозных текстов. Тема дружеских отношений, хотя и появлялась у отдельных церковных авторов, не была доминантной, сильно уступая «милосердию» и «христианской любви к ближнему». Однако появление нового идеала дружбы – эмоциональной, духовной привязанности – и новой протестантской доктрины «спасения верой», также акцентировавшей «привязанность» к Богу, создали условия, когда дружеский дискурс стал восприниматься проповедниками как адекватный способ объяснения тех отношений, которые должны существовать между праведниками и Богом²². Задействование дружеского дискурса в религиозных трактатах и проповедях, привело к трансформации образа идеального друга, в роли которого стал выступать Господь. Наверное,

---

²² Для самих реформаторов XVI в. этой аллюзии еще не существовало. Напротив, как показывают исследования, для Кальвина новый образ взаимоотношений с богом принципиально противопоставлялся человеческой системе патронатных взаимоотношений (как раз описывавшихся в рамках дружеского дискурса), в которых для обеспечения расположенности к себе, необходимо постоянно льстить и оказывать услуги, т.е. действовать в рамках экономики дарений. См. об этом: *Monheit M.L. "The ambition for an illustrious name": Humanism, Patronage, and Calvin's Doctrine of the Calling // Sixteenth Century Journal, 1992. V. 23. № 2. P. 267-287.* Хотя уже у Кальвина в «Наставлении в христианской вере» возникает понятие «дружелюбия», выражающее подлинно бескорыстное рвение, стремление к помощи и к соучастию с жизни другого.

наиболее наглядно это выразил Ричард Бакстер в своем трактате «О недостаточности дружбы»: «Где бы ни были ваши друзья, Бог всегда рядом, чтобы быть самым полезным, достойным и приятным предметом ваших мыслей»²³, «любовь всех друзей на земле ничто в сравнении с его любовью»²⁴. С другой стороны, истинный друг мог даже сопоставляться с Богом:

«...Но мой друг – достойный человек, если он может вместо Бога стать для меня советчиком и поддержкой, глазом или рукой, посохом или кормилом»²⁵»

Одним из самых существенных аспектов этой трансформации, хотя и несколько парадоксальным, если принимать во внимание изначальные интенции реформаторов, особенно Кальвина, стало акцентирование и легитимация полезности дружеских отношений. Ведь Бог является идеальным другом именно в силу своей безграничной способности оказывать благодеяния и бесконечной потребности их оказывать своим возлюбленным чадам.

«[...] “Хороший человек” это благодетельная, полезная особа и в этом – узы эффективной дружбы. Ибо я не думаю, что дружбы это метафизическое ничто, созданное для созерцания, или что мужчины или женщины должны уставиться друг другу в лицо и вести беседу о новостях и прелестях, и выглядеть детьми в глазах друг друга. Дружба есть уменьшение наших скорбей, успокоение наших страстей, облегчение нашей подавленности, прибежище наших бедствий, советчик для наших долгов, просветление наших умов, выход для наших мыслей, осуществление и улучшение того, чему мы способствуем. И хотя я люблю своего друга, поскольку он достойный человек, все же он не будет достойным, если не сможет принести никакого блага. Лишь тот может быть выбран в друзья, кто может оказывать те услуги, которые делают дружбу превосходной. Ибо (не заблуждайтесь)

---

²³ *Baxter R. The Christian Converse with God, or the Insufficiency and Uncertainty of Human Friendship and the Improvement of Solitude in Concert with God. L.: John Salisbury, 1693. P. 89.*

²⁴ *Ibid. P. 115.*

²⁵ *Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 78.*

ни один человек не может быть любим из-за него самого; наше совершенство в этом мире не может достичь таких высот; хорошо если мы будем любить Господа на таких условиях, и я очень опасаясь, что если бы Господь не делал нам никакого подарка, мы могли бы восхищаться его достоинствами...²⁶»

Акцент, однако, делается не на необходимости оказывать «услуги» ради получения ответной выгоды (ср. с «добрыми делами» в католическом вероучении), а о выражении искренней привязанности и дополнительном основании для этой привязанности. Бог изначально одарил людей своей любовью и благами, они могут разве что ответить ему взаимностью в меру своих способностей. Один из проповедников XVII в. Роберт Саут писал:

«Теперь, говорю я, измени направление своих усилий в другую сторону, и одари хоть вполтину столь же сердечными и усердными услугами своего Спасителя в обязанностях молитвы и смирения, и оплати хоть половину долга в милосердных делах, открывая Христа в его жалких членах, одним словом, старайся изо всех сил угодить тому, кто умер за тебя, как ты делаешь, чтобы ублажать и потакать своему патрону, который не заботится о тебе, и ты сделаешь его своим другом на веки; другом, который признает тебя в твоём худшем положении, скажет утешительные слова в любых твоих горестях, посоветует во всех твоих сомнениях, ответит на любые желания и, одним словом, никогда не оставит и не отвергнет тебя²⁷.»

Надо сразу оговориться, что и раньше польза была одной из важнейших составляющей тех отношений, которые именовались дружескими. Однако появление нового эмоционального идеала дружбы, начиная с эпохи Возрождения, а также развитие деловой активности, которая осуществлялась в рамках дружеского дискурса, выступающего в качестве регулятора надежности деловых отношений, все больше проблематизировали наличие корыстного интереса в дружеских отношениях

---

²⁶ Ibid. P. 77.

²⁷ *South R. Sermons preached upon Several Occasions.* Oxford: Clarendon press, 1823. Vol. 1. P. 403.

ях. Разные культуры находили различные способы разрешения этого противоречия. Во Франции мысль стала развиваться в направлении идеализации дружеских отношений и полного исключения интереса из этоса дружбы. В Англии на основе протестантской теологии, проповедующей горячую любовь как основу взаимоотношений человека с всеблагим Богом, активно жаждущим его спасения, формируется другой идеал дружбы, в котором польза является не помехой, но напротив – основным поводом для развития сильной эмоциональной привязанности.

«И хотя существует масса причин любить каждого человека, – пишет Тейлор, – все же есть еще больше поводов любить одних сильнее, чем других. И если я должен любить, так как тому есть причины, то я *должен любить тем сильнее, чем больше этих причин.*²⁸»

Однако очевидно, что акцентированная полезность отношений почти автоматически исключала из них женщин. Тейлор очень четко соотносит пользу, приносимую дружбой, с тем, что мы назвали бы публичной сферой:

«Может ли рассердить мудрого и хорошего человека, если я скажу: “Я выбираю этого человека себе в друзья, потому, что он может подать мне совет, сдержать мои скитания, успокоить меня в скорби; он приятен мне в частных делах и полезен в публичных; он удвоит мои радости и разделит со мной мое горе”? За что еще я должен выбрать его? За глупость и бесполезность? За приятное личико или гладкий подбородок? Признаю, что возможно быть другом тому, кто невежественен и жалок, приятен и ни на что не годен, который отменно ест и жадно пьет, но он не может быть другом для меня. И я буду любить его с нежностью или жалостью, но это не может быть благородной дружбой²⁹.»

Дружба в интерпретации Тейлора существует и в частном, и в публичном пространстве, оказываясь, таким образом, на их границе. И это при том, что Тейлор довольно четко разделяет эти два понятия. В «Святой жизни» понятие *privacy* не

---

²⁸ Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 75.

²⁹ Ibid. P. 79.

раз появляется в связи с пространством и жизнью, поведением в стенах дома. Незваное или неожиданное вторжение в чужое жилище есть нарушение *privacy* и такое поведение противоречит скромности. В связи с этим он наставляет свою паству не подслушивать под окнами и дверьми, стучаться, прежде чем открыть чужую дверь (хотя внимание которое он уделяет этим нравоучением само по себе свидетельствует о том, что представления о принципиальной закрытости чужого частного пространства отнюдь не были нормой). С другой стороны неадекватное поведение в публичном пространстве – «совершать действия, позволенные в уединении, в публичных местах»³⁰ – также является нарушением скромности. Что особенно важно – польза имеет публичный статус, значимый для общества, удовольствие же – относится к сфере домашнего и частного.

Соотнесение публичного с пользой, а частного – с удовольствием у Тейлора хорошо вписывается в исследовательскую концепцию Алана Брея, изучавшего изменения отношений к мужской интимности. Брей приходит к выводу, что до конца XVII века интимные выражения дружбы между мужчинами (поцелуи, объятия) рассматривались как символический дар и потому оказывались приемлемыми для общества. Женские же отношения были лишены такой коннотации в силу того, что они не имели никакой социальной пользы. И потому язык дружбы был совершенно неприменим к женщинам, в историях о дружбе женщины всегда выступают как «враги дружбы».³¹ Женщины не могут быть друзьями, т.к. они не публичны в силу своей не-полезности, а потому можно сказать, что новый образ дружбы, выводящий эту полезность дружбы на первый план, оказался еще более маскулинным.

---

³⁰ *Taylor J. The Rule and Exercises of Holy Living // Taylor J. The Whole Works of the right rev. Jeremy Taylor in ten volumes. London, 1854. V. 3. P. 83 (Chap.2. Sect. 5).*

³¹ *Bray A. The Friend. Chicago, London: Chicago university press, 2006. P. 175.*

Лорна Хатсон,³² известный специалист в области женской истории, в своей статье, написанной как реакция на книгу Брея, дальше развивает эту тему проблемности женской дружбы. Отправным толчком для ее рассуждений послужило отсутствие в книге Брея упоминаний о Кэтрин Филипс, ключевой фигуре, если мы говорим о женской дружбе и ее репрезентации в Англии XVII в. Ее вопрос заключается в следующем: если практически не существовало женского дружеского дискурса, в отличие от мужского, то релевантна ли теория Брея истории женской интимности? Ибо, если согласно Брею тело друга присутствовало как знак формального и объективного характера дружбы, а женские отношения были лишены его, как публично признанного этического статуса или же семейной или родственной полезности, то и женские телесные контакты лишь в исключительных случаях могли расцениваться как социально убедительный «дар» одного друга другому. По мнению Брея именно это и служило причиной того, что женская интимность не воспринималась как дружба. Так должно было быть до тех пор, пока женщины не присвоят этический дискурс дружбы. Однако Лорна Хатсон отмечает, что сочинения К. Филипс с самого начала носили несколько скандальный оттенок. И эта скандальность была связана не с тем, что в течение XVII в. телесные формы выражения интимности в дружеских отношениях традиционно еще имевших этическую ценность, все больше проблематизируется, а как раз с этим присвоением женщиной этического дискурса дружбы³³.

«Это предполагает, — пишет Л. Хатсон, — что для Филипс как для женщины-писателя трудность состояла в не в том, чтобы отличить этические телесные жесты от запретных, но в самой

---

³² Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer: Katherine Philips's Absence from Alan Bray's *The Friend* (2003) // *Women's Writings*, 2007. V. 14. № 2. P. 156-214.

³³ Ibid. P. 207.

претензии на то, что сочинения о женской дружбе могут иметь этическое и политическое значение³⁴»

Я уже писала об этой точке зрения Лорны Хатсон применительно к интерпретации творчества К. Филипс.³⁵ Сейчас она важна для меня для того, чтобы развернуть проблему в другую сторону. Если в силу отсутствия женского дружеского дискурса, женщины не могли говорить о дружбе иначе, кроме как присваивая мужские дружеские, но так же и любовные, и прочие дискурсы для этой цели, то по крайней мере мы исходим из того, что для них самих это присвоение являлось способом выражения своих мыслей (отличных от мужских), даже если оно и выглядело скандально с точки зрения других, поскольку мы предполагаем наличие за этими дискурсами иных интерпретаций и смысловых акцентов в женских текстах. Мне же хотелось бы здесь акцентировать те проблемы, с которыми сталкивались мужчины, которые, как Джереми Тейлор хотели бы говорить о женской дружбе. Они также использовали традиционные, т.е. мужские дискурсы, при этом не пытаясь приспособить дискурсы под гендерные особенности женщин; они говорили о женской дружбе, встраивая женщин в мужские дискурсы. И как раз это и создает эффект неадекватности, в особенности для современных исследователей.

Тейлор пытается написать свое сочинение для женщины, и прилагает немало усилий для того, чтобы продемонстрировать возможность дружеских отношений с женщинами и между ними и, соответственно, даже пользу, которую можно из таких отношений извлечь, но в итоге он не только безуспешно пытается вписать женщин в мужской канон дружеских отношений, он также не способен отразить свои «протофеминистские» идеи в тексте, поскольку сам язык постоянно уводит его в традиционную маскулинную трактовку. Женщины в приводимых им примерах оказываются достойными друзьями в тех случаях, когда они ведут себя подобно мужчинам – как Пор-

---

³⁴ Ibid. P. 210.

³⁵ См.: *Стогова А.В.* Роялистка или лесбиянка?

ция, жена Брута, проколовшая себе кинжалом бедро, чтобы убедиться, что не выдаст тайны в случае пыток. Интересна мораль Тейлора, выводимая из подобных историй:

«Я не могу сказать, что женщины способны на все те высокие качества, которыми мужчины угождают миру. И потому женщина-друг, в некоторых случаях, не столь хороший советчик, как мудрый мужчина, и не может так же хорошо отстаивать мою честь или оказывать подкрепление и помощь, если находится под властью другого. Но женщина может любить так же страстно и хранить тайны так же верно, и быть полезной в своем собственном содействии, и может умереть за друга, так же, как и храбрый римский всадник³⁶.»

Иными словами, женщина может быть хорошим другом в той мере, в какой она способна вести себя как мужчина.

Стойкая ассоциация мужского/полезного/публичного и женского/приятного/частного продолжает у Тейлора работать и во всех остальных рассуждениях:

«...мы не можем быть недовольны тем, что добродетельные и прекрасные женщины будут партнерами в достойной дружбе, раз их общение и от дача могут добавить многие моменты к блаженству нашего существования. И потому, хотя нож не может проникнуть так же глубоко, как меч, но нож может быть более полезен для некоторых целей и в любых случаях, кроме употребления против врага. Мужчина – лучший друг в волнениях, но женщина может быть равной ему в дни радости: женщина столь же успешно может улучшать наше настроение, но не может так же хорошо приуменьшить наши печали. И потому мы не берем с собой женщин, когда идем сражаться, но в мирных городах и в мирное время добродетельные женщины составляют украшение общества и прелесть дружбы³⁷.»

Даже брак, «королева дружб», встраивается в эту логику. В одной из своих проповедей (посвященной браку) Тейлор писал:

«Брак был предуготовлен Богом, установлен в раю, он служил облегчением естественной необходимости и первым благо-

---

³⁶ Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 94.

³⁷ Ibid. P. 95.

словением от Господа. Он дал мужчине не друга, но жену, то есть и друга, и жену одновременно, ибо хорошая женщина в своей душе такова же, как и мужчина, и она женщина лишь телесно. То есть она может иметь совершенство одного и полезность другого и быть любима в обоих качествах³⁸»

В этой связи, вероятно, оказывается отнюдь неслучайным, что приводя описание известной аллегории дружбы, Тейлор меняет ее пол, делая из женщины – мужчину³⁹:

«И свойственные выражения хорошо представлены в иероглифе, с помощью которого древние изображали “дружбу с помощью красоты и силы молодого мужчины с обнаженной головой и в грубой одежде, чтобы обозначить ее активность и длительность, готовность к действию и склонность оказывать услуги.

На подоле его одежды было написано *Mors et vita*, что означает, что в жизни и в смерти дружба одинакова, на лбу было написано «лето и зима», то есть успешные и неблагоприятные события

³⁸ Taylor J. The Marriage Ring. Sermon XVII // Taylor J. The Whole Works of the right rev. Jeremy Taylor in ten volumes. London, 1854. V.1. P. 210.

³⁹ Существовали и аллегории дружбы в образе мужчины, но детальное описание Тейлора указывает на конкретную аллегорию из «Иконологии» Цезаре Рипы, в которой, согласно латинской грамматике *Amicitia* (как существительное женского рода) изображалась в виде женщины. Ср.: «Женщина, одетая в белую грубую одежду, которая оставляет открытыми ее левое плечо и грудь, правой рукой указывает на свое сердце, на котором золотыми буквами начертан следующий девиз: *LONGE ET PROPRE* (ВБЛИЗИ И ВДАЛИ). И на подоле ее одеяния надпись: *MORS ET VITA* (В ЖИЗНИ И В СМЕРТИ). У нее непокрытая голова, на которую надета гирлянда из мирта и цветов граната, сплетенных вместе, на лбу у нее надпись: *HIEMS, AESTAS* (ЗИМОЙ, ЛЕТОМ). Своей рукой она держит засохший вяз, обвитый зеленым виноградом». *Ripa C. Iconologia overto descriptione di diverse imagini cauate dall'antichita, & di propria inuentione. Roma, 1603. P. 15.*

и состояния жизни. Левая рука и плече обнажены и оголены до сердца, на которое указывает палец, и там написано: "Longe & progre" – из всего этого мы знаем, что дружба делает много добра и вблизи и вдали, зимой и летом, в жизни и в смерти, и знает различие между состоянием или случаем только по разнообразию своих услуг⁴⁰»

Интересно сопоставить трактат Тейлора с другим сочинением о дружбе, также написанным для Кэтрин Филипс по ее просьбе⁴¹. В 1654 году поэт Фрэнсис Финч отпечатал несколько экземпляров эссе «О Дружбе», посвященного Люкасии-Оринде⁴² как единому целому. Примечательно уже то, какими словами Финч начинает свое рассуждение:

«Неповиновение любым вашим Приказанием всегда сильно огорчает меня, и наносит вред мне же самому. Но все же вы не должны бранить меня за мое Неповиновение: ибо когда вы просите о вещи невозможной, вроде искусных Рассуждений от Мужчин, которые посвящены не им самим; вы можете быть столь милосердны, что позволить себе ошибиться в оценке достоинств Человека, который точно вам повинуется, и поступить по отношению к нему справедливо, и сохранить Господство, которым вы продолжаете обладать, проведя различие между Неспособностью и Неверностью⁴³»

Эта осознаваемая Финчем неспособность мужчины рассуждать о женщинах крайне интересна для нашего исследования. В особенности потому, что он действительно оказывается неспособен говорить о женской дружбе. В отличие от Тейлора, он нигде больше не акцентирует внимание на том, что проблематика женской дружбы есть нечто особое, и что из его обращения к женщинам вытекают какие-то специфиче-

⁴⁰ *Idem*. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 92.

⁴¹ Упоминание об этом есть в посвящении, которое было написано позже основного текста, непосредственно перед публикацией в 1654 г. *Finch F. Friendship. L., 1654. P. [1]*.

⁴² Люкасия – пасторальное прозвище Анны Оуэн в кругу друзей Кэтрин Филипс (Орииды). Анна Оуэн была одной из двух ближайших подруг К. Филипс, которой посвящен целый цикл стихотворений.

⁴³ *Finch F. Friendship. P. 1.*

ские задачи текста. Своей оговоркой он как бы снимает с себя ответственность писать о том, как могут сочетаться понятия «дружба» и «женщина». Причем, уточняя, что дело не в их принципиальной несочетаемости, а в том, что это невозможно именно в силу гендерной инаковости автора. Финч пишет о дружбе вообще, хотя его апелляция к дружбе как к одной из страстей на первый взгляд делает его сочинение более близким по духу с поэзии самой Кэтрин Филипс. Ведь именно такая трактовка дружбы позволяла женщинам «примерить» дружеских дискурсы к собственным отношениям.

Однако в итоге его текст оказывается гораздо менее нейтральным, чем сочинение Тейлора. С одной стороны – транслируемый им образ дружбы также оказывается сугубо маскулинным – с той же полезностью (хотя и не столь акцентированной, как у Тейлора), военным, экономическим и политическим дискурсами. Говоря о дружбе он обращает внимание на «поддержку», «силу», «поддерживающую руку Друга»⁴⁴. Обращаясь к женщинам, Финч постоянно переводит тему полезности дружбы в проблему того, что дружба не должна быть обузой:

«Дружба очень далека от того, чтобы быть деспотической в какой бы то ни было из своих обязанностей; ибо она не может быть Обузой, о которой думают или которую ощущают так: и если я могу принять услугу от моего Друга, его предусмотрительность должна оградить меня от того, чтобы делать меня бесполезным.»⁴⁵

Женщина как субъект дружеских отношений вообще появляется в его тексте только в связи с рассмотрением все той же идеи брака. И, в отличие от Тейлора, он ставит дружбу выше брачных отношений, но именно по той причине, что женщины обычно неспособны на дружеские отношения:

---

⁴⁴ Ibid. P. 31.

⁴⁵ Ibid. P. 33.

«Многие могут восхищаться ею как возлюбленной, испытывать привязанность к ней как к жене, и все же считать ее не столь подходящей для всех Отношений Дружбы⁴⁶.»

Ставя дружбу превыше брака и любви (как это могло видаться и самой Кэтрин Филипс) Финч, однако, оказывается способен обосновать это превосходство лишь неспособностью женщин.

Еще одной красноречивой особенностью его текста, в которой наглядно проявляется его обращенность именно к женщинам, является внимание к нравственным поучениям, которые редко появляются в светских трактатах о дружбе, но которыми традиционно полны нравоучительные сочинения, обращенные к женщинам. Т.е. обращение к женщине выражается в его тексте в виде нравоучений как способа общения с женской аудиторией: «все пороки разрушительны для дружбы, ибо число пороков неисчислимо, они множатся как головы Гидры или желания алчного человека»⁴⁷. Не случайно он так много внимания уделяет разного рода опасностям, которые подстерегают человека, неправильно выбравшего друга («если вы все же желаете иметь друга, первым делом выясните, чтобы он был верующим»⁴⁸), и советов читательнице (“I recommend you...”). Здесь эссе о дружбе неизбежно тяготеет к поучению именно потому, что оно обращено к женщине. И многие рассуждения проявляются как сугубо женская тематика, и как отклонение от мужской нормы:

«Если я стану перечислять все Мотивы, подходящие тем, кто еще не уяснил, что такое Дружба, я буду слишком многословен. Но поскольку сам замысел обращения людей к благорасположенности в отношении Дружбы сам по себе столь благороден, а люди имеют грубые Представления о ней, что недостаточно всей искусности самого властного Пера, чтобы привлечь их внимание, и приучить к их собственному Интересу (ибо правильно понимаемая Дружба им и является), я предложу кое-что

---

⁴⁶ Ibid. P. 8.

⁴⁷ Ibid. P. 24.

⁴⁸ Ibid. P. 35.

как мотив для нашего объединения в ней: которая не должна быть картинной или искусно приодетой, но со своей естественной Красотой и Блеском; которые лучше всего проявятся в обращении к ее Пользе и Выгоде, которые являются краеугольным камнем, делающим ее общепризнанной или нет⁴⁹»

Противопоставление красоты (причем красоты искусственной – одного из топосов женского образа в нравоучительных трактатах) выгоде и пользе очень перекликается со словами Тейлора о том, что не стоит любить друга за приятное личико и гладкий подбородок – т.е. опять же за то, с чем ассоциируется образ женщины. У него есть и более жесткие слова:

«... быть любимым это удовольствие, но когда его [т.е. друга – А.С.] любовь означает не больше, чем поцелуй в щеку или добрую беседу и не может пойти дальше, это проституция дружеской отваги...⁵⁰»

Судя по тексту «Рассуждения», Джереми Тейлор также довольно четко понимал, что его представления о дружеских отношениях не совпадают с тем, что пыталась выразить Кэтрин Филипс. Его настораживал страстный платонизм Оринды, ее внимание к чувственной, эмоциональной стороне дружеской привязанности. Очевидный конфликт, вызванный невозможностью для мужчин рассуждать о женской дружбе так, чтобы написать именно о ней, по всей видимости выразился в том, что Тейлор ощущал противоречие между его собственными взглядами и теми, что нашли выражение в поэтических образах Кэтрин Филипс. Однако, при этом, в отличие от Финча, проблема не воспринималась им как гендерная. В «инаковости» представлений поэтессы Тейлор видел следы чуждого культурного воздействия, а отнюдь не женской эмоциональности.

Давая осторожную оценку взглядам самой Кэтрин Филипс, Тейлор связывает ее пылкую платоническую концепцию дружбы с французским влиянием. Он несколько раз вы-

---

⁴⁹ Ibid. P. 30.

⁵⁰ Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 77.

сказывается с критикой взглядов французских авторов, обнаруживая свое прекрасное знакомство со светской литературой. При этом, по сути дела, он обращается непосредственно к Оринде с ее восторженной платонической дружбой, оговаривая, что «...наравне с платонической любовью существует и платоническая дружба, но они, будучи лишь образами более благородных тел, словно блестящие одеяния, которые отважно проявляются в свете свечей и превосходны в маске, но не подходят для беседы и земных отношений в нашей жизни»⁵¹. В подтверждение своего тезиса он говорит о том, что можно влюбиться в Мандану из «Кира Великого»⁵² и в испанскую инфанту и мечтать о совершенных абстрактных и бесполезных дружбах. Все это оказывается подобным строительству воздушных замков.

Интересно, что Тейлор нигде напрямую не высказывает критических суждений в отношении взглядов какого-то автора. Но в одном случае некоторые его пассажи, при помощи довольно прозрачных намеков, дают читателю понять, что он весьма критически относится к идеям Монтеня, хорошо известного в XVII веке и за пределами Франции. Идея дружбы, которую излагает Тейлор, явно находится в прямом противоречии с тем пониманием дружбы, которое было изложено Монтенем в память о своих отношениях с Этьеном Ла Бюэси. И как видно из рассуждений Тейлора, основной его мишенью стала важнейшая в системе взглядов Монтеня идея абсолютного отсутствия какой-либо заинтересованности в совершенной дружбе, представляющей собой полное слияние душ — «...в дружбе нет никаких иных расчетов, кроме нее самой»⁵³.

---

⁵¹ Ibid. P. 81.

⁵² «Кир Великий», роман вышедший под именем Жоржа де Скюдери, но им написанный, по меньшей мере, в соавторстве со своей сестрой, мадемуазель де Скюреди, а то и ею самой. В другом своем романе «Клелия» Мадлен де Скюдери вводит и объясняет понятие «нежной дружбы», своим платонизмом и пылкостью также весьма близкое к образу дружбы в творчестве К. Филиппа.

⁵³ *Монтень М. де. О дружбе // Монтень М. де. Опыты: в 3 т. М.-Л., 1960. Т. 1. С. 236.*

В его тексте есть рассуждение, которое можно расценить как прямую критику уже не только взглядов, но поступков Монтеня:

«Мы можем делать все, что угодно, и выдержать что угодно, если это разумно и необходимо, или принесет большое благо моему другу, и так во всем, в чем я являюсь хозяином самого себя и своей судьбы. Но я не стану отважно посещать своего друга, когда он болен чумой, если только не смогу принести ему благо, по меньшей мере равное опасности, которой подвергаюсь. Но я обеспечу его лучшими врачами и священниками, любой помощью, которую он может получить, и которую он может пожелать, если это будет в моей власти. И если он умрет, я не стану кидаться в его могилу, чтобы задохнуться под землей; но я стану оплакивать его, я исполню его волю и стану заботиться о его родных, и вести хозяйство, как если бы он был жив...⁵⁴»

Можно предположить, что Тейлор отсылает к известному эпизоду смерти Этьена Ла Бозси от чумы, когда Монтень не отходил от постели своего друга, невзирая на опасность заразиться. Эта история вполне могла быть ему известна, поскольку еще при жизни Монтеня было опубликовано его письмо к отцу, где он описывал последние дни своего друга⁵⁵. Для Тейлора восторженные платонические идеи Кэтрин Филиппс выглядят не как следствие ее знакомства с английскими платониками и не как проявление ее роялистских симпатий, и тем более не как выражение иной, «женской» модели дружбы, а прежде всего как результат ее увлечения французской литературой⁵⁶. Не случайно Мадлен де Скюдери с ее идеями сугу-

---

⁵⁴ Taylor J. Discourse of the Nature and offices of Friendship. P. 92.

⁵⁵ Montaigne M. de. Extrait d'une lettre que Monsieur le Conseiller de Montaigne escrit à Monseigneur de Montaigne son pere, concernant quelques particularitez qu'il remarque en la maladie et mort de feu Monsieur de la Boetie // *La Boëtie E. de. La Mesnagerie de Xénophon*. P. : F. Morel, 1571. P. 121-131.

⁵⁶ Помимо того, что Оринда переводила французские пьесы и увлекалась французскими романами (о чем свидетельствует ее переписка с сэром Чарльзом Коттереллом), в ее «кружке» и пасторальных прозвищах его членов исследователи видят стремление подражать

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И ЭМАНСИПАЦИИ

В.Ю. Иващенко

Проблемы европеизации частного быта: семейные отношения и домохозяйство в про- фессорской среде Харькова в начале XIX в.¹

Уже с первых дней существования университета его ученая корпорация оказывалась в тесном взаимодействии с местным сообществом. При этом наряду с различными публичными университетскими акциями – торжественными собраниями, изданиями научных и популярных трудов, выступлениями со страниц газет и журналов и т. п., – объектом живейшего интереса горожан служила частная жизнь профессоров, которая во многом была прозрачна для современников. В этом плане особое внимание привлекают процессы, связанные с вхождением в городскую среду иностранных ученых, которые в начале XIX в. составляли большинство в профессорской корпорации Харькова².

Однако прежде чем перейти к данному сюжету, следует отметить особенности источниковой базы исследования. До 1820-х гг. харьковские католики и лютеране при отправлении обрядов пользовались услугами приезжего или даже право-

---

¹ Статья подготовлена в рамках Международного исследовательского проекта «Ubi universitas, ibi Europa» («Трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.»), поддержанного Германским историческим институтом в Москве и Фондом Герды Хенкель.

² Из 47 профессоров и адъюнктов, состоящих на службе в Харьковском университете с 1803 г. по 1814 г., 29 были иностранцами, из них – 18 немцы, 7 имели славянское происхождение, 4 были французами.

славного духовенства. Но, поскольку Свято-Антониевская домовая церковь Харьковского университета была заложена только в 1823 г., выявить записи крещений, венчаний и отпеваний, даже если они происходили по православному обряду, крайне сложно. Формулярные списки профессоров, которые сохранились далеко не в полном объеме, дают лишь общее представление о составе семьи: фиксируются имена и возраст детей, тогда как в отношении супруги лишь в некоторых случаях указывается вероисповедание. Более того, их сведения не всегда достоверны: как выяснилось в ходе рассмотрения дел о предоставлении пенсий вдовам профессоров А.И. Стойковича и А.Я. Калькау, последние «забыли» внести своих жен в формулярный список.

Основным источником информации по интересующей нас теме являются воспоминания: автобиография профессора Х.Ф. Роммеля³, который детально изложил историю своей семейной жизни, воспоминания сына профессора русской истории Г.П. Успенского о домашней жизни отца, путевые заметки петербургского чиновника, уроженца Харькова Р.М. Цебрикова, побывавшего на родине зимой 1813–1814 гг. и детально охарактеризовавшего местное общество, а также многочисленные мемуары воспитанников Харьковского университета и местных жителей, в которых нашли отражение случаи девиантного поведения профессоров. Кроме того, в работе использовались некоторые нормативные акты, материалы периодической печати, а также обширный комплекс делопроизводственных источников: дела об увольнении и смерти харьковских профессоров, о предоставлении пенсий их вдовам и сиротам, о конфликтах в университетской среде.

Изучение истории семьи в России XIX в. началось относительно недавно. Изменения демографической ситуации в различных социальных группах в очень общих чертах рассматриваются в работе по социальной истории Российской

---

³ По отношению к профессорам-иностранцам указываются те имена, отчества и фамилии, которые употреблялись в России.

империи Б.Н. Миронова⁴. Специальная работа по городской семье Ю.М. Гончарова не выходит за рамки купеческих семей Сибири второй половины XIX – начала XX вв.⁵ Поэтому хотелось бы особо отметить исследования Е.А. Вишленковой и Т.В. Костиной, которые знакомят с частной жизнью казанских профессоров⁶, что позволяет выявить как некие общие тенденции, так и местные особенности в истории семейных отношений и домохозяйства иностранной профессуры в университетах Российской империи.

Если говорить о терминологии, то в данном случае под «семьей» понимается нуклеарная семья – супружеская чета (или один из супругов после смерти другого) с детьми, независимо от того, проживают они вместе или раздельно. Более обширные группы людей, которые связаны друг с другом либо общим происхождением, либо браком определяются понятиями «родственники», «родня», «родные». Наконец, термин «домохозяйство» обозначает людей, совместно проживающих в одном жилище. В большинстве случаев центром такой группы является семья, но часто она включает одного или нескольких родственников, а также прислугу⁷.

Начнем с прояснения мотивов вступления в брак. В России XVIII – начала XIX вв. браки часто носили добровольно-принудительный характер и даже у дворянства доминировала

---

⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., доп. СПб.: «Дм. Буланин», 2003. Т. 2. 548 с.

⁵ *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.

⁶ *Вишленкова Е.А.* Публичная и частная жизнь университетского человека Казани XIX века // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 7. С. 172-200; *Костина Т.В.* Мир университетского профессора Казани. 1804 – 1863: Дисс... канд. ист. наук / Казанский гос. ун-т. Казань, 2007. 226 с.

⁷ *Зокколл Т., Шлюмбом Ю.* Историческое изучение домохозяйства, семьи и родства // Семья, дом и узы родства в истории. СПб., 2004. С. 9.

деловая установка на брак⁸. Не было здесь исключением и ученое сословие. Хотя до войны 1812 г. харьковская профессура была вполне довольна выплачиваемым им жалованьем, многие университетские деятели стремились укрепить свое положение удачной женитьбой. Кстати, особенно в этом преуспели иностранные профессора. Известный своими торговыми операциями профессор А.И. Стойкович женился на помещице Изюмского уезда, как писали современники, «женщине некрасивой, но у которой было полтораста душ крестьян»⁹. Далее, получив землю в Херсонской губернии, убедил жену продать ее имение, а крестьян перевести в свои новоприобретенные владения, где и продал их. Сам после увольнения из Харьковского университета уехал в Петербург, а «жену бросил оплакивать ее бедственную участь»¹⁰.

Конечно, такие вопиющие случаи представляются скорее исключением, но поиски состоятельной супруги были делом вполне обычным: так, профессор К.П. Павлович женился на вдове, помещице П.Н. Боярской, которая была старше его на десять лет¹¹; Г.Г. Гесс-де-Кальве, ученик Моцарта, получивший в Харьковском университете степень доктора, большую часть жизни прожил в Володаге – в имении супруги¹²; после

---

⁸ Гончаров Ю.М. Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX в. // *Семья в ракурсе социального знания: сб. науч. статей.* Барнаул, 2001. С. 28; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 256.

⁹ Из воспоминаний В.И. Ярославского // *Харьковский сборник.* 1887. Вып. 1. С. 51.

¹⁰ Там же.

¹¹ Решетов Н. Люди и дела давно минувших дней // *Русский Архив.* 1886. Кн. 10. С. 221-225; Розальон-Социальский А.Г. Мои воспоминания // *Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: У 2 т. Т. 1 / Укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Івашенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов; Вступ. стаття В.Ю. Івашенко; Наук. ред.: С.І. Посохов.* Харків, 2008. С. 38.

¹² Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час. Харків: Майдан, 2001. С. 136.

увольнения из университета удалился в имение жены-польки профессор К.К. Нельдеген.

Показательно, что устраивая браки своих детей, профессора также руководствовались расчетом, однако выгодной партией они, очевидно, считали уже и товарищей по университету. Профессор Я.Я. Белен-де-Баллю, имевший многочисленное семейство – пятерых сыновей и трех дочерей, выдал одну из них замуж за учителя рисования Я.Н. Матеса. Этот брак сулил его 14-летней дочери Аспазии безбедное будущее: она получила 2 000 руб. приданого и ежегодную ренту до уплаты его в 200 руб.; в свою очередь, 28-летний жених, который, кроме жалованья, имел солидную клиентуру из желающих брать частные уроки рисования, делал ее наследницей всего движимого и недвижимого имущества¹³. Однако, по видимому, кроме укрепления материального положения, подобный брак позволял также упрочить внутриуниверситетские связи, был действенным способом вхождения в университетскую корпорацию и местное общество.

Именно этим, по мнению сына Г.П. Успенского, руководствовался его отец, когда отдал свою дочь за только что прибывшего из Москвы адъюнкта греческого языка и словесности П.А. Куницкого, «ученого, но бедного до пролетариата», искавшего в Харькове «опоры и приюта». Г.П. Успенскому польстило, что «в нем одном искал ученый москвитянин», и он, не спросив согласия дочери, дал слово от ее имени¹⁴. Действительно, молодой преподаватель быстро встал на ноги, однако его семейная жизнь не сложилась: «муж пренебрег неразвитою женой, жена оскорбилась насмешливостью мужа», последовало полное охлаждение, и даровитый ученый довольно быстро пристрастился к вину¹⁵.

---

¹³ Багалея Д.И. Опыт истории Харьковского университета: (По неизданному материалу): В 2 т. Т. 1. (1802 – 1815). Х.: Тип.-лит. Зильберберга, 1893 – 1898. С. 890.

¹⁴ Он же. Опыт истории Харьковского университета: (По неизданному материалу): В 2 т. Т. 2. (1815 – 1835) Х.: Тип.-лит. Зильберберга, 1904. С. 805.

¹⁵ Там же. С. 805-806.

На этом фоне, на первый взгляд, весьма необычной выглядит женитьба профессора Х.Ф. Роммеля. Еще будучи в Германии, он получил разумный совет от жены геттингенского профессора Х.В. Митчерлиха – не жениться так долго, насколько это будет возможным, что позволит ему быть желанным гостем во всех домах, где имеются взрослые дочери¹⁶. Х.Ф. Роммель ревностно следовал этому совету, избегав нескольких серьезных соблазнов. В то же время совету своего учителя Х.Г. Гейне, который настоятельно рекомендовал молодому ученому приехать за супругой в Германию, он не внял¹⁷. На одном из званых обедов, «во время игры в фанты и танцев», Х.Ф. Роммель влюбился в молоденькую дворянку украинского происхождения и настолько «сжился в мечтах с малороссийской Аркадией», что уже через месяц после приезда вступил с ней в брак¹⁸. Кажется, здесь присутствуют все атрибуты романтической любви: и восхищение красотой избранницы, и внезапность вспыхнувшей страсти.

Тем не менее, безрассудство молниеносного брака вполне оправдывается тем, что в результате Х.Ф. Роммель породнился с влиятельным на Слобожанщине кланом Ковалинских. К тому же профессор древней литературы был хорошо знаком с новейшими немецкими сочинениями, воспевающими романтическую любовь.

Во всех этих случаях мы видим, прежде всего, стремление вписаться в новое пространство, обрести некие корни, поскольку для большинства иностранных профессоров приезд в Харьков означал полный разрыв прежних дружеских и родственных связей. Так, в 1815 г. профессор Ф.Л. Швейкарт в одном из рапортов писал, что во время жизни в Харькове получил только одно письмо от своих друзей и родных и из него узнал, что его письмо к ним дошло только через три года¹⁹.

---

¹⁶ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 46-47.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Там же. С. 136-137.

¹⁹ Багалея Д. И. Указ. соч. Т. 1. С. 1042-1043.

Постепенно складывается представление о подобающей университетскому деятелю спутнице жизни, хотя иногда иностранные профессора выступали нарушителями неписаных правил в области семейных отношений. Профессор скотолечения Ф.В. Пильгер, будучи вдовцом, женился на «какой-то молодой русской торговке»²⁰. Он нашел в своей супруге деятельную помощницу в ботанико-фармацевтических экскурсиях, однако окончательно порвал с «порядочным и образованным обществом»²¹. Случаи таких «неравных браков» имели место и в среде казанских профессоров. К примеру, женитьба М. Сторля на вольноотпущенной служанке Х.Ф. Френа, на «домоводке», вызвала возмущение части коллег, положив начало дискуссии о «приличных» университетскому профессору мотивах вступления в брак²².

Как мы видим, многие иностранцы выбирали жен из местной среды. К началу XIX в. православная церковь относилась к подобным бракам вполне терпимо, требуя лишь свершения православного обряда венчания и воспитания детей в православной вере. Интересно, что при отсутствии католического и лютеранского храмов, к услугам православных священников иногда прибегали пары, в которых оба супруга исповедовали иную веру. Так, лектор французского языка Н.Н. Паки-де-Совиньи в преддверие своего 60-летия нашедший подругу жизни в лице соотечественницы, с которой, по воспоминанию одного из современников, познакомился через объявление в парижских газетах, венчался в православной церкви. Правда, согласно дошедшему до нас рассказу, брак этот был не вполне законным. Русское духовенство долго не соглашалось совершить таинство, пока один предприимчивый батюшка, ирельстившись солидным подношением, не прочитал «молодым» молебен о здравии²³.

²⁰ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 124.

²¹ Там же.

²² Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 195-197; Костина Т.В. Указ. соч. С. 93.

²³ Рейнгардт Ф.О. Харьков [18]20-х и [18]30-х годов // Харьковский сборник. 1887. Вып. 1. С. 27.

Конечно, этот курьезный случай не дает представления о том, как воспринимались иностранцами местные обычаи (тем более, что по другой версии Н.Н. Паки-де-Совиньи заключил морганатический брак с так называемой польской графиней во время своего пребывания в Польше²⁴), поэтому для решения этого вопроса обратимся к другим свидетельствам. В литературе, посвященной истории и культурной жизни России, говорится о европеизации свадебной церемонии, начиная с петровских времен²⁵. Однако, как показывают воспоминания того же Х.Ф. Роммеля, и в начале XIX в. русская (или, в данном случае, украинская) свадебная церемония казалась просвещенным иностранцам «полной суеверий». Несмотря на то, что православный священник несколько «модернизировал» обряд, задавая главные вопросы о согласии на русском и латинском языках, мемуарист несколько иронично вспоминает «российско-греческий ритуал, с восковыми свечами, с повязыванием полотенцами, торжественной церемонией вокруг алтаря». Еще больше поразил иностранца выговор тещи, которая обиделась, что молодой супруг не провозгласил поутру «древнееврейской благодарности»²⁶. Это недопонимание сказывалось и в дальнейшем, поскольку Х.Ф. Роммель видел в религиозности своей жены «мрачную склонность к набожности, которая в России тесно связана с идолопоклонством»²⁷.

Супружеская жизнь показалась Х.Ф. Роммелю вполне идиллической только вначале: напряженная работа в университете, вечерний чай дома, преданность и нежность молодой жены, правда, с неохотой, но все же изучающей немецкий язык. Его восхищала хозяйственность супруги, которая лично варила борщ и варенье, а также знание множества украинских песен, которые она с удовольствием исполняла. Лишь иногда

---

²⁴ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 122.

²⁵ Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. (Первая половина XVIII в.). Л: Наука, 1982. С. 38-39.

²⁶ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 137-138.

²⁷ Там же. С. 141-143.

давал о себе знать холерический темперамент молодой хозяйки. Однако, кроме несходства в характерах и религиозных убеждениях, вскоре последовали более серьезные испытания.

Поступив на службу в университет, молодой ученый довольствовался университетской квартирой и одним слугой. После женитьбы был снят домик с небольшим садом и русской баней, заметно возросло и домохозяйство: появилась целая когорта «очень общительных крепостных, один из которых... был камердинером, второй... – кучером, третий – столоярмом, четвертый – поваром», а также кухарка, горничная и ключница²⁸. Более того, оказалось, что обширная и уважаемая родня была не только важным ресурсом, но также нарушителем спокойствия в доме. Х.Ф. Роммель сетовал на слишком частые визиты новых родственников, которые «со всею ружьядью и толпою крепостной челяди располагались в ... доме на целые недели» и «мешали обычным ... занятиям»²⁹.

Конечно, необходимость уединения остро осознавалась профессорами, как иностранного, так и российского происхождения. Сын профессора Г.П. Успенского вспоминал, что большую часть времени его отец проводил в кабинете, который одновременно служил и спальней: «Эта комната была его миром; в прочих он бывал мимоходом»³⁰. Студенты, проживавшие на квартире профессора, занимали отдельный флигель и имели свой собственный стол. Семья обходилась наемной прислугой, хозяйство вела жена Г.П. Успенского³¹. Отсутствие гостей нисколько не тяготило хозяина дома, который редко где бывал кроме университета. Что интересно, практически закрытое от внешнего мира домохозяйство профессора постоянно расширялось: сначала в связи с болезнью супруги Г.П. Успенского в доме появилась ее племянница, взявшая на себя функции хозяйки, затем семейный очаг пополнился му-

---

²⁸ Там же. С. 141-142.

²⁹ Там же. С. 142.

³⁰ Багалей Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 885.

³¹ Там же. Т. 1. С. 886-887.

жем дочери, профессором П.А. Куницким. Попытка молодой семьи отделиться вызвала серьезный конфликт: дочь получила категорический отказ, который сопровождался запретом попадаться отцу на глаза³².

Таким образом, при некотором сходстве жизненных укладов Х.Ф. Роммеля и Г.П. Успенского мы видим также существенное отличие. В случае с профессором Г.П. Успенским отсекались все внешние связи, тогда как родственные отношения со временем только укреплялись. Нуклеарная семья, которую Х.Ф. Роммель считал единственно возможной для университетского деятеля, занятого индивидуальным творчеством, для Г.П. Успенского была неприемлема. Исходя из традиционных установок на семейные отношения, отделение детей он воспринимал как крайнее выражение непочтительности.

Конечно, некоторые иностранные профессора перенимали российские порядки: заводили многочисленную прислугу или пользовались услугами крепостных, предоставленных им местными помещиками. Однако именно образованные иностранцы были поборниками процесса индивидуализации, отстаивая право на частную жизнь, как в случае с Х.Ф. Роммелем или Г.Г. Коритари. Последний жаловался на шум во дворе, который мешает ему заниматься делами службы. Правление университета с пониманием отнеслось к проблеме, поскольку «занятия гг. профессоров требуют спокойствия со стороны общественной»³³.

Индивидуализация частной жизни не означала, впрочем, изоляции семьи от университетской корпорации и местного общества. У Х.Ф. Роммеля мельком проскальзывает недовольство супругой, которая отдавала предпочтение уединенному образу жизни. В Петербурге, где после отъезда из Харькова он пытался найти новое место службы и поддерживал обширные знакомства, молодая женщина ограничила свое

---

³² Там же. Т. 2. С. 805-806.

³³ Там же. Т. 1. С. 1066.

общение «домохозяйкой и местными русскими бабами»³⁴. В то же время в его воспоминаниях чувствуется восхищение женщинами, которые не только были хозяйками в доме, но и блистали в обществе – уже упоминавшейся женой профессора Х.В. Митчерлиха³⁵ или супругой харьковского губернатора И.И. Бахтина, кстати, дочерью немца, о которой говорили, что она помогла своему супругу «стать на ноги»³⁶.

Харьковский университет, в отличие от Казанского, не дает такого яркого примера удачного союза, как семья Фуксов, вокруг которой группировались местные литературные силы³⁷. Впрочем, те отрывочные сведения о семейной жизни харьковских профессоров, которые дошли до нас, все-таки позволяют сделать некоторые небезытересные наблюдения.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что современников гораздо больше привлекала частная жизнь иностранных ученых, нежели отечественных. Так, харьковчан удивляла бесхозяйственность некоторых профессорских жен, в частности, Я.Я. Белен-де-Баллю и Н.Н. Паки-де-Совиньи. Эту черту их быта отмечал и Х.Ф. Роммель. По его словам, Я.Я. Белен-де-Баллю на свадьбу своей дочери ездил на государственной бричке и занимал у коллег миски и всякую посуду³⁸. Скорее всего, бесхозяйственность действительно имела место, однако, возможно, ее степень была несколько преувеличена и местными жителями, и самим Х.Ф. Роммелем, который непроизвольно сравнивал жену Я.Я. Белен-де-Баллю со своей домовитой супругой. Тех же харьковчан, к примеру, смешило согласие четы Паки-де-Совиньи, «торжественно шествующих по улицам всегда под

---

³⁴ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 167.

³⁵ Там же. С. 46-47.

³⁶ Там же. С. 127-128.

³⁷ Загоскин Н. П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах / Н.В. Фиргер, В.И. Шишкин. Казань, 2003. С. 80.

³⁸ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 121-122.

ручку»³⁹, а студентов – намеки профессора на литературную деятельность его супруги⁴⁰.

Если в случае с Луизой Паки-де-Совиньи мы имеем лишь туманные намеки, то в отношении целого ряда профессорских жен – вполне точные сведения об их участии в делах мужей, а также о стремлении иметь собственное дело.

В Харькове многие иностранные ученые «прославились» своей активной торговой деятельностью. В некоторых случаях они приобщали к этому делу и своих жен. Один из них, учитель музыки И.М. Витковский, ученик Ф.Й. Гайдна, устроил в своем доме большую лавку для продажи разных товаров – галантереи, дорогих вин, музыкальных инструментов и нот. На вопрос петербургского чиновника Р.М. Цебрикова, каким образом ему удастся торговать, не записавшись в купеческую гильдию, И.М. Витковский упомянул о договоренности с местным купечеством⁴¹. Однако двумя годами позже, в 1815 г., в совете Харьковского университета слушалось дело о том, что он «вписал жену свою в купеческое звание; но сам в открытой лавке производит продажу всякого рода товаров»⁴². И.М. Витковский уволился из университета и вскоре со страниц «Харьковских известий» уже именовал себя купцом 2-й гильдии⁴³. В 1821 г. он возобновил преподавательскую деятельность, а его жена еще более 20 лет представляла его в торговых кругах Харькова.

Интересно, что мы встречаем и другое распределение ролей в семьях профессора Э.К. Маурера, который после

---

³⁹ Рейнгардт Ф.О. Указ. соч. С. 27.

⁴⁰ Боровиковский И.И. Воспоминания о полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах... С. 94.

⁴¹ ЦГИАК. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 45. Л. 70 об. 71.

⁴² Цит. по: Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805 – 1905) / Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. Х.: Тип. А. Дарре, 1908. С. 376.

⁴³ Объявления // Харьковские известия. 1818. № 1. С. 4.

увольнения из Харьковского университета «кормился за счет своей жены, изготавливавшей модные вещи»⁴⁴, и профессора Ф.А. Делявина, чья жена содержала «лучший в Харькове» пансион для девочек⁴⁵. Ф.А. Делявинь до самой смерти преподавал в пансионе супруги, и умер, окруженный юными воспитанницами. Что касается госпожи Делявинь, то она вступила во второй брак, а ее детище (теперь уже под названием «пансион мадам Прела») процветало и далее⁴⁶.

Сохранились также сведения о попытках профессорских жен влиять на внутриуниверситетские дела, как в случае с шумевшим «делом о ложном доносе на профессора А.А. Дегурова» (1805 – 1807 гг.). Последнего адъюнкт И.Ф. Гамперле и фехтмейстер А.О. Сивокт обвинили в шпионаже в пользу Франции. Среди других фигурантов дела упоминаются профессор Я.Я. Белен-де-Баллю и его супруга, разговорами содействовавшие распространению неправдивой информации. В качестве наказания в отношении четы Белен-де-Баллю министр народного просвещения граф П.В. Завадовский предписал «сделать от Университета строгой выговор с подтверждением, чтобы впредь воздержались от непристойных разговоров»⁴⁷. В ходе дальнейшей переписки попечителя Харьковского учебного округа С.О. Потоцкого с министром о целесообразности занснения выговора в послужной список Белен-де-Баллю прозвучало утверждение, что в этом деле «вся вина относится единственно до жены профессора де Баллю»⁴⁸.

Таким образом, во многих профессорских семьях царил согласие и взаимопонимание, по крайней мере, на уровне

---

⁴⁴ Маслійчук В.Л. Харківський університет 1838 р. в подорожних записках Й. Г. Коля // Харківський історіографічний збірник. 2002. Вип. 5. С. 98.

⁴⁵ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете, 1823 – 1829 годы // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах... С. 67.

⁴⁶ Рейнгардт Ф.О. Указ. соч. С. 5.

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 59 б. Л. 16 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 59 б. Л. 20.

внешних форм. Профессорская жена поддерживала супруга в пределах университетской корпорации, представляла его интересы в местном обществе, а в отдельных случаях не только включалась в дела мужа, но и брала на себя лидерские функции. Впрочем, такое единодушие и взаимодействие мы наблюдаем далеко не всегда. В этом плане весьма показательна история отношений профессора К.П. Павловича и его супруги Прасковьи Николаевны, «истой малоросски»⁴⁹. После завершения преподавательской деятельности профессор многие годы мечтал о путешествии по Европе, однако Прасковья Николаевна всеми силами противодействовала поездке, поскольку была убеждена, что «за границей Константин Павлович развратится». По воспоминаниям современников, путешествие состоялось только благодаря хитроумному плану, предложенному князем В.П. Голицыным. П.Н. Павлович отпустила супруга с князем в Петербург. Воспользовавшись этим, К.П. Павлович выехал за границу, поручив В.П. Голицину еженедельно отправлять из столицы в Харьков заранее написанные письма. Через несколько месяцев обман открылся, и на восстановление супружеского доверия было потрачено немало усилий⁵⁰.

Харьковский университет начала XIX в. дает несколько примеров разводов в профессорской среде, и это в то время, когда в Российской империи разводы были крайне затруднены, и более распространенным явлением было раздельное проживание супругов (такое право предоставляли российские законы до 1819 г.)⁵¹. Так, в 1815 г. правление Харьковского университета рассматривало семейные и имущественные претензии между учителем танцевального искусства И.Ф. Штейном и его женой, которые обвиняли друг друга в нанесении побоев, оскорблениях и т. д. Дело это окончилось

⁴⁹ Решетов Н. Указ. соч. С. 224.

⁵⁰ Там же. С. 221-225.

⁵¹ Спасобин А.Д. О разводе в России. М.: Тип. М.Н. Лаврова, 1881. С. 70.

примирением супругов, которые договорились жить отдельно «по несходству характеров»⁵².

Практиковались в России и так называемые «самовольные» разводы, когда супруги, не афишируя своих проблем, проживали раздельно, как это делали А.И. Стойкович или А.Я. Калькау. Дело о «скрытом» разводе профессора Калькау возникло после смерти последнего, когда встал вопрос о предоставлении его вдове пенсии. Как выяснилось в ходе расследования, А.Я. Калькау женился 19 августа 1801 г. в Виттенберге, во время заграничной командировки. Его избранницей стала местная уроженка Фридерика Пресс. Через два месяца после венчания А.Я. Калькау был отозван в Россию, а его жена, которой в это время нездоровилось, осталась в Виттенберге. Осенью 1802 г. Фридерика Калькау отправилась в Россию, но там узнала, что ее муж получил новую заграничную командировку. Они вместе проделали путь до Ревеля, где проживала родственница молодой женщины, у которой та и осталась. Больше супруги не виделись⁵³. Поступив на службу в Харьковский университет, А.Я. Калькау утаил факт женитьбы, хотя на протяжении нескольких лет ежемесячно выплачивал Фридерике Калькау суммы от 5 до 25 руб.⁵⁴ Только перед смертью он в присутствии профессора Ф.И. Гизе «признал себя женатым»⁵⁵. Это заявление было сделано в устной форме, тогда как в предсмертном письме, обращаясь к родственникам, А.Я. Калькау вспомнил мать, дядю, братьев и сестер⁵⁶. Данная история показала весьма неубедительной профессорам П.М. Шумлянскому и И.П. Каменскому, и они выступили против назначения Фридерике Калькау пенсии, настаивая на факте «скрытого»

⁵² Багалея Д.И. Указ. соч. Т.2. С. 834-835.

⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 10. Л. 30.

⁵⁴ Там же. Л. 28.

⁵⁵ Там же. Л. 16-16 об.

⁵⁶ Речи, произнесенные января в 27 день 1812 г. в печальном собрании Императорского Харьковского университета непосредственно после погребения экстраординарного профессора Авраама Яковлевича Калькау. Х.: В унив. тип., 1812. С. 5.

развода. Действительно, понять, что задержало жену Калькау в Ревеле на 10 лет, кроме как обоюдное желание супругов жить отдельно, довольно сложно. Тем не менее, предсмертное признание А.Я. Калькау и ходатайства Ф.И. Гизе имели решающее значение, и Фридерика Калькау получила полагающиеся ей как вдове профессора единовременное пособие и пенсию⁵⁷.

Теперь остановимся на разводах, действительно состоявшихся: расстался со своей супругой Х.Ф. Роммель; один из трех браков И.Е. Шада также закончился официальным разводом, еще один – скрытым.

Для Х.Ф. Роммеля семейные неурядицы стали одним из решающих факторов, вынудивших его покинуть Харьков. Он надеялся получить должность в Петербурге и, таким образом, сменив окружение, избавиться «от тайной злости, вызванной болезненной ревностью» и «начать новую эру молодой супружеской жизни»⁵⁸. Даже убедившись, что единственный возможный для него путь – это возвращение на родину, Х.Ф. Роммель стремился отложить разлуку с супругой, которая не давала прямого ответа, последует ли она за ним в Германию. В конце концов, выбрав разлуку, Х.Ф. Роммель еще раз, уже из Касселя, просил жену приехать к нему в Германию, на что с ее стороны последовал решительный отказ, который она объяснила несходством характеров и нежеланием покидать родину⁵⁹. Однако поставить в этой истории точку оказалось совсем непросто. Прошение Маргариты Ивановны Роммель в Синод было отклонено, поскольку российское законодательство признавало только несколько причин развода: прелюбодеяние, неспособность к супружеской жизни, без-

---

⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 10. Л. 35. Тут следует отметить, что вопрос о пенсиях профессорским вдовам и сиротам, государственной политике в этой области и роли университетской корпорации в попечительстве над семьями университетских коллег – это отдельный большой сюжет, который требует специального исследования.

⁵⁸ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 143.

⁵⁹ Там же. С. 167, 169, 181.

вестное отсутствие, лишение одного из супругов всех прав и ссылка⁶⁰. В этих условиях развод совершил курфюрст на основании рассказа Х.Ф. Роммеля и учитывая бездетность брака. И хотя здесь было серьезное нарушение российского законодательства (развод должен был свершиться в рамках той церкви, которая венчала супружескую пару), оба супруга признали сей факт свершившимся. Маргарита Ивановна покинула Петербург и вернулась на родину, где до самой смерти вела практически монашеский образ жизни⁶¹.

Еще большую смелость в решении семейных проблем проявлял профессор И.Е. Шад. В свое время в Иене он женился на сестре книготорговца Зиннерта, с которой у него было двое детей: сын Герман и дочь Туллия. Вскоре по прибытии в Харьков супруга Шада умерла, и уже 12 ноября 1805 г. он сочетался браком с Марией Антоанеттой Глик. Через год у них родилась дочь Елизавета, сразу после чего Шад подал в правление университета прошение о разводе, объясняя этот шаг тем, что «наши характеры и склонности между собою столь много одни другим противны, что нет ниже малейшей надежды даже и на предбудущие времена, чтобы мы могли когда-либо жить согласно»⁶². При этом в условиях о разводе жена Шада от своего имени и имени их общей дочери отказывалась от всех прав, которые предоставлял ей этот брак, забота о воспитании дочери переходила к ней и ее родственникам. Позднее к этим условиям был добавлен пункт, разрешавший обеим сторонам вступить в повторный брак⁶³. Православная церковь позволяла повторный брак только одной из сторон бракоразводного процесса, тогда как у лютеран обе стороны получали такое право по истечении 3 лет со времени развода⁶⁴. Неизвестно, сколько времени потребовалось И.Е. Шаду, чтобы найти новую спутницу жизни, но в 1815 г. Р.М. Цебриков застаёт его человеком

⁶⁰ Спасобин А. Д. Указ. соч. С. 57-60.

⁶¹ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 181-182.

⁶² Цит. по: Багалея Д.И. Указ. соч. Т. I. С. 901.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Спасобин А.Д. Указ. соч. С. 120.

семейным. Сам И.Е. Шад называл супругу русской по происхождению, однако документы свидетельствуют, что Варвара Ивановна Шад, в девичестве Д'Астье, происходила из семьи эмигранта. Семейная жизнь этой четы также была непростой. Одни современники говорили о «домашней катастрофе» профессора, женившегося на двуличной и жадной женщине⁶⁵, другие видели суть проблемы в любви И.Е. Шада к вину⁶⁶. Тем не менее, этот брак продержался до высылки немского ученого за границу, а официально так и не был расторгнут. Варвара Ивановна даже последовала за супругом в Германию, но затем вернулась в Россию и в дальнейшем жила в Курске. И.Е. Шад объяснял этот шаг невозможностью содержать семью и, обращаясь к российскому правительству с просьбой о денежных пособиях или назначении пенсии, подчеркивал бедственное положение своей супруги, что не опровергает факт так называемого «скрытого» развода⁶⁷.

Эти сведения о разводах крайне интересны и показательны. Они свидетельствуют о том, что именно в смешанных парах, воспитанных в различной культурной среде, противоречия оказывались настолько сильными, что супруги искали любую возможность избежать совместной жизни, вплоть до официального развода. В этом случае большую активность проявляли лютеране, не в такой степени скованные традициями религиозных заповестей и нормами права.

Подводя некоторые итоги, в целом, отметим сложность и неоднозначность процессов, происходивших в области семейных отношений в России на рубеже XVIII – XIX вв. Это был период, когда менялся идеал супружества, а с ним и представление о роли женщины в семье и обществе, о взаимоотношениях отцов и детей, о роли различных коллективных структур,

---

⁶⁵ Роммель К.-Д. Указ. соч. С. 123.

⁶⁶ В частности, Р.М. Цебриков вспоминал, «что жена его [Шада], а особливо после обеда, никуда из дому не пускает, зная его слабость, что любит по-ученому веселиться, а иногда даже и до излишества» // ЦГИАК. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 99. Л. 106.

⁶⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Д. 276а.

О. Макарова

**«Женский вопрос не вошел еще
в общественное сознание...»
Проблемы эмансипации
в ранней журналистике А.С. Суворина**

К началу 60-х годов XIX века будущий издатель газеты «Новое время» Алексей Сергеевич Суворин весьма высоко продвинулся по журналистской карьерной лестнице. Как нам удалось проследить по архивным документам, его стремительная карьера – за пять лет скромный уездный учитель превратился в популярного журналиста столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости» – определялась и направлялась его первой женой, Анной Ивановной Барановой¹.

Взлет журналистской карьеры Суворина совпал по времени с набирающим силу процессом женской эмансипации, который с начала 1860-х годов вступил в свою активную фазу². «Женский вопрос» инкорпорировал ряд проблем, среди кото-

---

¹ См. об этом: *Макарова О.* «Не будь Анюты, которая имела на меня большое влияние...»: Штрихи к семейному портрету А.С. Суворина на фоне эпохи // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории / РАН, Институт всеобщей истории.* 2006. № 12. С. 145-170.

² В настоящей работе я следую периодизации, предложенной И. Юкиной в ее фундаментальном труде «Русский феминизм как вызов современности». СПб, 2007. Согласно ее трактовке, термины «женский вопрос», «женское движение», «эмансипация женщин», «феминизм» при некоторых их различиях могут считаться синонимами. Этим терминам противопоставлен термин «феминистское движение», поскольку последнее предполагает наличие сложившейся идеологии. Указанная оппозиция имеет хронологическое оформление: «женское движение», или первый этап, охватывает 1858 – 1905 годы, «феминистское движение», или второй этап, – 1905 – 1918 годы.

рых своей насущностью выделялись такие, как женское образование, право на труд, профессиональная карьера, общественная деятельность, политические права, личная свобода, семейно-брачные отношения, контроль над рождаемостью, проституция и некоторые другие. Все эти проблемы подверглись широкому обсуждению и вызывали порой полярное расхождение во мнениях, что в результате выразилось в формировании консервативного, либерального и радикального дискурсов женского эмансипационного процесса, которые реализовались как на уровне государственной политики, так и на уровне прессы и беллетристики.

Обсуждение «женского вопроса» породило рекордное количество статей и книг по женской проблематике, а участие в ней стало «мерилом прогрессивности писателя»³. Тон дискуссии задавала основополагающая статья М. Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», которая была опубликована в 1860 году в журнале «Современник». Статья, по словам революционера-демократа Н. Шелгунова, вызвала «землетрясение в умах», а ее автор снискал славу «творца женского вопроса»⁴. В своей статье Михайлов назвал женскую эмансипацию «одной из самых высших, самых характеристических явлений нашего века»⁵ и предложил новую концепцию женского воспитания и образования. Именно вопрос женского образования стал центральным в дискуссии указанного периода, хотя наряду с ним обсуждались и такие актуальные темы, как право женщины на труд и ее социальные роли.

Женское движение, как составная часть либерализационного процесса, ставило целью перераспределение гендерных ролей во всех сферах общественной жизни. В патриархатном

---

³ *Соловьев Н.* Милль, Конт и Бокль о женском вопросе. М., 1870. С. 5.

⁴ *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. 1. С. 121.

⁵ *Михайлов М.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // *Современник*. 1860. № 4. С. 473.

обществе это означало перестройку властной мужской иерархии, перераспределение мужских компетенций в пользу женщины, в идеале – паритет мужчин и женщин в использовании властных компетенций. Специфика этого процесса была такова, что сопутствующее ему мужское и женское общественное сознание формировалось разными темпами, и это зафиксировали современники и свидетели зародившегося женского эмансипационного движения: «Удивляться надо не тому, что такие [сильные женские] характеры народились, а той головокружительной быстроте, с какой они развивались. <...> ...Женщина шестидесятых годов в какие-нибудь 10 – 20 лет изменилась до неузнаваемости»⁶. Мужское общественное сознание к тому времени еще не успело выработать адекватных реакций и норм поведения:

«Люди, готовые сломать все старые устои религиозного, философского и политического строя, останавливались с какой-то робостью перед призраком женского равноправия в семье, обществе и государстве»⁷.

На уровне коллективного бессознательного столь реальная перспектива утраты мужской властной компетенции способна индуцировать архетипический, изначально присущий мужчине страх перед женщиной⁸, который находит свою актуализацию в женофобических (и/или мизогинистских) тенденциях и установках в общественном сознании с их выходом в дискурсивные практики.

Справедливости ради следует отметить, что и у женщины эмансипационный процесс сопровождался психологическими издержками, которые были заметны современникам:

«...в области морали личной и семейной и в некоторых областях общественного труда <...> она отвоевала себе место ря-

---

⁶ Котляревский Н. Канун освобождения (1855 – 1861): Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 414.

⁷ Там же. С. 420.

⁸ Ср. архетипы (по Юнгу) фаллос как символ власти и *vagina dentata*.

дом со своим единомышленником, внося в общую работу много нервности, смелости, иногда странности и эксцентричности»⁹.

В середине 70-х годов XIX века медицина отреагировала на изменения в поведении женщин введением в широкий оборот понятия женской истерии и активным ее лечением; позднее Мишель Фуко назвал этот феномен «истеризация женского тела»¹⁰. Данное явление применительно к условиям России исследовано явно недостаточно, хотя находящаяся в зародышевом состоянии психиатрия тех лет уже делала попытки связать психические и социальные процессы. Так, психиатр В. Мержеевский, говоря о неожиданности реформ 60-х годов, пишет, что их осуществление «вызвало более умственного труда и более реакций на внешние события, более волнений, вообще, больше работы психического механизма и большей его порчи»¹¹.

Обрисованный историко-социальный контекст является хорошим фоном, позволяющим рассмотреть малоизвестные и донныне не введенные в научный оборот ранние публикации Суворина на тему женской эмансипации в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В шестидесятые годы при редакторе В.Ф. Корше эта газета выступила активной сторонницей реформ, причем ее успеху немало способствовали фельетоны Суворина, писавшего под псевдонимом «Незнакомец». Его сотрудничество в «Санкт-Петербургских ведомостях» было продуктивным: с 1863 по 1874 год он опубликовал там более

⁹ Котляревский Н. Указ. соч.. С. 416.

¹⁰ Foucault M. The History of Sexuality. Vol. 1: The Will to Knowledge. P. 104. См. также: Carroy-Thirard J. Le mal de Morzin: De la possession à l'hystérie (1857 – 1877). Paris, 1981. Didi-Huberman G. Invention of Hysteria: Charcot and the Photographic Iconography of the Salpêtrière. Cambridge, Mass., London, 2003; Жеребкина И. Страсть: Женское тело и женская сексуальность. СПб., 2001. Ч. 1: Изобретение истерички.

¹¹ Мержеевский И.П. Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России, и о мерах, направленных к их уменьшению. СПб, 1887. С. 7.

400 фельетонов и множество заметок. Как журналист либеральной газеты, Суворин не смог остаться в стороне от дискуссии по «женскому вопросу», которая на тот момент достигла своего пика. К тому же он, несомненно, находился под влиянием своей прогрессивной жены, которая на волне женской эмансипации проделала впечатляющий путь из купеческого сословия в столичные издательницы и активистки женского движения. Суворин, похоже, взял на себя роль наблюдателя, комментатора и даже арбитра женского эмансипационного процесса, и его фельетоны и заметки на эту тему стали регулярно появляться на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей».

В журналистской практике Суворин унаследовал и широко использовал фельетонную манеру Осипа Сенковского, более известного под псевдонимом Барон Брамбеус¹². Оценка суворинского творчества современниками зависит от их принадлежности к лагерю его сторонников или же противников. Так, суворинский ближайший коллега и биограф Борис Глинский восхвалял его как фельетониста, обозначив при этом его целевую читательскую аудиторию:

«[Незнакомец] ... сумел переместить центр тяжести из неуклюжих тогдашних передовиц в область живого, остроумного фельетона, где, как в калейдоскопе, перед обывателями запестрели страницы отечественной жизни, имена, факты, печальная действительность, политика, обывательщина, где раздавался веселый смех, будящий, бодрящий, зовущий от мрака к свету, дразнящий перспективами лучшего будущего и отметающий все, что пришло в ветхость и негодность¹³.»

Писатель Петр Боборыкин, который испытывал к Суворину неприязнь, его фельетонный стиль воспринял весьма критически:

---

¹² Первые литературные публикации Суворина в центральной прессе появились, в частности, в сатирическом журнале «Весельчак», в редакцию которого входил О. Сенковский.

¹³ Цит. по: Глинский Б.Б. Алексей Сергеевич Суворин: Биографический очерк. С. 22.

«Корш в своих корректных «Санкт-Петербургских ведомостях» завел себе также воскресного забавника, который тогда мог сказать про себя, как Загорецкий, что он был «ужасный либерал». <...> Все, кто жадно читал втихомолку «Колокол», — довольствовались втявья и тем, что удавалось фельетонисту «Петербургских ведомостей» разменивать на ходячую, подцензурную монету¹⁴.»

Стилизация под насмешника и даже пошляка создавала необходимый Суворину эффект двусмысленности, так что невозможно было понять, что высмеивает автор: например, саму прогрессивную идею, либо ее вульгаризацию¹⁵. Подобный прием стал для него удобным способом маскировать отсутствие четкой идеологической установки или, если сослаться на самого журналиста, его изначальной политической неангажированности: «Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционастам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии «Времени»»¹⁶, — пишет своему воронежскому знакомому 27-летний Суворин, едва устроившись штатным критиком в московский журнал «Русская речь». Переключая стилевые регистры и меняя авторские маски, он также мог поддерживать читательский интерес самой разнообразной аудитории, провоцируя полемику по широкому спектру общественных проблем и в какой-то мере манипулируя общественным сознанием.

Еще до того, как Суворин выбрал себе постоянную фельетонную форму «Недельные очерки и картинки», он вклю-

---

¹⁴ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 284. Загорецкий — персонаж комедии Грибоедова «Горе от ума».

¹⁵ Ср. в связи с этим замечание Л. Гинзбург: «Большие движения идей имеют обычно не только своих вульгаризаторов, но и свою паразитическую среду, превращающие идеи в моду или игру». *Гинзбург Л.* «Человеческий документ» и построение характера // *О психологической прозе.* Л., 1977. С. 57.

¹⁶ *Суворин А.С.* Письма к М.Ф. Де-Пуле: Публ. М.Л. Семановой // *Ежегодник рукоп. отд. Пушкинского Дома.* Л., 1981. С. 145. Письмо от 21.09.1861. «Время» — журнал, издававшийся в 1861 — 1863 годах М.М. Достоевским и проводивший «почвенническую» политику.

чился в полемику по поводу женского образования и женского труда. Так, в публикации «Летучие заметки и выдержки из дневника», он вполне объективно пишет о петербургском Обществе женского труда и возникших в нем противоречиях¹⁷. Представив материал в виде спора, который ведут сторонники и противники женской эмансипации, фельетонист заявляет о своем нейтралитете: «Я привожу его без всяких комментариев, без всякой личной симпатии к той или другой стороне»¹⁸. Завершая фельетон, он выражает серьезную озабоченность дискриминацией женщин в оплате их труда:

«В конце концов, хотелось бы узнать: разрешатся ли благополучно те недоразумения, которые возникли в Обществе женского труда, и скоро ли разрешатся? Конечно, приятно удовлетворить собственному самолюбию, но было бы еще приятнее, если б например девушки, живущие перепиской бумаг по 5 коп. с листа, питающиеся Бог весть чем, – могли получать более благодарную работу»¹⁹.

Появление женщин на рынке труда вызвало сопротивление консервативных кругов, так что решение проблемы женской занятости потребовало энергичных действий со стороны активисток женского движения. Суворин уже под постоянной рубрикой «Недельные очерки и картинки» предлагает свой собственный – парадоксальный – вариант решения этого вопроса. При этом из-под иронической маски неожиданно звучит критика в адрес женщин, якобы не желающих работать, из чего можно понять, что, по Суворину, все без исключения женщины должны посвятить себя трудовой деятельности, и его можно зачислить в лагерь радикалов. Это его высказывание – пример выпучивания радикальной идеи под прикрытием иронии:

«Не справедливо ли было бы мужчинам искать эмансипации от женщин, а не наоборот? <...> Само собою разумеется, что как теперь мужчины ищут эмансипированных женщин, так то-

---

¹⁷ В Обществе произошел конфликт между деятельницами умеренного и радикального направлений. См. об этом: Юкина И. Указ. соч. С. 177.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 7.03.1865.

¹⁹ Там же.

гда женщины будут увиваться и заискивать около эманципированных мужчин. Фабричная промышленность разовьется еще сильнее, ибо женские туалеты по необходимости, чтобы привлечь к себе внимание эманципированных мужчин, должны быть изящнее, блестящее, пышнее. Билеты в лотереях будут раздавать мужчины... <...> Вынимать торопливо кошельки станут также и мужчины, и женщины... Вот в чем и весь вопрос; мы добрались до самой сути дела. Вынимать кошельки может только тот, у кого есть благоприобретенные деньги; в настоящее время женщины об этом не заботятся, или заботятся мало, ибо на то есть папаша, мужья, любовники; эманципированные же мужчины не станут давать женщинам денег, и женщины принуждены будут обратиться к энергичному труду, от слов перейти к делу. Таким образом, к обоюдной пользе, будет решен женский вопрос и восстановится то равновесие интересов, о котором так хлопочут теперь эманципированные женщины²⁰»

О своей вовлеченности в эту актуальную проблему Суворин считает нужным информировать читателя: «Вечером присутствовал при рассуждении о женском вопросе, но поучительного ничего не извлек»²¹. Более того, его живо интересует история женщин России, и он помещает в газете свои пространные размышления на эту тему, отмечая благотворное влияние эмансипации на женский характер в предыдущем веке:

«Возвращаясь к 18-му веку, я полагаю, что всякий, «проходивший историю» не по учебнику, согласится со мной, что русские женщины никогда не были так эмансипированы, как именно в течение этого века, который может быть назван «царством женщин». <...> Я совершенно убежден, что в стремлении женщин подражать мужской действительности есть своя хорошая сторона: женщина могла выработать себе крепкую волю и железное здоровье, которыми так редко отличаются современные нам женщины; нервные припадки и женские болезни были в прошлом веке, по всей вероятности, редкостью, а не повседневным явлением, как в настоящее время²²»

---

²⁰ Там же. 11.12.1866. Суворин использует слово «эмансипация» для иронических заметок, а «эмансипация» — для серьезных.

²¹ Там же. 19.02.1867.

²² Там же. 19.03.1867.

Поскольку этот позитив («крепкая воля и железное здоровье») не закрепился в современных Суворину женщинах, то он ищет и находит причину, по которой женская эмансипация свернула с правильного пути, эксплицитно демонстрируя свое знакомство с памфлетом М. Щербатова «О повреждении нравов в России»:

«Но эмансипация женщин совпала у нас с сильным развитием роскоши, которая при отсутствии образования повлекла за собой явления печальные. <...> Роскошь прежде всего породила разврат, страшную распущенность в отношениях полов между собою. <...> А где же следы их [женщин] деятельности, где характеры, проявившиеся какими-нибудь возвышенными делами, полезной деятельностью? Одна княгиня Дашкова и остается; все остальное проявилось только в «свободе чувственности». Замечательно, что до настоящих дней мы никак не хотим отличить «свободу чувства» от «свободы чувственности», и жертвой последней делалось немало юных россиянок²³»

«Свобода чувственности», или, в терминологии консервативного дискурса, «право на разврат» – главный аргумент консерваторов в полемике, направленный против женской эмансипации. Суворин в своей приверженности патриархальным канонам в этой части полемики всегда будет твердо стоять на консервативных позициях. Однако его критика свободной любви метафорически преломляется и в его неожиданных нападках на зарождающуюся женскую прессу – очевидно, он опасается все более заметного влияния женщин на общественное мнение:

«Мы написали все предыдущее, конечно, в поучение настоящему, и думаем, что настоящее во всяком случае лучше прошедшего: если тогда решилась отравиться от любви одна женщина, то теперь целый «Женский вестник» ежемесячно принимает яд и мучится в корчах и последних предсмертных содроганиях. Яд принимают они вследствие сильной, ничем не удовлетворяемой любви к человечеству...²⁴»

---

²³ Там же.

²⁴ Там же. 19.03.1867. «Женский вестник» – журнал, выходивший в Петербурге в 1866 – 1868 годах и объявивший целью улучшение

Неделей позже, в целом положительно отозвавшись о пьесе Дюма-сына «Идеи г-жи Обре», тема которой – толерантность по отношению к женщинам «с прошлым», Суворин словно для баланса приводит и консервативное общественное мнение в отношении эмансипированных женщин:

«Женщина с идеями» как известно, зараза настоящего времени, нечто вроде антихриста перед светопреставлением – такими, по крайней мере, представляют их многие мужчины²⁵»

То и дело меняя тактику в трактовке «женского вопроса», фельетонист дает читателям понять, что он прекрасно владеет темой. По-видимому, он считает себя настолько компетентным в вопросах женской эмансипации, что берется читать мораль ее поборницам, упрекая их в несерьезном отношении к своему делу. Под его критическим пером стремящаяся к образованию женщина превращается в карикатуру:

«Видится мне <...> барыня. Чего-чего она не передумала, чего-чего не переделала, а все как-то не спорится, все как-то словно дела нету. «Не понимает меня муж, никто не хочет понять моих стремлений. Счастливые мужчины! Они самостоятельны, они свободны, у них столько дела, столько развлечений!.. Ах, если б родилась я мужчиной!» И ходит барыня по комнате взад и вперед, бледная, встревоженная, и все думает о том, отчего не родилась она мужчиной. Села. Посидела-посидела, опять встала и пошла... Пристально поглядела на улицу, потом на портрет мисс [Элизабет] Блэкуэл, потом сыграла какую-то дребедень на фортепиано, взяла Жорж-Санда и стала читать. Страницу прочитала – взяла Байрона – опять читает, взяла [Адама] Эленшлегера – и у того страницу прочитала, понимая с пятого на десятое. Словно экзаменует себя барыня: много ли, мод, я знаю? От-

---

положения женщины и ее развитие, в частности, «указание тех отраслей труда, где женщина <...> могла быть более полезна семье и обществу». Журнал также помешал обличающие материалы против «векового господства мужчин», но в целом вызвал критику как справа, так и слева: либералы упрекали редакторов в декларативности и несоответствии журнала объявленной программе. См. об этом: Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. С. 120-121.

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 25.03.1867.

вечает сама себе: много, одних языков – косой десяток. Опять заходила и думает: «А дела мне нету, никакого дела. Мне скучно, тоскливо, никто меня не понимает, нигде родной души не найду». <...> И не поймет никак барыня, что ей потому и скучно, что за многое берется она, а ничего основательно не знает. Всё с пятого на десятое...²⁶»

При том что путь, по которому двигался эмансипационный процесс, был тернист и мало изведен, Суворин убежден, что во многих его неудачах виноваты сами женщины – в силу отсутствия у них энергии, мужества и нравственной силы. В этом можно увидеть его скрытую полемику с Д. Писаревым, который выдвинул поддержанный всеми либералами лозунг «Женщина ни в чем не виновата»²⁷. Сам страдающий от недостатка указанных качеств, Суворин, игнорируя объективные реалии, невольно проецирует их на женский пол, возможно, и потому, что имеет перед глазами пример своей собственной жены:

«Говорят: лбом стену не прошибешь, и это совершенно справедливо, но наши женщины, стонущие о женском труде, по большей части боятся и подойти к стене, да попробовать, нельзя ли ее повалить, нельзя ли проделать в ней отверстие чем-нибудь другим кроме лба, благо в настоящее время есть столько орудий, пригодных для такой несложной работы. Наши женщины, стонущие о труде, по большей части белоручки, ничего не знающие, ни к чему не приготовленные, лишенные и общего, и специального образования. А те, которые выдадутся из них, глядишь, с высоты величия посматривают на своих сестер. <...> Вы хвалитесь *умственным трудом*... <...> Велика важность написать компиляцию! Нет, вы попробуйте <...> сделать нечто такое, что доказывало бы, что у вас есть энергия и мужество, что

²⁶ Там же. 18.06.1867.

²⁷ Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. М., 1956. Т. 3 С. 212. Писарев настаивал на том, что вина лежит исключительно на мужчине: «Мужчина гнетет женщину и клеветает на нее. <...> ...Литераторы наши ругают женщин за их ветренность, за их пустоту, которая поддерживается складом всего общества и в которой виноваты одни мужчины, как единственные деятельные члены этого общества». С. 211-213.

вы действительно способны занять совершенно независимое положение среди мужского царства, что между вами есть такие женщины, как [Лидия] Бэккер, [Гарриет Тейлор-] Милль, Эмма Эсмонд, Блэкуэл, княгиня Дашкова – тогда разговор будет совсем иной. Нравственная сила всегда внушает почтение... А какая у вас, у современных русских женщин, нравственная сила, позвольте спросить? Громадное большинство из вас кроме романов ничего не читают, даже тех, которые слывят под именем образованных, собьет с толку всякое поветрие, заставит забыть долг бриллиантовая брошка, подкупят совесть льстивые комплименты, залугает какой-нибудь пошляк, обладающий зычным голосом...²⁸»

В своей критике Суворин строг, но не конструктивен, предлагая женщинам «сделать нечто такое», о чем и сам, похоже, не имеет реального представления. Его наставления женщинам сводятся к основным положениям протестантской трудовой этики:

«Говорят: надо ободрять женщин, не бросать в них упреков, не язвить насмешками их начинания. Все это бесподобно. Но я желаю знать, сколько таким женщинам лет, которых надо ободрять, которые боятся насмешек и упреков? <...> Плохи же те начинания, плоха та нравственная сила, которая в эти годы еще ступить не умеет... Серьезный, упорный труд, нравственная чистота и твердость сильнее всего на свете... Если же начинания являются относительно стрижки волос, мужских ухваток, поверхностной болтовни о разных книжках – то овчинка не стоит выделки. «Но начинания, новые веяния всегда сказываются угловато, – скажут нам. – Масса увлекается вздором, наружностью, отчего внутренняя жизнь становится еще пустее». В таком случае позвольте уж указывать на эту пустоту, на эти совращения, на жалкое обезьянство, – чтобы жертв было меньше...²⁹»

Суворин безошибочно определяет проблемные зоны в общественном положении женщины, например ее экономическую зависимость от мужа. Решение проблемы он видит в женском образовании, разделяя тем самым эмансипационную программу либерального лагеря:

---

²⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 18.06.1867.

²⁹ Там же. 18.06.1867.

«Да и вступив в брак, женщина, получившая такое посредственное образование, какое дается у нас, не в состоянии быть надлежащей помощницей мужу, если последний не обладает приличным капиталом. Все это, без сомнения, известно всем и каждому, но тем печальнее, что, зная все это, мы не принимаем решительно никаких мер для того, чтобы дать нашим дочерям такое образование, которое не ставило бы их в исключительную зависимость от брака³⁰.»

Следует отдать фельетонисту должное: он пристально следил за развитием женского рынка труда и оперативно откликнулся на происходящие там изменения. Однако он избегал анализа объективных трудностей, и его реакция не выходила за рамки общих критических положений:

«Женщина действительно нуждается в работе, ищет ее и не находит по большей части; журналистика говорила много об этом предмете, говорила даже дельно, если исключить несколько слишком горячих статей и весь «Женский вестник». Сказано было столько, что оставалось ждать начинаний, практических применений. И они явились. Явилась женская переплетная и исчезла, явились наборщицы и исчезли, явилось Общество покровительства женскому труду и переминается с ноги на ногу, явилось Филантропическое общество попечительства гувернанток, а о существовании его едва ли кому известно, а о деятельности едва ли и самим членам известно. <...> Будущность русской женщины завешена еще грубой материей, сквозь которую ничего не видно³¹.»

Фельетоны Суворина на женские темы вызывали отклик читательниц: они вступали с ним в переписку, и автор выносил полемику на газетные страницы. Однако суть этой полемики снова сводилась к внедрению в сознание читателей мысли о несоответствии женщин серьезным эмансипационным задачам, о профанации идей женского труда:

«Я <...> подобно корреспондентке, готов сказать, что «женщина с характером и с желанием работать никогда не останется без дела», но я всегда думал и думаю, что, во-первых, женщин с

---

³⁰ Там же. 20.08.1867.

³¹ Там же. 3.12.1867.

характером сравнительно с женщинами, нуждающимися в работе, слишком мало, во-вторых, очень часто одного характера недостаточно, чтобы достать работу, в-третьих, слишком много женщин, болтающих о труде и ничего не делающих. Они своей болтовней, пустотою, иногда и цинизмом сделали для многих самое слово «женский труд» лишенным смысла и вызывающим только улыбку недоверия. «Женский труд» сделался в их устах неприличным каламбуром, и они сыпали анекдотами двусмысленного свойства, как скоро вы заикались в пользу женщин³².»

Суворинский диагноз текущего состояния в области женской занятости вполне адекватен, равно как и указываемое им направление решения «женского вопроса». Его манера рассуждать посредством «общих мест» позволяет ему, при всем его критицизме, оставаться на позициях защитника интересов женщин:

«Женский вопрос не вошел еще в общественное сознание и, надо полагать, перейдет только тогда, когда на образование женщин будет обращено серьезное внимание, и когда отрадные явления в женском мире и женской действительности не будут только исключением³³.»

Очевидно, под влиянием жены, получившей профессию акушерки, Суворин неоднократно и энергично высказывался о необходимости женского медицинского образования и даже выдвигал проект школы для женщин-врачей: «Подобная школа могла бы образовывать не только женских врачей-практиков, но и женщин-лекторов»³⁴. Его взгляды на женское образование могли простирались весьма широко: «Потребность в школе технической, где преподавались бы торговые науки, ремесла и искусства, еще настоятельнее». Однако он несвободен от опасений, что женское образование может принять массовый характер и пагубно повлияет на главное предназначение женщины, т. е. на деторождение. Так, одобрительно отозвавшись в своем фельетоне о Надежде Сусловой, полу-

---

³² Там же. 10.12.1867.

³³ Там же. 10.12.1867.

³⁴ Там же. 9.01.1868.

чившей диплом врача, он авансом критикует желающих последовать ее примеру:

«Многие из наших соотечественниц тоже направили свои стопы в этот швейцарский город (Цюрих); но если они воображают, что дело это также легко, как чтение популярных физиологических книжек, то было бы во сто крат лучше, если б они остались дома и, заключив супружеские узы со своими соотечественниками, подарили бы родине, вместо незрелых плодов науки, здоровых младенцев, из которых могли бы выйти преполезные граждане³⁵.»

Подобное заявление вызвало шквал возмущенных писем в редакцию, однако Суворин вместо объяснений или извинений предпочел сделать в сторону женщин еще один оскорбительный выпад, видимо, полагая, что лучший способ защиты – нападение:

«Оказалось, что соотечественницы обиделись, и одна из них, впрочем, в Цюрих не едущая, но считающая себя призванною не столько для рождения детей, сколько для рождения публицистических статей, решила принять обиженных под свое покровительство и готовит статью, в которой ставит вопрос: «Что лучше – иметь детей или учиться», решая его, разумеется, в пользу того, что лучше учиться, чем иметь детей. По моему же крайнему разумению подобный вопрос мог зародиться только в голове достаточно праздной и достаточно свихнувшейся³⁶.»

Полемика на эту тему продлилась почти год, и фельетонисту не раз приходилось оправдываться перед читателями: «Я говорю только, что учиться надо хорошо и для дела, а не плохо и для безделья»³⁷. Заняв в обсуждении женского образования критически-оборонительную позицию, он неожиданно обнаруживает крайне консервативный взгляд на совместное обучение, за которым стоит страх перед проявлением женской сексуальности:

---

³⁵ Там же. 25.03.1868. Н.П. Сулова – первая из русских женщин, получившая диплом доктора медицины.

³⁶ Там же. 7.04.1868.

³⁷ Там же. 28.04.1868.

«...Совместное учение мужчин и женщин признано не совсем удобным. По моему мнению, его и следует признать таковым, как в интересах успехов обоих полов, так и в интересах родителей, которые, конечно, с бóльшим спокойствием станут отпускать своих дочерей в аудитории исключительно женские, чем в аудитории смешанные. Быть может, это оскорбительно для юношей и девиц, как факт недоверия к их... как бы выразиться? – ну, просто к нравственности; но не должно забывать, что самая подкладка нашей жизни, наши предания отнюдь не ручаются за то, что всякий молодой человек, сидя рядом с молодой девушкой, только о науке и будет помышлять, не обращая ни малейшего внимания на хорошенькое личико, на красивые руки, на свежий девичий голос³⁸.»

Одна из заметок Суворина, «Письмо к Вере Александровне Лядовой», в которой он упрекает опереточную актрису за слишком фривольные, по его мнению, фотографии («...вы обнажили свою совсем неграциозную ногу выше колена»)³⁹, вызвала резкую критическую реплику сотрудников демократического журнала «Дело», в которой были суммированы суворинские взгляды на женский вопрос. Авторы журнала следили за тем, «как заигрывал Незнакомец с женским вопросом, перемешивая его в своих балаганных картинках с полемикой против квартальных, неучей-докторов, почтамтских чиновников и тому подобных обиженных природою или жизнью»⁴⁰. Критики Суворина были убеждены:

«...женский вопрос давно уже вышел из сферы теории на практическую почву, и потому не нужно особенного ума и добросовестности, чтобы считать его не утопией, а жгучей потребностью нашего времени. Никто из сколько-нибудь порядочных людей не станет отделяться балаганными шуточками и пошленькими инсинуациями, когда он встречается с этим вопросом в журналистике. Но для Незнакомца, как видно, это новая

---

³⁸ Там же. 23.06.1868.

³⁹ Там же. 17.11.1868.

⁴⁰ Женщина перед судом г. Корша и Незнакомца (Посвящается сотрудникам С. Петербургских ведомостей) // Дело, 1868. № 12. С. 132-141.

вещь, и в этом отношении он стоит на одинаковой степени развития с бушменом⁴¹».

Журналисты «Дела» безошибочно определили суворинскую переменную тактику в трактовке «женского вопроса»: «...Он последователен только в своей непоследовательности». «Вилляющий ратоборец женского вопроса»⁴² сурово осуждается за стремление потакать «капризам общественной нравственности»⁴³. В пылу полемики оппоненты назвали Суворина «недомком с ослиными ушами» и посоветовали оставить рассуждения о деле, которое «вовсе не его ума»⁴⁴. В финале статьи прозвучала угроза профессионального ostracism:

«Теперь понятно, почему вы и только вы смогли с такою наглостью отнестись к г-же Лядовой в вашем злосчастном письме. Оно вытекает из всего того, что вы болтали прежде о женской личности; оно логически завершает собою все ваши фельетонные скандалы, которые, к сожалению, так долго спускала вам лучшая часть нашей журналистики»⁴⁵.

Такой суровый приговор вполне мог повредить репутации молодого журналиста, и в ответ ему пришлось писать длинное, занявшее весь газетный «подвал» объяснение, в котором он примирительно отвечает по всем пунктам предъявленных ему обвинений, сознавшись, что о некоторых вещах он говорил «шутя». Оправдываясь, он оперирует исключительно здравым смыслом и стремится к обобщениям, говорит о «массе», то есть о среднем человеке, для которого, в отличие от прогрессистов, «женский вопрос» может быть не столь актуален:

«Сводя счеты за прошлый год, я не могу не остановиться на вопросе женском, тем более что господа вроде Пятковского и Минаева и некоторых сотрудников «Дела» не стыдятся утверждать, что я будто бы постоянно заявлял ненависть к женскому образованию. <...> ... Неужели в самом деле может существовать

---

⁴¹ Там же. С. 137.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 135.

⁴⁴ Там же. С. 141.

⁴⁵ Там же.

вопрос о том, что лучше – рожать детей или учиться? Мне кажется, что как женщина, так и мужчина призваны на то и другое, что любовь и, как следствие ее, рождение детей, всегда существовала и существовать будет, что были и есть женщины весьма образованные, не стыдившиеся ни любить, ни рожать, ни воспитывать детей, что образованные матери лучше необразованных и пр. и пр. <...> Я не отрицаю, что могут быть женщины, которых совершенно поглотит наука, и о любви они никогда не задумаются; но ведь такие женщины, как и такие мужчины – исключения, и потом довольно странные исключения, а мы говорим о массе⁴⁶.»

Полагая, что своими публикациями он вносит в полемику по «женскому вопросу» здоровую критическую струю, Суворин не собирается отказываться от своей специфической, унаследованной от Барона Брамбеуса фельетонной манеры:

«Я, стало быть, виноват в том, что с женщинами говорил на том же языке, на котором привык говорить со всеми. В этом отношении я исправиться не могу и не желаю исправляться, потому что уважаю женщин более тех моих противников, которые считают своей обязанностью обращаться к женщине как к нежному цветку, который от неосторожного прикосновения сейчас завянет и аромат свой потеряет⁴⁷.»

Числя себя в рядах сторонников женского образования, Суворин – теперь наперекор своим прежним взглядам – спустя некоторое время подвергнет критике редактора газеты «Домашний врач» С.А. Штерна за его выступление против обучающихся медицине женщин. Главный суворинский упрек адресован Штерну за его убеждение в том, что «женщины, занимаясь вместе со студентами, мешают последним серьезно заниматься, ибо порождают в них разные амурные соображения»⁴⁸. Однако на передовых феминистских позициях Суворину долго продержаться не удалось. Через несколько месяцев, снова надев шутовскую маску, он неожиданно разразился глумливым фельетоном, в котором наметил единственной путь освобождения женщины:

---

⁴⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 29.12.1868.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. 9.02.1869.

«Г. [педагог И.И.] Паульсон объявляет о возобновлении курсов для женщин, желающих эманципироваться. Неужели эманципироваться?.. Вот чего я никогда не мог уразуметь достаточно; скажу более: я думаю, что женщина всегда останется женщиной. <...> Этот, быть может, несколько легкомысленный взгляд на женщин не мешает мне, однако же, смотреть на дело и с философской точки зрения. В идее я признаю всякие принципы, не только либеральные, но даже радикальные. <...> Но практика идет у меня своим чередом. Я обворожу женщину своими прогрессивнейшими взглядами на женский вопрос, но про себя думаю: «Бедная овца! Ты не знаешь, что говорят история и опыт. Никогда, ни в каком обществе, ни в какую эпоху женщина не освобождалась ни посредством ума, ни посредством своего образования, ни посредством своей добродетели; но всегда, в самые варварские эпохи, во времена господства затворничества, она освобождается... посредством распутства. Истинно свободная женщина – куртизанка. <...> У женщины честной нет даже тех прав, какими владеет мужчина; куртизанка обладает даже привилегиями. Честная женщина погибла, если она изменяет мужу; куртизанка любит как владычица, как деспот, для которого закон не писан. И сколько честных женщин завидуют куртизанке! И нельзя не завидовать... Как честный человек, если б я имел детей, то желал бы только одного: чтоб дочери мои были красавицами. Если б это чарующее качество было у них, я приготовил бы им блестящие карьеры. Все, что может очаровывать: грации, музыка, остроумие, танцы, совершенство и крепость форм – все это я развил бы в них, и когда им сравнялось бы семнадцать лет, я призвал бы их к себе, изобразил бы им историю куртизанки и благословил бы на этот путь... Отцы, не возмущайтесь! Помните, что у меня нет детей»⁴⁹»

Маловероятно, что автор этих строк, отец одиннадцатилетней дочери, мечтал бы приготовить для нее «блестящую» карьеру куртизанки. Однако маска развязного безответственного болтуна, тем не менее, позволяет Суворину настойчиво и последовательно внедрять в сознание читателя мысль о том, что женская эмансипация прежде всего дает женщине право на неограниченную сексуальную свободу. Лейтмотив «сво-

---

⁴⁹ Там же. 7.09.1869.

бодная женщина опасна» начинает звучать в суворинских статьях все более настойчиво.

Спустя три недели Суворин – теперь уже серьезно – спешит откликнуться на вышедшую в России книгу Дж.Ст. Милля «Подчиненность женщины». Книга вызвала восторг у приверженцев феминизма обоего пола и резкое неприятие у его противников. Началось активное ее обсуждение, и Суворин не желал оставаться в стороне. Из заметки видно, что он по-прежнему скептичен по отношению к полемике вокруг «женского вопроса»; более того, теперь он критикует «мужественных женщин», хотя еще недавно осуждал женский пол за отсутствие энергии и мужества. «Мужественная женщина» – пример проявленной суворинской женофобии:

«Наши женщины решительно зачитываются Миллем. Вот уж именно одолжил он их книгой, которая должна сделаться не только настольной, но в некотором роде катехизисом. И в самом деле, аргументация Милля так же убедительна, как геометрическая теорема, и так же ясна, как дистиллированная вода. Не знаю, насколько окажет она влияния на взаимные отношения супругов и на правительственные постановления, но уверен, что она положит предел той болтовне, в которой так часто упражнялись мужественные женщины и женственные мужчины, стараясь доказать равенство полов и право женщин на все те профессии, которые открыты мужчине. В теории вопрос должно считать поконченным; остается практика, которая, к сожалению, заставлена еще шлагбаумами; чтоб поднять их, надо больше труда и усилий, чем на постройку железных дорог, которые повсюду устранили шлагбаумы с часовыми⁵⁰».

Продолжая взятый им либеральный тон, фельетонист поддерживает идею участия женщин в преподавательской сфере и даже порицает ее критиков, высмеивая женофобию «администрации», то есть официальных кругов:

«...Я слышал даже, что дозволено одной женщине прочесть несколько лекций о методах преподавания маленьким детям. Можете себе представить – женщина на кафедре! Этого в мирное время многие переварить у нас не могут <...> Дело другое –

---

⁵⁰ Там же. 28.09.1869.

женщина на сцене, женщина на эстраде, женщина в цирке, на лошади. Там женщина показывает или себя самое, или свое искусство; себя самое или свое искусство показывать она может, но показывать свое знание, поучать – это противостоит естественности и, по выражению многих, на это не хватает ее физических сил. Кто знает? Я об этом ничего не знаю, но мне приятно думать, что администрация покончила с напрасными страхами и полезное считает полезным во всякое время⁵¹.»

Либерализм Суворина может зайти достаточно далеко: так, он вступает в яростную полемику о пользе женского образовании с издателем газеты «Гражданин» князем В. Мещерским, который за свои крайние консервативные взгляды получил прозвище «мрачный публицист женского вопроса»⁵². Похоже, что Суворин использует любой повод, чтобы поддержать учащих женщин. Сообщив о крупном анонимном пожертвовании на женские курсы, он с удовлетворением отмечает:

«Начало серьезному медицинскому образованию женщин закладывается, и есть полное основание верить, что в недалеком будущем русским женщинам нечего будет искать знаний в немецких университетах. Они бились недаром, недаром не уставали они преследовать образовательные цели, несмотря на град насмешек и оскорблений: постоянство почти всегда награждается⁵³.»

Однако вслед за этим он в обширном фельетоне снова меняет регистр на иронический, причем теперь объектом насмешки становится весь либеральный лагерь сторонников женской эмансипации:

---

⁵¹ Там же. 25.01.1870.

⁵² См. о нем: *Журавлева Т.А.* Князь В.П. Мещерский о женском вопросе в России во второй половине XIX века <http://conservatism.narod.ru/tzhurav/woman.rtf>; *Леонов М.* Эксплуатация мужских страхов: Газетная кампания против женского образования в России 70-80-х годов XIX века // *Гендерное равноправие в России*. СПб, 2008. С. 164-166. По мнению М. Леонова, газетная кампания «Гражданина» привела к временному закрытию Высших женских курсов.

⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. 2.04.1872.

«Если не о чем говорить, то о женском вопросе», – замечает обыкновенно один из моих приятелей. Оно и действительно, очень хороший вопрос и всегда новый. Иногда мне кажется, что его выдумали собственно для журналистов, но я тотчас же отрицаю эту мысль, как оскорбительную для прогресса нашего времени, и соглашаюсь, что женский вопрос потому неистощим, что он есть мерило, насколько человечество продвинулось вперед в своем развитии⁵⁴; другими словами, насколько мужчины свили веревки на свои ожирелые шеи. Но я избегаю говорить об этом вопросе по некоторым причинам. Ни один благоразумный человек не станет спорить, что мужчины, стоящие за так называемый женский вопрос. – самые добродетельные овцы во всемирном стаде, которым женщины должны бы курить фимиам. Впрочем, мало сказать «добродетельные овцы»; это – самоубийцы, это – овцы со слезами радости на глазах стоящие у порога бойни и говорящие с самоотвержением: «убейте нас поскорее, потом жарьте и подайте нас скушать милым женщинам». Понятно, что говоря подобные ужасы, я разумею конечный результат, т. е. то отдаленное время, тот новый геологический период, когда женщины победят нас с помощью изменников-мужчин и обратят в своих рабов. <...> Вам известно, что я принадлежу к поклонникам женского вопроса в его естественном развитии. На то я и умеренный либерал, чтоб все умеренно-либеральное одобрять и поощрять; но я вместе с тем принадлежу к тем умеренным либералам, которые не скрывают ни от себя, ни от других конечных результатов. <...> Соображая все это, я и говорю, что конечный результат женского вопроса будет гибелен для мужчин, а потому те из них, которые теперь воюют против «отсталых» взглядов на женщин, выют сами на себя веревку, ибо несомненно, что все то, что выдумал мужчина для своего спокойствия и отдохновения – все это сокрушится как сделанное не в интересах женщин. Я мог бы нарисовать картину этого крушения, но боюсь за бедные головы тех, которые и без того уже весьма опасаются женского вопроса, хотя серьезно опасаться его можно разве только лет через пятьсот: до тех же пор мы будем еще властвовать и покорять под ноги свое женское племя...⁵⁵»

Хотя теперь Суворин меняет маску с консервативной на «умеренно» либеральную, рисуемая им апокалипсическая

---

⁵⁴ Ироническая аллюзия на известные слова Н. Соловьева о том, что «женский вопрос» явился «мерилом прогрессивности писателя».

⁵⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 15.10.1872.

картина победы женщин над мужчинами говорит сама за себя. Впрочем, он смягчает ее, сообщив, что конечный результат эмансипации будет достигнут «лет через пятьсот». Между тем эту браваду тоже можно отнести к женофобической симптоматикс. Тем более, что в фельетоне речь идет о тех, кто «весьма опасается женского вопроса». Пародируя либеральный эмансипационный дискурс, одной из тем которого была взаимная «гармонизация» мужского и женского полов, Суворин предлагает практические меры ее реализации:

«Но женское племя могло бы и в настоящее время показать себя с весьма выгодной стороны и даже заслужить признательность потомства... <...> Женщины должны стараться в настоящее время о том, чтобы мужчины делали поменьше нехороших дел <...> Разумеется, мужчина – конечно, мужчина более или менее деликатный – начнет сначала резоны выставлять: надо бить его по этим резонам... <...> Не худо бы составить оборонительное женское общество для этой цели, назвав его “Женское общество для взаимного пособия и для укрощения мужчин”. Я вполне убежден, что деятельность этого общества была бы благотворнее всех существующих ныне обществ⁵⁶.»

Через неделю Суворин в очередном фельетоне снова иронически коснется женской темы и нарисует красочный портрет современной ему женщины. Форма фельетона будет неожиданной – посмертное прощание – и, надо сказать, зловещей. Вообразив себе, что он умер, Суворин наблюдает, как у его гроба появляются ключевые фигуры его фельетонов: земский деятель, мировой судья, «бледный юноша», «маститый ученый». Вторым по счету гостем суворинского холодного трупа оказалась «русская женщина»:

«В комнате термометр разом повысился на десять градусов. <...> ...В комнату вошла женщина и принесла с собою это тепло. Русская женщина – самая теплая женщина. При жизни я любил русскую женщину не меньше чаю; после смерти я ее благословляю, как говорится, на подвиг жизни. Самая теплая женщина – вместе с тем – самая передовая. Я любил ее всегда: и тогда, когда она носила длинные волосы, и тогда, когда она стала стричь их; если б я пожил дольше и дождался того времени, ко-

---

⁵⁶ Там же.

гда она станет брить их – я любил бы ее бритую. Я любил ее и тогда, когда она была скромна и послушна своему мужу на глазах его и шалила за глазами; я любил ее и тогда, когда она перестала слушать мужа и, отбросив скромность, сказала ему: «Мой друг, я люблю другого, а потому оставайся здесь, я же пойду туда!» И ушла, плавно, не торолясь, не ломая рук, не приходя в пафос, не говоря длиннейших монологов, – потому что самая теплая женщина вместе с тем и самая простая. <...> Да, я любил ее, эту простую, теплую и передовую русскую женщину, любил всегда, на всех путях ее развития – и тогда, когда она читала Дюма и Поль-де-Кока, и тогда, когда она, краснея, жадно проглатывала анекдоты в «Топографической анатомии» Гиртля, предпочитая их всем романам. Я любил ее и тогда, когда, в отчаянии после долгой, молчаливой думы, она искала выхода в разврате, и тогда, когда она приставляла дуло пистолета ко рту и падала бездыханная и обезображенная; я любил ее всегда – и когда защищал ее, и когда смеялся над нею. <...> Поэтому напрасно упрекали меня философы либерализма в том, что сегодня я говорил одно, сегодня нападал на женщину, а завтра защищал ее. О, будь же благословенна ты, теплая русская женщина, всегда, отныне и навеки, стремись и стучись в полной надежде, что отверзятся двери тому, кто стучится. Прощай!⁵⁷»

Это прощание странным образом совпало с тем, что в следующем, 1873 году, Суворин на время оставил женскую тему в своих фельетонах. Суворинское признание в любви к женщине вообще – при всей его ироничности – вызывает ассоциации с его собственной женой, несомненно, простой, «теплой» и передовой женщиной. Благословив ее из гроба, примерно через год Суворин, по злому мановению судьбы и уже в реальной жизни, поменяется с ней местами. «Женский вопрос» получит трагическое разрешение в его собственной семье. Восприняв идеи личной женской свободы и став независимой и самостоятельной личностью, его жена погибла от руки любовника, и душевные муки едва не довели Суворина до самоубийства. Газетная шумиха вокруг убийства жены поставила под угрозу его карьеру, а отсутствие необходимой ему поддержки негативно сказалось на его последующей жизни.

---

⁵⁷ Там же. 22.10.1872.

Ю.П. Крылова

**Лидия Мизинова: в поисках себя.
Способы самоутверждения
незамужней девушки в конце XIX в.**

Женщине, жаждавшей свободы и самостоятельности,
оставалась одна дорога: в искусство!

Т.Л. Щеткина-Куперник. «Дни моей жизни».

С середины XIX в. в России начинает активно обсуждаться женский вопрос и проблема эмансипации. Восприняв идеи французского Просвещения, русские женщины постепенно стали выходить из-под бытового домашнего гнета и принимать участие в общественной жизни. Понемногу они начали проявлять интерес к политике, желание заниматься литературным творчеством, работать в доселе мужских областях (наука, медицина, издательское дело и пр.), заявляя своим поведением об активной гражданской позиции (как декабристки) или же о несогласии с общепринятыми нормами¹.

Вторая половина XIX в. характеризуется усилением либеральных тенденций в общественной жизни России. В среде интеллигенции обсуждаются вопросы положения женщин, их предназначения и равноправия с мужчинами. Активная деятельность дам, не сидевших сложа руки, положила начало женскому движению, борьбе за права и возможности: получать высшее образование, работать, самостоятельно себя обеспечивать. После столетий домашней, почти затворнической или, наоборот, «блистательной» светской жизни перед женщинами встал вопрос о предназначении, деле, занятии. И если у крестьянок всегда хватало работы, то девушкам из бла-

---

¹ *Пушкарева Н.Л.* Феминизм в России // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*, 2003. № 5. С. 167.

городной и интеллигентской среды образование и свободное время позволяло размышлять о том, чем себя занять. Особенно остро вопрос стоял перед малообеспеченными девушками, которым после гимназии предстояло найти даже не столько дело по душе и предназначение в жизни, сколько стабильный заработок. Не имея приданного, их шансы выйти замуж были весьма не велики, а потому предстояло думать о дальнейшем самостоятельном обеспечении.

«Прогрессивные» образованные девушки второй половины XIX в. уже не стремились к стезе их прародительниц: гимназия – замужество – дети. Даже имея предложения «руки и сердца», они нередко отказывали претендентам, чтобы посвятить себя какому-то делу или просто «найти себя». Чаще всего они так и не находили того, что искали или о чем мечтали (хороший тому пример – А.П. Сулова). Кто-то оказывался «счастливее», как, например, Мария Чехова, посвятившая свою долгую жизнь таланту брата и сохранению его наследия. Родившиеся в 1850 – 1870-е гг. барышни уже не желали следовать традиционной колее, однако не имели они и нового проторенного пути, который будет у девушек из «приличной» советской семьи: школа-институт-работа/семья. С 1863 до 1905 гг. университеты были закрыты для женщин. Женские курсы то открывались, то закрывались. Найти себя в высшей профессиональной деятельности было сложно. Многие уезжали учиться за границу. В итоге, эти несколько «потерянных» поколений были в некотором роде первопроходцами: своей деятельностью или, как минимум, своими поисками они открыли последующим поколениям как бороться за свои права и добиваться их.

Одной из героинь этого переломного времени была Лидия Стахивна Мизинова (1870 – 1939). Обычно ее имя упоминается в связи с семьей Чеховых, с которой она была дружна долгие годы. С А.П. Чеховым ее связывало романтическое чувство, глубина и суть которого до сих пор заставляет исследователей мучиться догадками. Мало кто помнит, что она впоследствии была женой известного оперного режиссера

А.А. Санина, боготворившего ее. В объемной монографии, посвященной его творчеству², несмотря на богатство источников, Л.С. Мизиновой отводится не так много места, как она того заслуживала (хотя бы как помощница А.А. Санина). Мы остановимся на периоде ее исканий, до того, как она вышла замуж в 1902 г.

Лидия Мизинова, или как ее звали Чеховы – Лика, родилась в дворянской среде. По отцу ее предки происходили из уральских казаков, однако, проявив себя в военной службе, они получили дворянство в начале XIX в.³ К не столь древней, но известной фамилии Юргеневых относились ее предки по матери⁴. От деда Лике достанется «38 десятин земли в Тверской губернии Старицкого уезда в деревне Подсосенье»⁵. Обе семьи были бедны, и родители Мизиновой зарабатывали на жизнь преподаванием. Отец был домашним учителем, а мать, окончившая Московскую консерваторию, давала уроки музыки. Лидия была поздним и единственным ребенком в семье. Брак родителей оказался несчастлив. Прожив несколько лет в семье, отец покинул ее, лишив финансовой помощи.

В детстве и юности Лидия была для матери постоянным источником беспокойства. Училась она хорошо, но, как сетует в дневнике ее бабушка, характер имела прескверный: была упряма, ленива, излишне самостоятельна, вечно ссорилась со всеми⁶. Лидия получила хорошее образование. Весной 1889 г.

---

² Кинкулькина Н.М. Александр Санин: жизнь и творчество. М, 2001.

³ Овчинников Р.В. Казачьи предки Лики Мизиновой // Ярославская старина: из архива русской провинции. Ярославль, 1992. С. 37.

⁴ Строганов М.В. Лика Мизинова из рода Юргеневых // Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 289. Известно упоминание о нем знавшего его Пушкина. Встречался с Пушкиным и ее прадед С.Д. Мизинов в Уральске в 1833 г. (Овчинников Р.В. Казачьи предки... С. 38).

⁵ Гроссман Л.П. Роман Нины Заречной. К творческой истории «Чайки» А.П.Чехова // Прометей. М., 1967. Т. 2. С. 221.

⁶ Иогансон С.М. Дневн. ик. ОР РНБ. Ф. 1211. № 12. Л. 18, 39, 40 об., 41 об., 42 и далее. С.М. Иогансон была двоюродной теткой ее матери, но Лидия Мизинова всегда считала ее своей «бабушкой».

она закончила одной из лучших восьмой педагогический класс в гимназии З.Д. Перепелкиной, специализируясь по математике и педагогике⁷. Девушка знала французский и немецкий языки. Возможно, ей был знаком и итальянский, поскольку, пытаясь сделать карьеру оперной певицы, она учила арии итальянских композиторов и собиралась ехать в Милан. Она хорошо играла на фортепьяно, что не удивительно, поскольку ее мать Л.А. Мизинова была прекрасной пианисткой, ученицей А.Л. Гензельта, известного композитора и педагога. Могла аккомпанировать себе на гитаре, когда пела. Как непременный атрибут воспитания дворянской девицы – Лидия ездила верхом⁸. Она довольно много читала: в основном, все известные толстые журналы. Из-за границы она будет жаловаться: «Читать нечего!»⁹, «Читаю книги, но все французские – русских книг нет и достать негде»¹⁰.

Весной 1889 г. Лидия Мизинова начинает давать частные уроки, а с осени – преподавать русский язык в первом классе частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской, знакомой ее родственников Панафилиных. По воспоминаниям современников, гимназия считалась одной из лучших в Москве¹¹.

---

⁷ *Иогансон С.М.* Дневник. 27 окт. 1888 г. ОР РНБ. Ф. 1211. № 13. Л. 97 об.

⁸ «на днях сделала 25 верст верхом». *Мизинова Л.С.* Письмо к М.П.Чеховой от 11 авг. 1893 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 78. Л. 4 об.

⁹ *Она же.* Письмо к А.П. Чехову от 3 (15) апр. 1894 г. // *Чехов А.П.* Переписка в 3-т. / Под ред. Громова М.П. М., 1996. Т. 2. С. 321.

¹⁰ *Она же.* Письмо к С.М. Иогансон от 13 апр. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1948. Л. 3. Здесь и далее орфография и пунктуация мои. Неопубликованные источники цитируются по архивным оригиналам, опубликованные тексты, даже если составляют единый фонд с цитируемыми неопубликованными текстами, заимствуются из имеющихся изданий.

¹¹ *Молева Н.М.* Москва-столица. М., 2003. С. 361. Среди преподавателей были историк А.А. Кизеветтер, литературовед И.Н. Розанов, сестра А.П. Чехова М.П. Чехова.

Именно там она познакомилась с Марией Павловной Чеховой, учительницей истории и географии, и тогда же начала бывать в доме Чеховых на Садово-Кудринской. Она прослужит в гимназии до своего отъезда в Париж весной 1894 г. В одном из писем она упоминает, что там же преподает и музыку¹². Вместе с этим, она постоянно дает и частные уроки музыки:

«У меня теперь в гимназии есть 7 учениц и... еще один частный урок музыки... занимаюсь с двумя барышнями по два часа в неделю с каждой и получаю по рублю в час¹³.»

Денег не хватает, и она размышляет в письме бабушке: «Очень мне хотелось бы найти еще себе уроков, и тогда бы я могла и сама заняться музыкой и пением»¹⁴. Через год Лидия занимается музыкой уже с тремя девочками и сообщает бабушке: «уроков у меня достаточно, а главное они занимают много времени, потому что все в разных местах города»¹⁵.

Однако она не останавливается на этом. Из ее переписки с Чеховым мы узнаем, что в 1890 г. она также работает переписчицей в Московской Думе. Как она получила это место неизвестно. Однако А.П. Чехов, прося хлопотать за вечно безработного друга семьи А.И. Иваненко, писал: «Ликиша, Вы всесильны, дайте Иваненке место!»¹⁶. В одном из писем Чехов мимоходом упоминает о сути работы Мизиновой в Думе:

«Вас не для того посадили за оценочный стол, чтобы Вы оценивали каждый свой шаг и поступок выше меры¹⁷.»

---

¹² Мизинова Л.С. Письмо к А.П. Чехову от 18 марта 1892 г. // Чехов А.П. Переписка. Т. 2. С. 290.

¹³ Она же. Письмо к С.М. Иогансон от 19 нояб. 1891 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1942. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Она же. Письмо к С.М. Иогансон от 25 марта (апр.?) 1893 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1945. Л. 1.

¹⁶ В письме к М.П. Чеховой от 16 марта 1891 г.: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. М., 1974-1983. (далее – ПССиП). Т. 4. С. 198.

¹⁷ Она же. Письмо к Л.С. Мизиновой от 11 янв. 1891 г. // Чехов А.П. ПССиП. Т. 4. С. 159.

Можно предположить, что она переписывала какие-то документы, связанные с налогами, в частности, с оценочным сбором с недвижимого имущества.

В это же время Л.С. Мизинова начинает посещать драматическую школу А.Ф. Федотова на Малой Дмитровке. С.М. Иогансон часто сетует в дневнике на характер Лидии, на ее неспособность и нежелание остановиться на каком-то одном занятии, ругает ее за праздность. Ее пугают божественные склонности внучки: «в голове бродит ужасный ветер. То желает поступить в консерваторию, то [учиться] пению, а всего ужаснее – драматическому искусству, где она может погибнуть беспощадно!»¹⁸. Не одобряет ее занятий и А.П. Чехов, считая, что она попусту тратит время:

«Все вы, девицы, способны только на то, чтобы давать грошовые уроки и учиться у Федотова глупостям»¹⁹.»

О ее учебе у А.Ф. Федотова мало что известно, но имя одного из учителей К.С. Станиславского, стоявшего у истоков «Общества литературы и искусства», говорит само за себя²⁰. В это же время Лидия Мизинова всерьез задумывается о карьере оперной певицы. Она начинает брать уроки пения, успокаивая бабушку, что не планирует быть певицей, а учится лишь «для души»:

«Я ведь и не собираюсь быть певицей, а учусь просто для себя, пока имею возможность, а я так люблю и интересуюсь этим, что не для чего лишать себя этого»²¹.»

---

¹⁸ Иогансон С.М. Дневник. 28 янв. 1890 г. ОР РНБ. Ф. 1211. № 13. Л. 43 об.

¹⁹ Чехов А.П. Письмо к Л.С. Мизиновой от 27 и 30 июля 1892 г. // Чехов А.П. ПССиП. Т. 4. С. 97.

²⁰ Витезон Р.А. Александр Федотов. М., 1999. См. также: Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве // Станиславский К.С. Собрание сочинений в 9 тт. М., 1988. Т. 1. С. 154, 155 и др.

²¹ Мизинова Л.С. Письмо к С.М. Иогансон от 4 нояб. <1892>. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1970. Л. 4. За год до этого С.М. Иогансон в дневнике радуется желанию «Лидюши» заняться музыкой и пением. См.: 10 июля 1888 г. ОР РНБ. Ф. 1211. № 13. Л. 63.

Эта высказывание очень характерно для Мизиновой. Следующие десять лет она будет прилагать все усилия, чтобы стать профессиональной певицей и даже начнет выступать на публике. Она никогда не лишала себя удовольствий, всегда делала то, что хотела, даже если это не было принято или считалось неприличным в ее среде в то время, чем заслуживала ворчанье своей бабушки, бывшей смолянки, и доводила мать до нервных приступов. Единственный ребенок у матери, любимица никогда не выходявшей замуж и не имевшей детей «бабушки», Лидюша, как называли ее дома, позволяла себе иметь собственный взгляд на вещи и возмущалась, когда кто-то с ним не соглашался. Большинство, если даже не все, задуманные ею дела не доводились до конца. Она это понимала, но пересилить себя или обстоятельства было выше ее сил.

Весной 1892 г. А.П. Чехов поручает ей перевод с немецкого пьесы Г. Зудермана «Гибель Содомы». В письмах он настойчиво спрашивает, когда она окончит работу: «А перевод? Что же перевод?»²², «Готова пьеса? Нет?»²³. К июлю Чехов начинает терять терпение и сердиться: «не злите меня Вапею ленью ...Где речь идет о срочной работе и о данном слове, там я не принимаю никаких оправданий. Не принимаю и не понимаю их»²⁴. Еще в марте она сурово рапортует ему: «Перевод делаю и прошу без напоминаний. Если взялась, так и сделаю», а уже в июле выясняется, что «порядком подзабыв язык», она отдала перевод какой-то немке, потому что та «очень нуждается, а во-вторых, сделает его лучше»²⁵. В ответ на приступ чеховского негодования она возмущенно отвечает:

---

²² Чехов А.П. Письмо к Л.С. Мизиновой от 29 марта 1892 г. // Чехов А.П. ПССиП. Т. 5. С. 39.

²³ *Он же*. Письмо к Л.С. Мизиновой от 16 июля 1892 г. // Там же. С. 94.

²⁴ *Он же*. Письмо к Л.С. Мизиновой от 27 и 30 июля 1892 г. // Там же. Т. 4. С. 98.

²⁵ Мизинова Л.С. Письмо к А.П. Чехову от 20 июля 1892 г. ОР РГБ. Ф 331. К. 52. Ед. хр. 2 а. Л. 36.

«Не может быть и речи о том, чтобы я стала оправдываться – не в чем!... Я не могу правильно трудиться над всем и раз занимаюсь чем-нибудь одним – то этому одному предаюсь с интересом и увлечением²⁶.»

И она была именно такой: прямолинейной и безапелляционной, страстной и увлекающейся (хотя и не надолго), ревнивой, но не равнодушной. Перепалка между Мизиновой и Чеховым продолжалась и в августе. Они не понимали друг друга. Он относился к ней как к взрослому человеку, несущему ответственность за свои поступки, она же обижалась на его отповеди как капризный подросток:

«Если Вы действительно думаете обо мне ... что и ленива-то я, и характер дурной, и придирчива ... то что заставляет Вас звать меня к себе, переписываться со мной и вообще показывать некоторос расположение?... Я не ребенок, которому надо постоянно указывать все его недостатки, знаю их все сама лучше Вас!²⁷.»

На десятилетие ее самостоятельной жизни (от гимназии до замужества) у нее было два глубоких и страстных увлечения: пение и любовь к А.П. Чехову²⁸. В кон. 1892 – нач. 1893 г. Мизинова принимает решение серьезно учиться оперному пению. 4 февраля 1893 г. она сообщает бабушке: «готовлюсь к пробе в оперный класс»²⁹. Как проходили ее занятия, и были ли вообще – не известно. Однако весной следующего года она получает от известного мецената и создателя частной оперы С.И. Мамонтова дотацию на обучение пению и отправляется для этого во Францию.

²⁶ *Она же*. Письмо к А.П. Чехову от 3 авг. 1892 г. // *Чехов А.П. Переписка*. Т. 2. С. 298.

²⁷ *Она же*. Письмо к А.П. Чехову от 12 авг. 1892 г. // Там же. С. 300.

²⁸ Второму сюжету посвящено много исследований. См., к примеру: *Гроссман Л.П.* Указ. соч.; *Рынкевич В.П.* Беспокойная муза Чехова. Л.С. Мизинова в жизни и творчестве Чехова // *Вопросы литературы*, 1993. № 6. С. 138-152.

²⁹ *Мизинова Л.С.* Письмо к С.М. Иогансон от 17 сент. 1893 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1968. Л. 3.

12 марта Лидия выезжает в Париж. В дороге она останавливается на день в Берлине и Кельне, а 16 марта благополучно добирается до места назначения. Первое время она подыскивает себе учителя, думая остановиться на уроках г-на Массона («Его очень хвалят для постановки голоса»³⁰). Весну и лето 1894 года она активно работает над голосом. Взяв напрокат фортепьяно, она много играет, восстанавливая прежние навыки. Ее не отвлекают многочисленные знакомые и светская жизнь, в которую она была вовлечена в Москве. Она тоскует, грустит, но продолжает работу:

«Я почти все дни сижу дома и много занимаюсь. Принялась опять за музыку и начинаю приводить пальцы в порядок»³¹, Занимаюсь я три раза в неделю по ½ ч(аса)...³², Кажется, я делаю успехи, и дело идет вперед³³.»

Тем не менее, у нее остается масса свободного времени. Она тратит его на чтение, прогулки, походы в театр, общение с немногочисленными знакомыми, в частности, с Варварой Эберле, еще одной стипендиаткой С.И. Мамонтова, а также на литературное творчество. Вращение в московских литературно-художественных кругах не прошло для нее даром. Она была знакома со многими литераторами и издателями того времени: В.А. Гольцевым, Ф.А. Куманиным, М.А. Саблиным, В.М. Лавровым, В.А. Гиляровским, Т.Л. Щепкиной-Куперник, А.А. Плещеевым-младшим, И.Н. Потапенко, А.С. Лазаревым-Грузинским, В.А. Тихоновым, Н.М. Ежовым и др. Сочиняла для детей и переводила ее родная тетя С.А. Панафидина. Лидия всегда много читала, писатели дарили ей свои книги с автографами, признавали в ней не только

---

³⁰ Она же. Письмо к матери от 17 марта 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1812. Л. 4.

³¹ Она же. Письмо к С.М. Иогансон от 13 апр. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1948. Л. 3-4.

³² Она же. Письмо к матери от 27 апр. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1816. Л. 3.

³³ Она же. Письмо к матери от 17 мая 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1817. Л. 4-5.

красоту, но и ум, умение поддержать беседу. Не удивительно, что, имея свободное время, ей захотелось попробовать себя в сочинительстве. Кроме того, это было время ее романа с писателем И.Н. Потапенко. Общие разговоры о литературе, а, возможно, и он сам – «бодрый талант», как о нем говорили, человек неиссякаемого оптимизма, несмотря на жизненные перипетии – заставили ее взяться за перо.

«Написала я... свои первые впечатления Парижа. Игнатий просмотрел и сказал, что если бы Новикову и не понравилось, чего, он убежден, не будет, то рассказ годится для «Русских ведомостей», и там его напечатают... Игнатий поправил кое-что и помог мне³⁴, – делилась Лидия со своей подругой Марией Чеховой.»

Был ли у нее писательский талант, мы уже никогда не узнаем, поскольку ни одно ее произведение нам не известно. Однако она обладала двумя другими, как представляется, ценными свойствами: она тонко чувствовала фальшь, и берясь отважно за любое дело, всегда оптимистично смотрела в будущее. Работая над первым очерком, она пишет: «Бог знает что выйдет»³⁵. Она чувствует свою неумелость, зная как должно выглядеть хорошее сочинение. Тем не менее, она отсылает очерк в редакцию журнала «Артист». Понимая недостатки своего первого сочинения, Мизинова сомневается, что его напечатают («что-то выйдет не знаю»), однако уже строит дальнейшие планы: «если примут, то получу рублей 15. Буду еще что-нибудь писать...»³⁶. Однако в одном из писем бабушке она признается, что не имеет усидчивости и терпения записывать свои впечатления³⁷. Очерк так и не был опубликован, однако, она не оставляет надежд преуспеть на литературном поприще:

---

³⁴ Она же. Письмо к М.П. Чеховой от 4 апр. 1894 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 78. Л. 5 об. «Игнатий» – И.Н. Потапенко, «Новиков» – Н.В. Новиков, редактор журнала «Артист» (с 1894 г.).

³⁵ Она же. Письмо к А.П. Чехову от 3 (15) апр. 1894 г. // Чехов А.П. Переписка. Т. 2. С. 321.

³⁶ Она же. Письмо к матери от 12 апр. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1815. Л. 3.

³⁷ Она же. Письмо к С.М. Иогансон от 29 мая 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1949. Л. 3.

«Пишу маленькую вешичу, которую надеюсь пристроить в какой-нибудь журнал или газету. Одиночество, может быть, разовьет во мне способность писательства! Тогда я не буду сокрушаться за мою дальнейшую жизнь, если даже и пение не повезет (sic!). Но не говори никому об этом»³⁸.

Очевидно, что сочинительство – не ее призвание и не доставляет ей особого удовольствия. Она явно пишет от скуки, одиночества, от необходимости зарабатывать на кусок хлеба. Она не хочет, чтобы об этом узнали в тех кругах, где она вращалась до отъезда, прося мать и в следующем письме: «никому ни слова!»³⁹. Обеспокоенная непостоянством дочери, мать выражала, видимо, тревогу по поводу ее занятий пением, ради которых она поехала в Париж. Но Лидия как всегда уверенно отвечала: «ты не бойся, чтобы я бросила дела, этого никогда не будет!»⁴⁰.

Упоминания о «пачкании бумаги» встречаются еще и в 1895 г., однако, ее идея стать писательницей от безысходности была заранее обречена на провал. Она никогда не любила писать письма. Ее мать называла это «обычной письмобоязнью»⁴¹. Вряд ли у нее получилось бы преуспеть в деле сочинительства, требующем способности и терпения. Она это знала заранее, а потому в тот же день с письмом матери написала А.П. Чехову: «Все на свете мне не удастся, так и жизнь не удалась!»⁴². Она будет изредка подрабатывать переводами, какими-то работами в редакциях, отголоски чего мы встречаем в ее письмах. Позже она станет великолепной помощницей и критиком написанного ее мужем. Но пока на карьере писательницы, видимо, был поставлен крест.

³⁸ Она же. Письмо к матери от 27 сент. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1831. Л. 4.

³⁹ Она же. Письмо к матери от 11 окт. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1832. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Л. 6.

⁴¹ Она же. Письмо к Т.Л. Щепкиной-Куперник от 13 июля 1905 г. РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 861. № 6. Л. 1.

⁴² Она же. Письмо к А.П. Чехову от 27 сент. (9 окт.) 1894 г. ОР РГБ. Ф 331. К. 52. Ед. хр. 2 б. Л. 46 об.

В декабре 1894 г. у нее появляются новые идеи, опять связанные с поиском заработка и обеспечения самостоятельной жизни: «Я пою, учусь английскому языку... С января буду учиться еще массажу, для того, чтобы иметь некоторые шансы на будущее»⁴³. Она описывает свою идею матери — беспокойному и строгому критику всех ее затей:

«На днях хочу начать заниматься массажем. Время свободно у меня много, занятия в больнице стоят пустяки, и я думаю, почему бы мне и еще не иметь верного средства к существованию? Только не думайте, что я разбрасываюсь! Все это не мешает одно другому»⁴⁴.

Она заранее пытается всех успокоить, что и курс-де всего два месяца, и диплом дадут, и стоит недорого, да еще и зарабатывать этим можно будет! Она рвалась к самостоятельной жизни из-под опеки матери, тети, бабушки, но не могла вырваться и не умела устроить ту жизнь, о которой мечтала. Она оправдывает каждый свой шаг, зная, что все, что она «придумает», скорее всего, не будет принято и одобрено поколением «стариков». Однако родные очень ее любили, и им приходилось мириться с ее, как им казалось, недостойным поведением: прогулками и перепиской с молодыми людьми, поездками без сопровождения, задержками в гостях далеко за полночь и т.п. Так же им пришлось смириться с ее желанием стать певицей и отпустить одну в Париж.

О ее смелости и свободолобии свидетельствует и то, что в Париж она уехала, будучи беременной от И.Н. Потапенко, имевшего к тому времени уже двух жен (законную и гражданскую) и нескольких детей. Мизинова год скрывала свое положение и родившегося ребенка, зная какой шок переживут ее родные, узнав о незаконнорожденной дочери. Она расска-

⁴³ Она же. Письмо к А.П. Чехову от 15 (27) дек. 1894 г. // Чехов А.П. Переписка. Т. 2. С. 326. О том же см.: Письмо Л.С. Мизиновой к С.М. Йогансон от 7 дек. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1956. Л. 2.

⁴⁴ Она же. Письмо к матери от 21 дек. 1894 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1840. Л. 5-6.

зала им, лишь ненадолго приехав весной 1895 г. в Москву, продолжая скрывать это от более широкого круга знакомых. И это тоже был ее своеобразный «поиск себя». Она не была наивной и прекрасно знала семейное положение И.Н. Потапенко (а неукротимый характер его второй жены Марии Андреевны, переводчицы, знали, кажется, все в литературно-издательских кругах). Даже живя в Швейцарии в ожидании родов, пребывая в постоянной депрессии, она всячески оправдывает и защищает его перед родными и ближайшими друзьями. Она реалистично смотрит на жизнь, понимая, что он хоть и «любит ее больше всего на свете», «у него нет воли, нет характера и ... не хватит смелости рискнуть» и уйти от жены, угрожающей зарезать детей⁴⁵.

В письме Марии Чеховой у Лидии практически вырывается крик души, объясняющий отчасти ее метания и поиски: «надо прожить жизнь как можно скорее! Это одна на свете истина»⁴⁶. Поэтому она хватается то за одно, то за другое, ничего не доводит до конца, возможно, понимая, что это опять «не ее». У нее нет времени оглаживаться на других, учиться на чужих ошибках, обращать внимания на пересуды. «До людского мнения мне нет дела»⁴⁷, — пишет она своим размашистым темпераментным почерком Марии Чеховой.

В январе 1895 г. Лидия сообщает ей, что собирается учиться играть на скрипке, потому что ее очень увлекает пение под аккомпанемент знакомых скрипачей⁴⁸. Ее занятия пением продвигаются, и она уже мечтает перебраться в Италию, чтобы перестать бороться в ариях с французским языком

---

⁴⁵ Она же. Письмо к М.П. Чеховой от 2 фев. 1895 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 80. Л. 5 об-6.

⁴⁶ Она же. Письмо к М.П. Чеховой от 22 дек. 1894 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 79. Л. 19 об.

⁴⁷ Она же. Письмо к М.П. Чеховой от 2 фев. 1895 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 80. Л. 6 об.

⁴⁸ Она же. Письмо к М.П. Чеховой от 23 янв. 1895 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 80. Л. 1 об.

(«ужасно он труден и неловок»)⁴⁹. В феврале в письме Чеховой она строит предварительные планы на ближайшее время:

«Я проживу здесь года полтора для того, чтобы окончить пение... На этом я строю все свое будущее, и теперь мне это необходимо более, чем когда-нибудь. После поездки в Россию изучу массаж и, надеюсь, не пропаду. Тебя верно удивляет, что я говорю о будущем в таком виде. Но, друг мой, в другое будущее я не верю... я принялась за литературу и пачкаю бумагу без конца...»⁵⁰»

Здесь все ее мысли о настоящем и планы на будущее. Она понимает, что у Потапенко не хватит сил уйти от жены (не говоря о том, что он не разведен и с первой женой), а потому ее удел – самой обеспечивать себя и дочь. Замуж, скорее всего, ее уже не позовут с ее незаконным ребенком. Она об этом даже не думает. А значит, нужно искать надежный источник доходов для ее маленькой семьи. Она пытается действовать по всем направлениям: пение, массаж, писательство. Возможно, где-то повезет.

Ее поиски отчасти продиктованы и жадой всего нового, о чем метко написала в дневнике ее бабушка. Летом 1895 г. Лидия учится ездить на велосипеде. На полученную в письме новость бабушка реагирует следующей записью:

«Ездит на велосипеде в мужских панталонах, вот заразительная мода! Все ездят, как нашей Лидюше не испробовать⁵¹.»

В отличие от бабушки, воспитанницы Института благородных девиц, заставшей еще Пушкина, приходившего к ним в гости, но «постеснявшейся выйти из своей комнаты»⁵², ее внучка от рождения впитала новые веяния времени. Она хваталась за

⁴⁹ Она же. Письма к матери от 12 и 27 фев. 1895 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1845. Л. 4; № 1846. Л. 4.

⁵⁰ Она же. Письмо к М.П. Чеховой от 2 фев. 1895 г. ОР РГБ. Ф. 331. К. 93. Ед. хр. 80. Л. 5-6 об.

⁵¹ Иогансон С.М. Дневник. 8 июля 1895 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 19. Л. 25 об.

⁵² Понафицина А.Н. Воспоминания. // В наши дни. Калинин, 1936. № 2. С. 91-93.

любые занятия, лишь бы действовать, пробовала все новое, что было недоступно женщинам предыдущих поколений.

Вскоре Лидия возвращается в Москву, решив, что «этот проклятый Париж совершенно невыносим для жизни с ребенком человеку, не имеющему знакомых и никакой помощи»⁵³. Роль матери также не стала ее призванием. Она не умела ухаживать за ребенком, нервничала, ругалась на прислугу. Маленькая дочь отнимала много сил и времени, его не оставалось на другие занятия, которые были ей больше по душе. Вернувшись домой и оставив ребенка родным, она снова окунулась в привычную атмосферу богемной жизни. Бабушка сетует на нее в дневнике:

«Лидюша опять мало дома сидит и почти ничем не занимается. Очень жаль! Когда же будет дельная особа. Ведь так жить плохо, ничего не будет»⁵⁴»

Во встречах и общении проходит осень и зима 1895 – 1896 г.: «Лидюша ... все порхает по знакомым»⁵⁵. В марте 1896 г. в дневнике С.М. Иогансон мелькает запись, что Лидия снова берет уроки пения⁵⁶. Однако это занятие, видимо, уже не увлекает ее так, как прежде. Возможно, она понимает, что жизнь проходит, а сй все никак не удастся в ней устроиться и найти себя. Она жалуется в письме А.П. Чехову: «я уже стара, и ничто меня больше не занимает»⁵⁷. Однако бабушке она сообщает, что собирается путешествовать: «едет в апреле 26 числа странствовать в роде певца (sic!)»⁵⁸. Скорее всего, она так никуда и не поехала, иначе бы сохранились ее письма родным из поездок.

---

⁵³ Мизинова Л.С. Письмо к матери от 2 июля 1895 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 1915. Л. 1-2.

⁵⁴ Иогансон С.М. Дневник. 16 окт. 1895 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 19. Л. 48 об.

⁵⁵ Там же. 28 окт. 1895 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 19. Л. 51 об.

⁵⁶ Там же. 10 марта 1896 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 19. Л. 79 об.

⁵⁷ Мизинова Л.С. Письмо А.П. Чехову от 19 марта 1896 г. ОР РГБ. Ф 331. К. 52. Ед. хр. 2 в. Л. 7.

⁵⁸ Иогансон С.М. Дневник. 27 марта 1896 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 19. Л. 83.

В конце того же года в семье случается несчастье. Вскоре после своего второго дня рожденья умирает ее дочь, оставленная на попечение родных в поместье Покровское. Тяжесть материнского переживания не отразилась в источниках. Возможно, это связано с тем, что она не так много писала родным и знакомым о дочке (в основном, матери в 1895 г. из Парижа). Первое время она скрывала ее существование, по возвращении из-за границы она жила вместе с родными, а потому не писала писем. Кто-то из знакомых, возможно, отвернулся от нее, узнав о ребенке, как она и предполагала. Бабушка, сильно любя Лидию, все же считала потерю дочери Божьей карой за ее поведение: «да утешит ее Господь и вразумит на все хорошее, вести жизнь разумную»⁵⁹.

Но жизнь не стоит на месте, осенью 1897 г. Мизинова строит новые планы. Она решает продолжать учиться пению за границей и пишет А.П. Чехову: «По всей вероятности, в Париж я не поеду, а поеду в Милан»⁶⁰. Пока же она еще в Москве. Встречающий ее в общих компаниях музыкант А.И. Иваненко передает Чехову:

«Мне почему-то грустно стало бывать у нее. Кажется, образ жизни ведет она обыденный, т.е. ночь без сна, а день до 2-х спит. Нужно бы ей какое-либо дело, левицы из нее никогда не будет, это мое самое строгое мнение... Обидно, что она не при деле, а сказать ей ничего нельзя»⁶¹.

О ее безапелляционном характере, не терпящем возражений, знали все. У нее было множество других достоинств, за которые ее любили друзья, но советы и наставления она отвергала. Она шла своей дорогой и училась на своих ошибках. Имея хорошие голосовые данные, она панически боялась сцены и

---

⁵⁹ Там же. 14 нояб. 1896 г. Музей МХАТ. Ф. 5323. № 19. Л. 120 об.

⁶⁰ Мизинова Л.С. Письмо к А.П. Чехову от 4 окт. 1897 г. ОР РГБ. Ф 331. К. 52. Ед. хр. 2 г. Л. 23 об.

⁶¹ Сахарова Е.М. «Мои симпатии к Вам и Вашей семье вечны...» (Письма А.И. Иваненко А.П. Чехову) // Чеховиана. Чехов и его окружение. М., 1996. С. 341.

публики. Надеюсь, видимо, со временем преодолеть свой страх, она продолжала работать.

Вскоре у нее появляется новая идея: открыть ателье. Она делится ей с Марией Чеховой. Не оценив по достоинству очередное начинание подруги, Чехова возмущенно сообщает брату:

«Лика заложила землю и вместо пения открывает теперь модную мастерскую. Я страшно против этого... Она сразу вообразит себя Войткевич или Ламановой и потратит все деньги, тогда что она будет делать?»⁶²»

Лидия подробно описывает задумку и самому А.П. Чехову, своему давнему confidentу, жалуясь, что его сестра не приняла ее идею:

«Заикнулась об этом Маше, но, она начала говорить всевозможные слова насчет интеллигентного труда и т. д. Вот я целый год жду его, хочу что-либо делать, хоть уроки опять давать, но ничего найти не могу, а обращалась всюду»⁶³»

Она сидит без работы и, соответственно, не имеет денег брать уроки пения. Она мечтает о деле. В письме Чехову Лидия рисует свой портрет иначе, чем ее видит бабушка:

«хочется такого дела, которое бы не давало мне минуты покоя, не позволяло бы ни о чем думать! ...мне так надоело и опостылело ничегонеделание, что больше не могу»⁶⁴»

В ответном письме Чехов поддерживает ее: «Вашу идею – открыть мастерскую я могу только приветствовать...»⁶⁵. Однако в письме сестре он, как всегда, высказывает иное видение события:

---

⁶² Чехова М.П. Письма к брату А.П. Чехову. М., 1954. С. 56. Т.С. Войткевич и Н.П. Ламанова – известные московские портнихи того времени.

⁶³ Мизинова Л.С. Письмо к А.П. Чехову от 18 дек. 1897 г. // Чехов А.П. Переписка. Т. 2. С. 335. Павловская Э.К. (1853 – 1935) – певица и педагог. С 1895 г. преподавала в оперном классе Большого театра.

⁶⁴ Она же. Письмо к А.П. Чехову от 18 дек. 1897 г. // Чехов А.П. Переписка. Т. 2. С. 335.

⁶⁵ Чехов А.П. Письмо к Л.С. Мизиновой от 27 дек. 1897 г. (8 января 1898 г.) // Чехов А.П. ПССиП. Т. 7. С. 136.

«Она будет шипеть на своих мастериц, ведь у нее ужасный характер. И к тому же она очень любит зеленые и желтые ленты и громадные шляпы, а с такими пробелами во вкусе нельзя быть законодательницей мод и вкуса... Но я не против того, чтобы она открыла мастерскую. Ведь это труд, как бы ни было⁶⁶.»

Лидия, естественно, не могла знать его истинного мнения, а потому искренне радуется и благодарит его:

«Очень рада, что мои планы Вы одобряете и этим поддерживаете меня в моем намерении, которое многие... считают чуть ли не погибелью моей...»⁶⁷

Тем не менее, и этой идее Лидии Мизиновой не суждено было осуществиться. По неизвестной нам причине ателье так и не было открыто.

В 1898 г. она снова во Франции. «Лика едет в Париж продолжать учиться пению»⁶⁸, — пишет Мария Чехова брату. От этого пребывания во Франции сохранилось меньше писем, тем не менее, мы можем составить некоторое представление о ее жизни в тот момент. Она много работает и, кажется, вполне оптимистично (впрочем, как всегда) видит свое будущее: «я страшно много занимаюсь, даже удивляюсь себе сама. Не думала никогда, что меня хватит на такую работу!»⁶⁹. Ее преподавательница Бертрами, у которой занимались многие русские певцы (Ф.И. Шаляпин, В.П. Шкафер, Т.С. Любатович, В.А. Лосский, Е.Г. Азерская и др.) находит в ней талант: «Бертрами предсказывает блестящую будущность»⁷⁰. Периодически ее настроение меняется, охватывает тоска. Но и тогда она верит, что сможет перенести и эти трудности:

⁶⁶ *Она же*. Письмо к М.П. Чеховой от 9 (21) янв. 1898 г. // Чехов А.П. ПССиП. Т. 7. С. 149.

⁶⁷ *Мизинова Л.С.* Письмо к А.П. Чехову от 13 янв. 1896 г. ОР РГБ. Ф 331. К. 52. Ед. хр. 2 д. Л. 1.

⁶⁸ *Чехова М.П.* Письма к брату А.П. Чехову. С. 70.

⁶⁹ *Мизинова Л.С.* Письмо к Т.Л. Щелкиной-Куперник от 11 (?) 1899 г. РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 859. № 17. Л. 6-7.

⁷⁰ *Она же*. Письмо к Т.Л. Щелкиной-Куперник от 12(24) окт. 1898 г. РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 859. № 16. Л. 3.

«Моя жизнь – сплошная скука. Никого не вижу, нигде не бываю и при этом ни гроша в кармане! Не особенно сладко! Но ничего, справлюсь,⁷¹ – писала она Т.Л. Щепкиной-Куперник.»

Наверное, мы не сможем понять, что же чувствовала Лидия на самом деле. Она редко бывала полностью откровенна: родных не хотела расстраивать, особенно слабую здоровьем мать, в чью-то дружбу не слишком верила, а потому не хотела открываться. Жаловаться на жизнь, как она делала в письмах А.П. Чехову, тоже было «не особенно сладко». Она не очень доверяла письмам, не любила в них затрагивать интимные для нее темы, предпочитая личный разговор.

В этот приезд в Париж Мизиновой довелось выступать при большом стечении публики. В январе 1899 г. ее преподавательница Бертрами устроила концерт своих учеников. Лидия радостно сообщает Чехову:

«Я недавно пела на нашем ученическом концерте, при публике в 500 человек! Ничего себе! Пела не хуже других! Зато дрожала, верно, больше всех! ... произвела, говорят, приятное впечатление»⁷².»

Родным она рассказывает о своих ощущениях более подробно:

«Тряслась всю неделю перед этим, а в день концерта у меня подгибались ноги, и я еле вползла к себе на лестницу! Так продолжалось вплоть до того момента, когда я, в половине седьмого села в карету! Вдруг весь страх прошел, и я стала совсем покойна. Пела я в 10 часов, и только когда я ступила на эстраду, у меня вдруг что-то перехватило и высохло во рту. Это мешало мне в начале, и я чаще брала дыхание, чем следовало, но к половине первого куплета почти справилась и сознавала все, что делаю!»⁷³.»

---

⁷¹ Там же. Л. 4.

⁷² Она же. Письмо к А.П. Чехову от 21 фев. 1899 г. // Чехов А.П. Переписка. Т. 2. С. 344.

⁷³ Она же. Письмо к С.М. Иогансон от 21 янв. 1899 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1961. Л. 2-3.

Она делится с бабушкой впечатлением, которое произвела на публику, зная, что ее это порадует:

«Здесь в двух газетах был коротенький отзыв о концерте. Было сказано, что сошел он очень хорошо, и *parmi les plus applodies citons*: несколько человек, и в том числе и я⁷⁴.»

В апреле Мизинова уже в Москве, где продолжает занятия и ищет места в опере. Она берет уроки у Э.К. Павловской, с которой занималась в 1897 г.; пытается подрабатывать («имею несколько уроков и переписку иногда»⁷⁵), чтобы брать уроки пения. Как всегда, когда ее жизнь начинает налаживаться, она строит планы:

«Возьму ангажемент и уеду куда-нибудь петь. Может быть, и на пост уеду. Приглашают петь в Нижний. Если получу ангажемент на зиму, то летом поеду отдохнуть куда-нибудь...⁷⁶.»

О судьбе ее очередных планов нам не известно, хотя через месяц она пишет бабушке, что поедет в Серпухов, «где будет спектакль, и я буду петь и играть»⁷⁷.

Следующий, 1901 г. – последний год перед замужеством – стал для Лидии Мизиновой, наверное, одним из самых насыщенных. В апреле она принимала участие в большом концерте в Солодовниковском театре:

«У меня вчера был Мутин и просил петь у него в концерте... К концерту надо шить платье, хоть материя и есть у меня, а все-таки расход большой... но спеть в этом концерте полезно попробовать себя в большом помещении театра... Участвуют там все хорошие опытные певцы и певицы – Забелла, Петрова, Собинов, Мутин! А может и Шаляпин! Не рискованно ли выступать с ними?⁷⁸.»

⁷⁴ Там же. Л. 5-6. «больше всех аплодировали следующим:» (фр.).

⁷⁵ Она же. Письмо к А.П. Чехову от 22 янв. 1900 г. // *Чехов А.П.* Переписка. Т. 2. С. 348.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Мизинова Л.С. Письмо к С.М. Иогансон от 4 фев. 1900 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1964. Л. 2.

⁷⁸ Она же. Письмо к матери от 1 апр. 1901 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1861. Л. 1-4. Н.В. Мутин, Н.И. Забела-Врубель, В.Н. Петрова-Званцева – известные оперные певцы того времени.

Судя по всему, ее знают и ценят в театральных кругах, раз приглашают участвовать в подобных концертах. Упоминаемые ею артисты в это время, безусловно, еще не достигли пика своей славы, однако, были известны и пели на сценах Большого театра и частной оперы С.И. Мамонтова. Выступить с ними на одной сцене, да и просто получить приглашение, должно было быть лестным для Лидии Мизиновой. Это свидетельство признания ее дарования, которое она своими усилиями много лет развивала. Ее беспокоит блестящий состав участников, однако, еще больше ее волнует, в каком наряде показаться на публике. Это первое, что ей приходит в голову, и лишь потом она размышляет, как будет выглядеть на фоне известных певцов в профессиональном отношении.

Несмотря на то, что ее оперная карьера понемногу продвигается, оптимизм молодости ее оставляет. Она старается не расстраивать своими настроениями мать, хотя признается, что ей грустно, «ревела и наплакала себе опять воспаление век»⁷⁹. Она сетует в письме Т.Л. Щепкиной-Куперник:

«Хожу и ни с того, ни с сего плачу, не сплю совсем от сердцебиения и безысходного настроения... все так грустно кругом и во мне самой, как давно не было. Просто хоть застрелиться пора!»⁸⁰»

Таких радикальных мыслей в переписке Мизиновой до этого времени не встречалось. Обычно, даже жалуясь на жизненные неудачи, она всегда говорила: «справлюсь». В письмах этих лет появляются упоминания о старости.

Выступление в Солодовниковском театре, на ее строгий взгляд, не удалось:

«Пела скверно. Говорят, что я пела птичьим голосом, и было очень смешно. Настроение от этого очень скверное... Наделала долгов, сшила платье и осрамилась. Все-таки пела в Москве, и

---

⁷⁹ Она же. Письмо к матери от 1 апр. 1901 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1861. Л. 4.

⁸⁰ Она же. Письмо к Т.Л. Щепкиной-Куперник. РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 860. № 19. Л. 3-4.

то хорошо, что хватило решимости... я пела совершенно бес-
сознательно и ничего не помню с момента выхода на эстраду.
Все-таки бисировала, не ошибалась, а только пищала не своим
голосом... Если бы не расходы, я не горевала бы так⁸¹.»

Ее постигает очередная неудача, во всяком случае, так кажется ей самой. Стеснительность мешает ей раскрыться и показать то, что она умеет. Видимо, в это время Мизинова решает закончить попытки стать певицей. Ее настроение этого времени передает Е.А. Шенберг, ее будущая золовка, в письме Т.Л. Щепкиной-Куперник:

«Лиду видела вчера и сегодня... Что-то она вправду тоскует.
Губы улыбаются, а глаза скорбные и трагические углы губ низко опускаются⁸².»

Летом 1901 г. все меняется. Она сообщает матери, что собирается на пробы в Художественный театр:

«Готовлюсь к экзамену в Художественный театр... Если по-
ступлю туда, то первый год без жалования – и очень трудно бу-
дет. Расходов будет порядочно на одних извозчиков ночью со
спектакля. Но зато будущее обеспечено – лишь бы попасть⁸³.»

Она продолжает попытки попасть на сцену, несмотря на боязнь публичных выступлений, с которой она ничего не могла поделать. Ее и ей подобных имела в виду Т.Л. Щепкина-Куперник, когда писала в воспоминаниях:

«Тогда женщины из интеллигентных кругов часто шли на сцену, видя в этом единственно свободный для женщины путь к самостоятельности и деятельности – все другие были для них закрыты или почти недоступны...⁸⁴.»

Учительство ее мало привлекало. Возможно, Лидия и стала бы писательницей, если бы у нее была к этому склонность.

⁸¹ *Она же*. Письмо к матери от 18 апр. 1901 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1862. Л. 1-4.

⁸² *Шенберг Е.А.* Письмо к Т.Л. Щепкиной-Куперник. РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Ед. хр. 1149. Л. 21 об., 24-24 об.

⁸³ *Мизинова Л.С.* Письмо к матери до 24 авг. 1901 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1917. Л. 2-3.

⁸⁴ *Щепкина-Куперник Т.Л.* Из воспоминаний. М., 1959. С. 100.

Она продолжала попытки стать певицей, к чему у нее были природные способности. Так же как сама Щепкина-Куперник, которая, начав свой путь с актерского поприща в театре Корша, стала позже профессиональной писательницей.

Лидия продолжает оптимистично смотреть в будущее, не понимая, что актрисы из нее не выйдет. Во всяком случае, любое новое дело поднимает состояние ее духа. Сохранилось свидетельство О.Л. Книппер о том, как проходил экзамен в МХТ:

«Ужасные экземпляры были. Ты сейчас удивишься: знаешь, кто экзаменовался?... Лика Мизинова... Но все прочитанное было пустым местом (между нами), и мне ее жаль было... Я думаю, ее возьмут прямо в театр, в статистки, ведь учиться в школе ей уже поздно...⁸⁵»

Почему Мизинову все-таки взяли в театр, несмотря на негативное впечатление, которое она произвела, неизвестно. Е.А. Шенберг, часто встречавшаяся с Лидией, писала Щепкиной-Куперник: «Лида поступила в Х.Т., очень повеселела и приободрилась», «Лида в чудном настроении, занята, хлопочет, работает и как будто счастлива», «Она очень весела, помолодела и похорошела»⁸⁶. Лидия описывает свое поступление в театр матери:

«Меня приняли в Художественный театр... Радует это меня очень и заботит ужасно, так как первый год жалования у них не платят, и как я просуществую этот год и сама не знаю. Расходов много лишних и на грим и на извозчиков и всякие другие расходы... Надо прилично одеться, а у меня нет ни шубы, ни кофты и всяких мелочей... С одной стороны это последний ресурс, с другой не знаю, как и быть... я уже в театре и это очень много.

---

⁸⁵ Книппер О.Л. Письмо к А.П. Чехову от 25 авг. 1901 г. // Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер в 2 тт. М., 2004. Т. 1. С. 424-426. Источник весьма субъективный, учитывая ее автора, а также то, что она знала о роли Мизиновой в жизни Чехова.

⁸⁶ Шенберг Е.А. Письма к Т.Л. Щепкиной-Куперник от сент. 1901, 8 сент. 1901 г., 16 нояб. 1901 г., 15 дек. 1901 г. РГАЛИ. Ф. 571. Оп.1. Ед. хр. 1149. Л. 29 об., 37, 39 об., 41 об. соотв.

Встретили меня там товарищи тепло, сам Алексеев и его жена очень хорошо. Пока буду занята много, но в очень незначительных ролях. А там дальше и лучше роли дадут⁸⁷».

Она ничего не пишет о самой работе, о новом театре, о своих артистических способностях. Как всегда, ее беспокоят бытовые подробности: отсутствие денег, туалетов, будущая стабильность. Она понимает, что на этот раз – это действительно последний шанс, который дает ей жизнь.

Она много работает. В декабре ставится пьеса В.И. Немировича-Данченко «В мечтах», где она занята. Репетиции идут каждый день. В театре активно используют ее талант пианистки, она играет за сценой.

«В театре мной очень довольны и надо надеяться дадут жалование... Бог даст уже это последнее трудное для меня время⁸⁸».

Ее настроение связано не только с работой и временной стабильностью. Видимо, в это время у нее уже начался роман с актером и режиссером МХТ А.А. Саниным, за которого она вскоре выйдет замуж.

Однако драматической актрисы из нее тоже не получилось. «Нашу бедную Лику вычеркнули из будущего состава артистов. Жаль ее»⁸⁹, – писала Мария Чехова брату в феврале 1902 г., еще до завершения сезона. Это был последний театральный сезон в Художественном театре и для А.А. Санина. Он переходил на службу в Александринский театр в Петербурге. С чем было связано увольнение Мизиновой неизвестно. Возможно, ее уход был вызван тем, что, готовясь выйти замуж за человека, покидающего МХТ и переезжающего в другой город, она не могла не оставить сцену. Сцену прославленного уже тогда Художественного и сцену вообще. Ей больше не

---

⁸⁷ Мизинова Л.С. Письмо к матери от 25 (сент. или окт.?) 1901 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1863. Л. 1-3. «Алексеев и его жена» – К.С. Станиславский и М.П. Лилина, актриса МХТ.

⁸⁸ Она же. Письмо к матери от 11 дек. 1901 г. Музей МХАТ. Ф. 5232. № 1865. Л. 5-6.

⁸⁹ Чехова М.П. Письма к брату А.П. Чехову. С. 198.

нужно было думать о «куске хлеба» и самостоятельной жизни. Начиналась вторая, лучшая половина ее жизни: с бесконечной любовью мужа и верных друзей: Е.А. Шенберг, М.Л. Роксановой, Ф.И. Шаляпина, Н.Е. Эфроса, Мих.П. Чехова, Качаловых, Собиновых, Польшных.

Таков был трудный путь к счастью Лидии Мизиновой. Она была одной из многих барышень того времени, которые не хотели после гимназии жить, как жили испокон веков их прародительницы. Склонные к наукам пробивали себе путь к высшему образованию, подавляющее же большинство пыталось искать себя в искусстве и литературе. Лидия не раз отказывалась от «руки и сердца» своих поклонников, предпочитая свободное плавание в поисках предназначения. Возможно, она не была влюблена ни в одного из них или же ее сердце долгие годы было занято А.П. Чеховым. Т.Л. Щепкина-Куперник описывает (в воспоминаниях уже советских лет) подобных девушек их круга:

«Мы тогда составляли довольно интересный и «новый» кружок, подобного которому... не бывало... раньше... В те годы... женщине не давали доступа к высшему образованию ... От того-то лучший сорт девушек, которые в 60-е годы пошли бы на медицинский факультет и т.п., кинулся так или иначе в искусство. И образовался новый тип – такие, как мы, и явился новостью для мужчин. С нами не было скучно. Мы умели веселиться, выпить глоток шампанского, спеть цыганский романс; но мы и умели поговорить о Ницше, о Достоевском, о богоискательстве, мы умели прочесть реферат, продержат корректуру и пр. – и со свободой нравов соединяли то, что они привыкли видеть в своих матерях, женах и сестрах: порядочность, благовоспитанность, чистоту... мы – «первые ласточки» ... ценой своей молодой жизни, своей репутации... посреди осуждений, травли, ухаживаний пробивали дорогу будущей женщине, разрушали толщу вековых традиций, предрассудков и рабства своими слабыми руками и служили большому делу: раскрепощению женщины⁹⁰».

---

⁹⁰ Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни // Щепкина-Куперник Т.Л. Воспоминания. М, 2005. С. 201-202.

Женщина и семья в дискурсе российских феминисток начала XX века

В пореформенный период в России в процессе модернизации и урбанизации началось складывание особой городской культуры, нормы которой регулировали жизнь горожан того времени. Был сформирован своеобразный гендерный порядок, содержащий образцы отношений между мужчинами и женщинами, определявшими положение тех и других в системах производства и воспроизводства¹. Другими словами, в рамках городской культуры сформировались четкие представления о том, что такое мужественность и женственность, чем должны заниматься носители первой – мужчины, а чем – носители второй – женщины. Была установлена специфическая форма гендерного контракта, отличного от контракта, существовавшего, к примеру, в крестьянской среде, где была своя специфика взаимоотношений полов в системе производства и воспроизводства.

Термин «гендерный контракт», разрабатывающийся в основном современными социологами, занимающимися анализом внутрисемейных отношений в советский и постсоветский период, определяют именно как «контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов»². Для гендерно-асимметричных обществ, основанных на неравенстве женщин и доминировании мужчин, наиболее характерным признается традиционный ген-

---

¹ О терминах «гендерный порядок» и «гендерный контракт» см. подробнее *Темкина А.А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в Современной России // *СоцИс*, 2002. № 11.

² Там же. С. 6.

дерный контракт или контракт «муж-кормилец и жена-домохозяйка»³. В данном случае мужская и женская роли четко разделены: материнство является основой статуса женщины в семье и, шире, в обществе, а все домашние обязанности признаются делом исключительно женским. Что касается мужских ролей, то основой статуса мужчины в традиционной семье является его роль кормильца, добытчика. Соответственно, признается безусловное главенство в ней мужчины⁴. По определению О.М. Здравомысловой, для традиционного гендерного контракта характерна ситуация, когда семейный и общественный статус женщины определяется исключительно ее ролью домашней хозяйки и воспитательницы детей⁵. Соответственно, и ее общественный статус зависит от качества выполнения ею домашних обязанностей – что, к слову, определяется, прежде всего, мужем как главой семьи. Также важным является и то, что распределение ролей в семье и обществе в представлениях сторонников данного вида гендерного контракта носит естественный, природный характер и, следовательно, не нуждается в пересмотре, является чем-то навечно заданным и решенным.

В основе представлений об идеальной городской семье в пореформенной России лежали понятия, характерные именно для традиционного гендерного контракта. Женщина должна была заниматься домом и детьми, а мужчина – исполнять роль «кормильца». Так, в многочисленной литературе для женщин⁶ – журналах, брошюрах, справочных изданиях, пуб-

---

³ *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. С. 219.

⁴ *Здравомыслова О.М.* О возможности изменения статуса женщины в семье // *Народонаселение*, 2000. № 2.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Исследователи признают более важным анализ статуса женщин для выявления специфических черт гендерного контракта, характерного для того или иного общества в ту или иную историческую эпоху, так как гендерный контракт описывает правила, регулирующие, в первую очередь, роли женщин – см. *Темкина А.А., Роткирх А.* Указ. соч.

лицистических работах – старательно и последовательно изображался образ идеальной женщины – жены и матери. Именно забота о муже и детях и ведение домашнего хозяйства признавались истинным, природным предназначением женщины. К ним – хранительницам домашнего очага, рачительным хозяйкам и заботливым матерям – и обращались авторы всего корпуса литературы «для женщин». Тезис о том, что дом является единственной сферой деятельности женщины, был основополагающим для такого рода работ, риторика которых принципиально не менялась на всем протяжении второй половины XIX – начала XX века:

«мужчина находит свое нормальное жизненное призвание в мире, женщина в семействе; мужчина в семействе – это основатель, производитель, защитник и приобретатель; женщина же – рождающая жена, мать детей, хранительница и попечительница семейства, в котором она живет и действует. Именно для этого и организована женская душа»⁷.

Подобные сборники весьма четко очерчивали сферу деятельности женщины в семье – приготовление пищи, уборка, шитье, уход за детьми. При этом избираемый авторами стиль написания и язык еще более подчеркивали наличие особого женского мира, жительницы которого, однако, не отличались большим умом. И если в той или иной книге и встречались нетипичные рассуждения на тему «физика, химия и ботаника по применению к домашнему хозяйству», то в таком случае авторы спешили успокоить и женщин, и мужчин, которые могли быть шокированы столь неделикатным и неуместным вмешательством науки в домашнюю жизнь.

«Не пугайтесь мои прекрасные читательницы, – спешил извиниться один из авторов, – я никак не имею в виду сухой науки, которая только напрягает дух, не доставляя удовольствия.»⁸

---

⁷ Силлов В. Женщина замужем. Исследование о физических, душевных и нравственных обязанностях и правилах замужних женщин. М., 1884. С. 11.

⁸ Образованная хозяйка и домоправительница или практика домашнего хозяйства. М., 1875. Ч. 5. С. 5.

Данная концепция идеальной женщины была подвергнута сомнению на рубеже XIX – XX веков самими женщинами – представительницами феминистского движения. Выразив свои сомнения по поводу «естественности» зависимого положения женщины в семье, феминистки проблематизировали наличие неравенства в ней и выступили против традиционного гендерного контракта.

Здесь необходимо подчеркнуть значение формировавшейся феминистской идеологии и феминистского движения первой волны. Тесно связанное с процессами экономической, политической, культурной и социальной модернизации, феминистское движение ставило перед собой весьма широкие цели, не ограничиваясь лишь завоеванием политического равноправия для женщин. В основе этого движения лежала критика существовавшей гендерной системы и оценка ее как фундамента патриархатного, то есть основанного на власти мужчин и подчинении женщин, общества⁹. Соответственно, именно в рамках идеологии феминизма женщины осознали, что существующие в обществе гендерные нормы навязываются им извне и ограничивают их деятельность, привязывая их к дому и семье.

«Жизнь отвела женщине слишком тесные рамки, – писали они, – и вне этих рамок воздвигла неодолимую преграду из законов, обычаев, предрассудков. Женщине нет выхода. Она или должна уйти из жизни, погрузившись всецело в семью, ... или, по примеру Ибсеновской Норы, бросить гордый вызов жизни.»¹⁰

Руководствуясь принципом «чтобы бороться со злом, надо его исследовать»¹¹, активистки феминистских организаций энергично взялись за дело. Они пытались донести свой взгляд на предмет до самой широкой аудитории, обращаясь, однако,

---

⁹ Подробнее об этом см. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

¹⁰ В.З. О союзе матерей // Женский Вестник, 1906. № 2. С. 39.

¹¹ См. доклад М.Е. Бландовой на Первом Всероссийском женском съезде – см. Труды I-го Всероссийского Женского Съезда при Русском Женском обществе в Санкт-Петербурге, СПб., 1909. С. 283.

прежде всего к женщинам. В публицистических статьях, лекциях и публичных выступлениях феминистки очерчивали тот основной круг вопросов, который, по их мнению, был связан с положением женщины в семье и ждал своего разрешения. В первую очередь, это был вопрос о домашнем хозяйстве и воспитании детей, то есть то, что сторонниками традиционного гендерного контракта считалось (и продолжает считаться) «природной» обязанностью женщины.

Так, одна из наиболее активных российских феминисток начала века, редактор-издательница журнала «Женский Вестник» и председательница Женской Прогрессивной партии М.И. Покровская, неоднократно писала и говорила во время публичных выступлений о «женах-рабынях», насильно заключенных мужчинами в узкий круг семьи¹². О.А. Волькенштейн в одной из многочисленных брошюр, посвященных этому вопросу, с уверенностью утверждала, что «худшего рабства, чем рабство женщины, история не знает»¹³. Используя известную метафору, широко распространенную в патриархатных обществах для описания идеальной семьи и сравнивавшую мужа с крепким деревом, а жену – с растением, обвившим ветви этого дерева¹⁴, феминистки замечали, что человечество давно уже нуждается в самостоятельных женщинах, «которые бы не были сентиментальным плющом вокруг дуба»¹⁵.

В основе всех этих рассуждений лежало представление феминисток об овеществлении женщины, как крайней степени выражения ее неравноправного положения в семье. Важно отметить, что, по мнению феминисток, подобное отношение к женщине было характерно именно для городских слоев, так

¹² См. напр. *Покровская М.И.* Что делать женщинам для достижения равноправия с мужчинами // *Женский Вестник*, 1907. № 3.

¹³ *Волькенштейн О.А.* Освобождение женщины, Пг., [б. г.] С. 3.

¹⁴ Ср. английское стихотворение: Мужчина – словно крепкая сона, / Вздымающая ветви в небеса. / Вокруг ствола – нежнейшая лоза: / То женщина его руками обвила... (*Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789 – 1918. М., 2001. С. 91.)

¹⁵ *Женщина накануне ее освобождения*, СПб., 1906. С. 10.

как в крестьянской среде или же среди рабочих женщину оценивали с точки зрения ее работоспособности. Работа для крестьянки не была чем-то экстраординарным, это было нормальное явление, естественным результатом которого было признание за женщиной некоторой самостоятельности. «Тут для женщин, как и для мужчин, нужна энергия, а не пассивность и бесконечная кротость»¹⁶, — делали вывод феминистки. Тем не менее, крестьянки и работницы признавались феминистками более равноправными только с точки зрения «труда», определенной экономической независимости от мужчин. В остальном, несмотря на экономическую значимость их труда вне семьи, их полагали также подчиненными мужчинам, как и «интеллигентных» женщин.

Что же касается города, то феминистки были убеждены, что в средних городских слоях сохранялся патриархатный идеал. Они писали о том, что для представителей этих социальных слоев была необходима «жена-комфорт», утрачивающая свою личность при выходе замуж, ни в чем не противоречащая мужу и попадающая к нему в полную зависимость. Вот как описывала классический тип подобной жены Покровская в одном из своих художественных произведений:

«Перед супругом она олицетворение трепета и покорности. Его слова для нее закон. Главная ее забота его удобство и покой. Под его кабинет отведена лучшая комната. Для него откладывается лучший кусок за обедом. Его сон тщательно охраняется. Детям строго запрещается шуметь, когда он спит после обеда. Она перед ним совершенно уничтожается.»¹⁷

При подобном отношении к женщине, в семье ее воспринимают как вещь, которую можно купить, продать или выбросить за ненадобностью и которой не стоит уделять излишнего внимания.

---

¹⁶ Покровская М.И. Идеал буржуазной жены // Женский Вестник, 1906. № 2. С. 47.

¹⁷ Она же. Кадетка (дневник провинциалки) // Женский Вестник, 1908. № 2. С. 38.

«Женясь на молодой девушке, чиновник, учитель, адвокат и т.д., считают свои дела выше ее понимания и разговаривают с ней преимущественно о самых обыденных вещах и о пустяках. Таким образом интеллигентные мужья не только не содействуют повышению умственного уровня своих жен, но даже постепенно заталкивают их в узкий круг чисто семейных интересов.»¹⁸

В зависимости от вкуса хозяина, жена-вещь естественно должна быть красива, должна радовать глаз своего обладателя. Далее, она должна быть добра, так как «недобрая жена не может доставить мужу надлежащего комфорта»¹⁹. Разумеется, место такой вещи было дома, среди других безделок. Такие качества как ум, самостоятельность, активность вызывали в мужчинах негативную реакцию, поскольку могли поставить их господство под угрозу и лишали женщину тех характеристик, которыми она непременно должна была обладать, если хотела понравиться мужчине. М.И. Покровская писала:

«От образованных мужчин нередко можно слышать, что женщина, освободясь из-под опеки мужчин и приняв участие в общественных делах, разрушит семью и забросит детей, потеряет женственность, а вместе с тем и значительную часть своей привлекательности для сильного пола»²⁰.

Однако российские феминистки выступали против подобного представления о женственности, определяющего женщину лишь как жену и мать. Одним из главных их постулатов было требование права для женщины заниматься общественными делами, трудиться на выбранном ею поприще, а не только вести дом и следить за детьми. Женщина не должна ограничивать себя лишь домашними делами, она должна развиваться, самосовершенствоваться, не встречая при этом осуждения со стороны общества. Но для того, чтобы у женщины появились силы, время и возможность выйти за пределы дома и заняться, к примеру, политикой, необходимо было освободить ее от домашних забот или, по крайней мере, облегчить

---

¹⁸ Она же. Идеал буржуазной жены... С. 44.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 21.

их. Таким образом, домашнее хозяйство нуждалось в срочном реформировании с учетом интересов «новых» женщин, которые, оказавшись перед лицом новой реальности, должны были жить «по-новому», выходить на общественную арену, не ограничивать себя только ведением хозяйства и рождением детей. И феминистки показывали таким женщинам, как должен быть устроен их дом, чтобы он не мешал их саморазвитию и самосовершенствованию.

Желая предоставить обществу и, прежде всего, его женской части, альтернативный взгляд на предмет, феминистки начала XX в. ставили вопрос следующим образом: как образованная, свободная, ориентированная на публичную деятельность женщина-гражданка должна вести домашнее хозяйство, и что есть в принципе домашний труд. Необходимо подчеркнуть, что полностью женщина не устранилась из системы домашнего хозяйства, все его составляющие все еще признавались зоной ее ответственности. Корректировалась лишь ее роль в ней.

Этот вопрос никогда не был для российских феминисток обособленным. Он был тесно связан с более широким кругом проблем, относящихся к положению женщины в обществе и государстве. Более того, вопрос о положении женщины в семье являлся базой для более глобальных рассуждений феминисток. Не отрицая «природного долга» женщины перед обществом, который состоял в рождении, воспитании детей и ведении дома, они дополняли эти традиционно сложившиеся представления новыми компонентами, расширяли смысловое наполнение самого понятия «природный долг». Так, феминистки писали о том, что в России растёт количество девушек, понимающих, что «природа наложила на них и другой долг – долг культивировать и развивать свои духовные способности и принимать деятельное участие в общественной жизни, в созидании лучшего общественного строя»²¹. Прочие обязанности женщины

---

²¹ *Иванова. Домашнее хозяйство на новых началах // Женский Вестник, 1907. № 12. С. 312.*

не должны мешать ей в этом «созидании». Напротив, они должны способствовать этому, должны выдвигать женщину на общественную арену. Между различными обязанностями женщины должна существовать гармония. Женщины должны научиться «вести свою жизнь в гармоническое русло, то есть соединить умственные интересы с домашней работой»²².

В качестве примера подобного гармоничного соединения «умственных интересов» с домашней работой феминистки приводили процесс воспитания детей. Чтобы родить здоровых детей, воспитать их достойными гражданами, полезными отечеству, женщина должна быть образована:

«искусным воспитателем может быть только человек, вполне развитая личность, а не такое искалеченное существо, как женщина, насильственно втиснутая в тесные рамки семейной жизни и принужденная не развивать, а подавлять свою личность»²³.

Женщина должна быть сознательной матерью, со всей ответственностью подходящей к проблемам воспитания своих детей. Довольно распространенным было подобное восклицание, обращенное к противникам женской эмансипации:

«Разве они не знают, что только свободная и независимая мать может дать своей стране независимого и свободного гражданина?»²⁴

Феминистки обращали особое внимание именно на процесс воспитания и образования ребенка в семье, в ходе которого ему прививаются все существующие в обществе гендерные предрассудки и стереотипы. Покровская отмечала, что «чем большая разница во взглядах на назначение мужчин и женщин существует в каком-либо слое общества, тем сильнее подчеркивается воспитанием эта разница»²⁵. Таким образом,

---

²² Фукс Е.В. Оценка домашнего труда и гармония жизни // Женский Вестник, 1906. № 11. С. 312.

²³ В.З. Указ. соч. С. 38.

²⁴ М.В. Женский вопрос // Женский Вестник, 1907. № 2. С. 54-55.

²⁵ Покровская М.И. Идеал буржуазной жены // Женский Вестник, 1906, № 1. С. 22.

отношение к женщине как к вещи прививается мужчинам с детства, девочек же не учат жить сознательной жизнью, но учат быть «вещью на своем месте»²⁶. Для доказательства этого постулата феминистки анализировали механизмы воспитания, с помощью которых в обществе веками воспроизводились гендерные стереотипы как в отношении девочек, так и мальчиков. Они отмечали, что такие традиционные предметы для девочек как рукоделие, уроки танцев, хорошие манеры – это ни что иное, как своеобразная дрессировка, подготовка их к будущему замужеству, которое и является единственной конечной целью всего процесса воспитания и образования девочки. Автор статьи с «говорящим» названием «Женский вопрос в детской» писала о том, что детям с самого раннего возраста начинают объяснять, «что есть занятия мужские и женские», при этом в мальчиках воспитывают неврное представление о том, что «мужчины “первее”», а «девочкам начинают прививать специфическую “женственность”, т.е. тщеславие, пустоту, кокетство, страсть к нарядам»²⁷. В связи с этим прямой обязанностью матери, как «первой воспитательницы ребенка»²⁸, ее долгом перед всеми женщинами настоящего и будущего и в целом перед человечеством, является воспитание в ребенке уважения к женщине и ее равноправия в самом широком смысле слова.

«Наша обязанность, обязанность матерей семейства заставить понять наших детей, тех, кто будет работниками завтрашнего дня, что при одинаковых обязанностях, не могут быть разные права и ответственности.»²⁹

Отталкиваясь от постулата о том, что ведение домашнего хозяйства не является единственно возможным занятием для

---

²⁶ Казанцев Н. Необходимость реформы женского воспитания // Женский Вестник, 1906. № 7-8. С. 207.

²⁷ Вахтерова Э. Женский вопрос в детской // Союз Женщин, 1908. № 11. С. 2-6.

²⁸ Иванова. Указ. соч. С. 312.

²⁹ С.Я. Единство морали // Женский Вестник, 1910. № 7-8. С. 141.

женщины и далеко не единственной частью ее природы, феминистки считали, что и работа по дому, и воспитание детей – это специфическая трудовая деятельность, которая нуждается в специальной подготовке, профессиональных знаниях в самых разных областях (медицина, педагогика, кулинария и т.д.). И, соответственно, женщина, ведущая хозяйство, заслуживает соответствующей оплаты или, по крайней мере, уважения. Не раз феминистки замечали, что «женщину семья превращает в нуль; она как бы перестает существовать. Это несправедливо. С социальной точки зрения на женщину смотрят, как на дармоедку, а между тем на деле она трудится.»³⁰ М.И. Покровская также неоднократно писала о «бесплатном женском труде», который не ценится ни мужьями и прочими членами семьи в частности, ни обществом и государством в целом.

«Она смотрит за хозяйством, за детьми, шьет, моет, учит, вообще работает не меньше, если не больше мужа, и тем дает семье возможность жить в известном достатке. Если бы отнять ее труд у семьи, то последней в материальном отношении пришлось бы жить вдвое хуже.»³¹

Как мы видим, в рассуждениях феминисток, домашнее хозяйство выводилось из приватной сферы приложения женских природных способностей и становилось элементом системы общественного производства, куда вкладывали труд миллионы женщин. Таким образом, женщина становилась ценной экономической единицей.

Однако добиться признания экономической значимости женщины, хотя бы в рамках домашнего хозяйства, в начале XX в. было весьма непростой задачей. Женщина в семье продолжала оставаться в подчиненном положении, фактически превращаясь в «полезную домашнюю принадлежность», главной задачей которой была забота о кулебяке для мужа и

---

³⁰ Мораль феминизма // Женский Вестник, 1907. № 11. С. 268.

³¹ Покровская М.И. О жертвах общественного темперамента. СПб., 1902. С. 53-54.

молочной кашке для ребенка³². В одной из статей в журнале «Женский Вестник» ярко описывалась судьба среднестатистических женщин из небогатых городских семей. Выходя замуж, они начинают заниматься лишь домом и семьей и теряют всякий интерес к общественной жизни.

«Многочисленные семейные обязанности окружают их тесным кольцом, в котором они вертятся всю жизнь. Изю дня в день они переходят из кухни в детскую, из детской в столовую, из столовой на рынок, и так всю жизнь. Это непрерывное вращение в заколдованном кругу семейных забот постепенно отнимает у них всякий интерес к тому, что совершается вне этого круга.»³³

Постепенно женщина тонет в «семейной тине» и приносит себя, свои чувства и устремления в жертву семье. В жертву приносится личность женщины. Разумеется, такого не должно быть. Феминистки были убеждены в том, что «прошли те времена, когда все женщины наивно верили, что их назначение только родить и растить детей, а общественные дела должны вестись мужчины, которые лучше женщин знают, что надо делать для общего блага»³⁴. Для того, чтобы помочь женщине выйти на общественную арену, необходимо было облегчить ее семейные обязанности.

Одним из способов, предлагаемых феминистками для решения данного вопроса, было устройство коллективных хозяйств, «устройство жизненных форм на кооперативных началах»³⁵. Идея о «коллективных хозяйствах» была достаточно популярной в среде российских феминисток начала XX века. Не случайно в нескольких номерах журнала «Женский Вестник» за 1908 год был опубликован перевод работы Марии Лишневской «Экономическая реформа брака», посвященной в том числе и данному вопросу. В частности, автор статьи призывала к широкой агитации за создание «учрежде-

---

³² *Иванова*. Указ. соч. С. 312.

³³ Там же. С. 311.

³⁴ Там же. С. 312.

³⁵ *В. З.* Указ. соч. С. 39.

ний, которые дали бы возможность хозяйке дома и матери перейти от частного хозяйства к общественному»³⁶.

Идея коллективного устройства домашних хозяйств не была оригинальной для своего времени и не феминистки были ее творцами. В многочисленных статьях, публичных выступлениях и публицистических работах на эту тему они не прорабатывали детально саму организацию хозяйства «на коллективных началах», но лишь набрасывали общие контуры будущего устройства, акцентируя внимание на том, что считали принципиально важным – на освобождении женщины от пут домашнего хозяйства.

Итак, в подобных домах должны быть общие кухни, детские сады, которые, вместе с фабричным производством одежды, булочными и прочими «плодами цивилизации», должны были освободить женщин от домашних забот, создать для них «некоторый досуг». Только при подобном устройстве хозяйства на общественных началах «женщины будут иметь время и для собственного заработка и для общественной деятельности»³⁷. Только в этом случае у женщины появится возможность «прислушаться к своему внутреннему “я”, задуматься над своею женскою долею»³⁸.

Однако добиться признания экономической ценности труда «домохозяйки» или же права женщины не ограничиваться лишь семейными заботами можно было, по мнению феминисток, лишь в ходе борьбы за широкое равноправие женщин, за их политические, гражданские, социальные, экономические права. Рассуждая о том, что значит равенство для женщины, в зависимости от ее статуса, Покровская писала, что для жены «это значит избавление от рабства мужу, от прикрепления к нему церковью и законом, от закрепощения ему паспортом, от экономической зависимости ему, от его

---

³⁶ *Литневская, Мария*. Экономическая реформа брака // Женский Вестник, 1908. № 4. С. 107.

³⁷ *Иванова*. Указ. соч. С. 313.

³⁸ *В.З.* Указ. соч. С. 39.

насилия и кулаков. Для матери оно значит обладание по отношению к детям такими же правами, как и отец; право решающего голоса в воспитании детей дома и в школе»³⁹. Борьбу эту должны были вести сами женщины, осознавшие всю несправедливость своего подчиненного положения. Именно к этому – к самостоятельности, отстаиванию своих интересов – и призывали российские феминистки начала XX в. Только сами женщины с помощью самостоятельной, активной и планомерной работы могли добиться изменений в существующем гендерном контракте и перейти к такой форме семьи, где муж и жена были бы равны во всем, где они были бы, прежде всего, товарищами, равными партнерами. Вот каким представляли себе феминистки будущее женщины, добившейся полной равноправности с мужчинами:

«Исчезнет жена-рабыня, исчезнет глупо самодовольный властелин-муж, будет создана более благоуханная семья, будут лучше воспитываться дети, будущие граждане. Я вижу такую семью, вижу, как равноправные супруги, тесно связанные любовью и дружбой, стойко идут рука об руку по жизненному пути, вместе воспитывают детей, стремясь облагородить в них человеческую природу, создать в них более совершенных людей»⁴⁰.

В предложенной российскими феминистками модели гендерного контракта были, безусловно, и утопические моменты (например, предложение о коллективных хозяйствах). Однако, базовые элементы данной модели, такие как равные, партнерские отношения мужа («мужа-товарища») и жены, право женщины на профессиональную самореализацию вне семьи, были воплощены в жизнь почти полвека спустя в Западной Европе и США.

В целом, отстаиваемая феминистками идея о том, что женщина, также как и мужчина, имеет право на профессиональную самореализацию, выход за пределы своего дома и семьи, расширение сферы деятельности и, соответственно, разви-

---

³⁹ Покровская М.И. Равенство // Женский Вестник, 1906. № 4. С. 91.

⁴⁰ Она же. Кадетка ... С. 39.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Frauenleben in Innsbruck. Ein historisches Stadt- und Reisebuch / Hrsg. von E. Forster, U. Stanek, A. von Schlachta. Innsbruck, 2003, 212 S.

Жизнь женщин в Инсбруке. Исторический путеводитель по городу / Под ред. Э. Форстер, У. Станек, А. фон Шлахта. Инсбрук, 2003. 212 с.

Курсив в оригинальном заголовке этой книги не случаен. На русский язык подобную игру слов можно перевести как: «Жизнь женщин в Инсбруке, или в Инсбруке *живут* женщины». Авторы книги рассказывают историю города сквозь призму женских судеб, рисуют групповые и индивидуальные портреты женщин из разных сословий: дворянок, мещанок, предпринимательниц, художниц, учителей, врачей, крестьянок, нищенок и проституток. Из отдельных тематических очерков складывается картина мира, в котором женщины, на протяжении веков социально и юридически находившиеся во власти отцов, мужей, опекунов, искали пути выражения личных интересов и достижения собственных целей.

В рамки сборника хронологически и тематически подобранных очерков встроен необычный путеводитель. На форзаце воспроизведена карта современного Инсбрука, текст богато иллюстрирован историческими картами, схемами, фотографиями музейных экспонатов и архивных документов, репродукциями живописных и графических изображений и пр. Все иллюстрации пронумерованы, а в текстах очерков содержатся ссылки на иллюстративный материал. Перед мысленным взором читателя возникают жилища бюргеров, церкви и монастыри, здания городской больницы, полицейского участка, тюрьмы. Мы неоднократно возвращаемся в Хофбург (во владениях Габсбургского дома только Вена и Инсбрук облада-

ли монаршими резиденциями), где жили придворные дамы из штата герцогини, где парадный зал был в XVII в. остеклен под руководством вдовы мастера Тельхингера, где в 1879 г. был торжественно основан «Патриотический земельный и женский союз Красного Креста в Тироле». Наконец, как и в традиционных путеводителях, в очерки вмонтированы врезки с цитатами из источников и примечательными историями, своей образностью дополняющими основное повествование.

Книгу открывает серия очерков о женщинах разных социальных условий, живших в Инсбруке в Средние века и раннее Новое время: мещанки (Э. Форстер), придворные дамы (А. фон Шлахта), крестьянки (А. Унтеркирхер), проститутки и нищенки (К. Лоренци). Данью традиционным сюжетам гендерной истории является короткая зарисовка А. фон Шлахты о женщинах, обвиненных в ведьмовстве. По каким-то причинам авторы отказались от очерка о монахинях, хотя в городе и «на святой тирольской земле» было немало католических монастырей. Впрочем, о них постоянно заходит речь в контексте конфессионального профиля города, истории начального образования для девочек (орден урсулинок), становления системы здравоохранения (орден милосердных сестер).

Как жили те, кто не обладал юридическим полноправием до 1811 г., избирательным правом до 1919 г., правом на расторжение католического брака до 1938 г.? Общественным идеалом женщины любого сословия были вступление в брак и сохранение семейного очага. В 1909 г. популярная «Тирольская женская газета» советовала читательницам проводить время дома за шитьем или вышиванием и во всем потакать мужу. Обратной стороной этой идиллии нередко оказывались нотариальные акты, полицейские протоколы и судебные решения, по которым ученые воссоздают семейные драмы, завершавшиеся «разделением стола и постели» – общепринятой формой «развода» у католиков. Даже нищету – ведь попадание в городские низы нередко становилось последствием рождения внебрачного ребенка – женщины переносили несоизмеримо тяжелее, чем мужчины. Единственным путем защиты

автономии личности и социальной самореализации становились образование и профессиональная или общественно-значимая деятельность.

Если, ознакомившись с очерком У. Станек о трудовой деятельности жительниц Инсбрука, читатель предпримет прогулку по городу, его ждет приятное удивление. По охоже, в исторической части города нет такой улицы, на которой не стояла бы лавка, трактир, мастерская, фабрика, бюро, где не работали и не хозяйничали бы женщины. Они преумножали капитал семейного предприятия, добивались своим профессионализмом уважения коллег-мужчин. Примечательна история вдовы Анны Шафферер, которая на протяжении тридцати лет, в соответствии с городским законодательством, брала в концессию городские трактиры. Когда свободной концессии не оказалось, ей в качестве исключения позволили открыть собственный трактир. Справедливости ради автор признает, что индустриальная эпоха принесла женщинам не только право на предпринимательскую деятельность (закон 1859 г.), но и массовое использование их дешевого труда. Плохо оплачиваемые профессии учительницы, почтовой и железнодорожной служащих, «пишбарышни» закрепились за женщинами на многие десятилетия вперед.

Очерк А. Унтеркирхера и А. Винклера знакомит читателя с местом женщин в системе городского здравоохранения. С середины XV в. их уделом было акушерство – профессия, для занятия которой достаточно было выдержать экзамен перед специальной комиссией, а в XVIII в. прослушать шестинедельные курсы. На медицинский факультет женщин стали принимать лишь в 1900 г., и к началу Первой мировой войны в Инсбруке на него записались пять женщин. Впрочем, в 1927 г. в городе не работало ни одной женщины-врача. Превращение в XVIII в. больницы из приюта для бедных в современную клинику потребовало изменить качество и профессиональную подготовку санитарок и сиделок. В 1836 г. был основан орден милосердных сестер, посвятивших себя заботам о больных. Именно монопольным положением этого ор-

дена объясняется отсутствие в Австрии движения сестер милосердия, подобных тем, что организовала в Англии Флоренс Найтингейл.

Борьба за равный доступ к образованию и равные права женщин и мужчин-учителей на рынке педагогических услуг – важная страница в истории Инсбрука (авторы очерка – А. фон Шлахта, Э. Форстер и У. Станек). Образованные вдовы нередко открывали начальные школы, служившие им хорошим материальным подспорьем. Популярность таких школ вызывала ревность со стороны учителей мужчин: в начале XVII в. Урсулу Финерин неоднократно заставляли ограничивать число учеников, чтобы она не отбирала хлеб у коллег. Поскольку образование считалось для девочек необязательным, за него – в нарушение «Всеобщего школьного уложения» 1774 г. – в Тироле продолжали взимать плату. Лишь в 1785 г. начальные школы для девочек в этой коронной земле стали бесплатными. Потребность в образованных гражданах стимулировала открытие в 1869 г. первого женского педагогического училища, одновременно при многих профессиональных училищах создавались женские группы, где девочек учили «полезным» ремеслам. Первая женская гимназия появилась в городе в 1898 г., но только в 1918 г. первые гимназистки смогли сдать специальный выпускной экзамен (*Matura*), открывавший путь в университет.

История появления женщин в Инсбрукском университете (очерк А. Бёше) – это часть борьбы за политическое и социальное равноправие. Профессура, решительно противившаяся зачислению женщин в университет, сдавала позиции постепенно: сначала женщинам разрешили посещать лекции в качестве вольных слушательниц, потом дозволили защищать диссертации, затем смирились с тем, что они занимают должности экстраординарных профессоров. Вслед за философским и медицинским факультетами Инсбрукского университета, юридический распахнул свои двери для женщин в 1919 г., теологический – только в 1945 г. Подсчеты автора свидетельствуют, что и в начале XXI в. непропорционально мало выпу-

скниц университета получают должности доцентов и тем более профессоров.

Важнейшей сферой общественной самореализации для женщин вплоть до XX в. была благотворительность (очерк У. Станек и А. Бёше). До середины XIX в. активное участие в ней принимали знатнейшие аристократки и патрицианки города. «Женское объединение для организации детских дошкольных учреждений и профессиональных школ для женщин» было основано в 1834 г. и за сто лет существования открыло несколько частных яслей и детских садов (эти здания сохранились), где работающие женщины из низших сословий могли вверить заботу о детях квалифицированному персоналу. Созданные этим объединением школы готовили к самостоятельной и независимой жизни десятки женщин, вынужденных своим трудом зарабатывать на жизнь. Постепенно все больше простых женщин вовлекалось в благотворительность, которая становилась важной формой партийной агитации. Стены трактира «Адамброй» помнят, как в 1906 г. социал-демократки основали «Женское объединение Инсбрук» для действенной помощи женщинам из беднейших слоев.

Расширение избирательного права для женщин также проходило постепенно (очерк З. Гензер). В 1849 г. женщины, обладавшие домом, земельным участком, собственным делом, получили активное избирательное право на местных выборах. Закон 1874 г. отказал им в праве участвовать в выборах городского магистрата, зато на земельном уровне – не лично, но через доверенное лицо – состоятельные горожанки могли выражать свою политическую волю. С введением всеобщего избирательного права в 1919 г. и до национал-социалистической «цезуры» в 1934 г. в ландтаге заседали четыре женщины: одна от социал-демократов, три другие в разное время – от христианских социалистов. Характерно, что при Гитлере ни одной женщины от Тироля не было избрано ни в ландтаг, ни в общинные советы.

Книгу завершает очерк М. Реслер о достижениях женщин Инсбрука в искусстве. Многие века возможность совер-

SUMMARIES

L. L. Selivanova

Self-castration in glory of the goddess

The article considers the ceremony of self-castration that was practiced in the cult of the goddess Cybele, Phrygian Great Mother of gods. Having rejected the standard interpretation of this ritual in the context of the ideas of fertility the author addresses psychological and gender aspects of the cult using the unique find - the terracotta Attis figurine unearthed in the course of archaeological excavations close to the village Zavetnoe-5 in the southeastern Crimea in 2001.

A. G. Souprianovitch

William and werewolf: representation of dominant masculinities in medieval romance

Medieval literature gives numerous examples of use and interpretations of different phantasmagoric images such as werewolf. The legends about werewolves were widely spread throughout Europe since Antiquity. The article is focused on the mid-14th -century English alliterative romance "William and werewolf", which is based on the more old French version. The author compares the different models of masculinity, represented in the romance by two main characters. First of them – William – demonstrates the process of becoming of knight; the other – werewolf – gives an examples of perfect one. They both let us speak about various types of masculinities, which existed in the one social group. Numerous factors such as age, marriage, social status and others influenced the models of representation of masculinity.

A.M. Ermakov

Joseph Goebbels and the Construction of Nazi Model of Manhood

The article discusses the views of Joseph Goebbels, the Nazi minister of propaganda, on manhood and gender role of males. The

author makes the conclusion about the similarity of the National Socialism gender ideology to the one developed by Italian fascism, about Nazi intolerance to marginalized models of manhood, about the relationship of Nazi gender conception with other components of National Socialism ideology, about the correlation of traditional and modernist elements within National Socialism ideology.

N. Yu. Bikeeva

**Private life of a Saint woman of the Merovingian epoch:
Radegund within a circle of relatives**

The article deals with close emotional relationships of Saint (late 6th c.) The author shows that the real life of this woman in the monastery differed from the image created by her hagiographers. This imperious and influential lady enjoyed the friendship of the poet and bishop Venantius Fortunatus. With no children of her own St Radegund, apparently, experienced motherly feelings towards one of the nuns of her monastery in Poitiers. Thus, Radegund, Venantius Fortunatus and Agnes made so-called «emotional community».

A. Yu. Seregina

**Nuns and history writing: the Chronicle of the Convent of
St Monica, 17th c.**

Monastic reforms of the Late Middle Ages and of the post-Tridentine period produced a substantial number of convent chronicles written by female historians (nuns). Scholars have not paid a great deal of attention to these texts. German and Italian convent chronicles were studied during the last decade. The post-Reformation English nuns were less lucky. The chronicles written in the English convents based in Belgium or France had been used as a source of factual information on the history of English Catholics, or had been presented as an example of female writing. However these texts have not yet been analysed thoroughly as historical narratives. The article is focused on one of the English convent chronicles – the Chronicle of the Augustine canonesses of

St Monica, Louvain written in the 17th c. The author analyses the genre and the functions of the text, and looks at the way the English Catholic community had been presented in the chronicle since it changes our perspective by adding women to the picture. It is argued that although much of this focus on women could be attributed to the genre itself, at least some of it could be viewed as a reflection of the changing gender roles within a religious minority group.

O.I. Togoeva

Jeanne D'Arc in the 17th-century France: between Catholics and Protestants

The article is focused on the 17th-century debates between Catholics and Protestants about Jeanne D'Arc, and about the meaning of sainthood and its characteristics. The author evaluates the impact of the debates on the image of St Jeanne d'Arc in French society.

I.I. Lisovich

The Representation of the theory of magnetism in the 17th-century English culture: 'De magnetete' by William Gilbert and 'The Magnetic Lady' by Ben Jonson

The article aims to analyse the reception of William Gilbert's magnetic theory and experimental methodology in Ben Jonson's play "The Magnetic Lady". Vitalist discourse which represents the practices of gender asymmetry in 17th century English culture proves to be an important constituent element both in the natural philosophy of magnetic properties and in its extrapolation onto social and cultural relations. Due to this extrapolation, hierarchical or egalitarian relations receive the status of natural order.

A.V. Stogova.

A history of one misundersanding: Catherine Philips and Jeremy Taylor.

The article analyses the 'Discourse of the Nature, Offices and Measures of Friendship' by the anglican priest Jeremy Taylor (1657). It is focused on the problem of dis-communication between male and female texts. The author explains it by the presence of a specific type of friendship shaped by English religious literature (where God was presented as an ideal friend thus making the image of a friend undisoutably male) and by the absence of a discourse that would be help to describe new female social practices of friendships, which became normal in the Early Modern period. Women tried to adopt male discourses for their needs but men's attempts to write about female friendships failed dramatically, at least, from the contemporary point of view.

Ivashchenko V. Yu.

Challenges of Europeanization of Private Life: Family and Household in Professorial Circles of Kharkov in the Early XIXth century.

In the early 19th century a professor's family was standing at the crossroads of the emerging new urban culture and university corporatism and was influenced by the clash of modernized and traditional cultures. It represented a number of mobile and often controversial practices in the field of family relations. This paper discusses the processes associated with the entry of foreign scientists forming the majority of the corporation of Kharkov University history professors in the early period into the urban environment. Both archival materials and published memoirs are analysed; the author compares various motives for marriage, the practice of family relations, especially in the the household of Russian and foreign professors. Special attention is paid to inter-ethnic marriages, many of which resulted in a breakdown of a relationship or in a divorce.

O. Makarova**«The woman question is not an integral part of the public consciousness yet...»: Feminist issues in the early A. S. Suvorin's journalism**

The paper is based on some lesser known Suvorin's publications in the newspaper *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. The beginning of Suvorin's career coincided with the onset of women's emancipation in Russia, and the aspiring journalist took an active part in the debate on 'the woman question'. In this debate, he alternated two divergent ideological lines: while as a liberal he supported women's education, a clear engine of freedom, he also, as a conservative, rejected the idea of woman's personal and sexual freedom. Suvorin's conservatism, disguised as ironic or even provocative commentary on 'the woman question', was also designed to attract the less demanding reading public. This surface contradiction reflected Suvorin's inner moral conflict: a devotee of enlightenment and education, he nevertheless stuck to patriarchal views on family life, assigning to woman the role of a child-bearer and rearer of children and no more. I have suggested that Suvorin's anxiety can be identified as a species of gynophobia, and this intriguing condition expressed itself in his earlier journalism.

Yu.P. Krylova**Lydia Mizinova: in search of self.****An unmarried young woman in the late 19th century Russia**

Since the mid-19th century the women's question and emancipation was actively discussed in Russia. In the society debated the status of women, their purpose and equality with men.

One of the person of this crucial period was Lydia Stakhievna Mizinova (1870-1939, "Lika Mizinova"). Usually her name is mentioned in connection with the great Russian writer Anton Chekhov and his family, with whom she was on friendly terms for years. Ten years after finishing school and before marriage she was trying to find a purpose of her life: she worked